

Д. Олейников

НИКОЛАЙ I

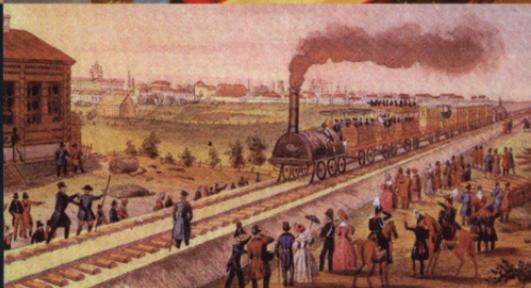


ЖЗЛ

# НИКОЛАЙ I



Дмитрий  
Олейников



ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ





ЖИЗНЬ<sup>®</sup>  
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ  
ЛЮДЕЙ

*Серия биографий*

Основана в 1890 году  
Ф. Павленковым  
и продолжена в 1933 году  
М. Горьким



МАЛАЯ СЕРИЯ  
ВЫПУСК  
36

Дмитрий Олейников

# НИКОЛАЙ I



МОСКВА  
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ  
2012

УДК 94(47)(092)“18”  
ББК 63.3(2)521.2-8  
О-53



**ISBN 978-5-235-03537-9**

© Олейников Д. И., 2012  
© Издательство АО «Молодая гвардия»,  
художественное оформление, 2012

---

---

*Глава первая*  
**ДЕТСТВО**

— Не похож!

— На кого?

Белый мраморный бюст классического героя. Строгий античный профиль императора обращён к окну Гатчинского дворца. Где-то там, на просторном плацу, стоит, словно принимает парад, бронзовый император Павел I.

— Николай Павлович на отца не похож...

Пожимаю плечами, но в музейном зале, где соседствуют портреты императоров, императриц, членов императорских фамилий, слышу снова:

— Нет, не похож... Приглядитесь.

Как не приглядеться? Родственное сходство между Петром III и его сыном Павлом Петровичем — по крайней мере на портретах — очевидно. Старшие сыновья Павла — тоже несомненное продолжение царственного рода. Вот камея с изображением старших детей Павла: в 1790 году её вырезала лично императрица Мария Фёдоровна! У всех угадывается курносый «павловский профиль»: Александр, Константин, Александра, Елена, Мария, Екатерина...

Но Николай?..

Кажется, ничего от Павла. Тот, даже по признанию лояльных придворных, — «уродлив», этот, даже по признанию весьма критичных публицистов вроде злокозненного маркиза де Кюстина, — первый красавец. Тот курнос, у этого «красивые, величественные, почти античные черты лица» (В. В. Стасов). Тот «мал ростом», этот — под два метра (и дети, и внуки будут высокими: «николаевская порода»). Тот спрячется от заговорщиков за каминным экраном, этот — выедет верхом под пули на мятежную площадь...

На Павла не похож. А на кого похож?

Сохранившиеся на этот счёт сведения основываются на устных преданиях, создающих, впрочем, устойчивую традицию. От поэта-партизана Дениса Давыдова до публициста и издателя Алексея Суворина, через весь XIX век: «Император Павел Первый прекрасно знал, что его третий сын Николай был прижит Марией Фёдоровной от гоф-фурьера Бабкина, на которого был похож, как две капли воды...»; «Павел Первый собирался заключить свою жену в монастырь и объявить Николая Павловича и Михаила Павловича незаконными». Суворин был уверен, что об этом знал император Николай II, который сам «читал Панчулидзеву все бумаги...»<sup>1</sup>.

Бумаги были наверняка секретные, но одно из свидетельств, похоже, дожило до суда любопытных потомков: копия старинного письма была опубликована в журнале «Былое» в 1925 году.

Если публикации доверять, то получается, что 15 апреля 1800 года император Павел, доведённый

---

<sup>1</sup> См.: *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. М., 1984. С. 163—164; *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* М., 2000. С. 340 (запись от 20 мая 1899 года); *Сергей Алексеевич Панчулидзе* (1855—1917) — историк, автор труда «История кавалергардов», управляющий архивом Государственного совета в 1903—1917 годах.

до отчаяния враждебностью окружения, разоткровенничался с одним из своих приближённых, графом Фёдором Растопчиным:

«Вам, как одному из немногих, которому я абсолютно доверяю, с горечью признаюсь, что холодное, официальное отношение ко мне цесаревича Александра меня угнетает... Тем более это грустно, что Александр, Константин и Александра мои кровные дети. Прочие же? <...> Бог весть! Мудрено покончив с женщиной всё общее в жизни, иметь ещё от неё детей. В горячности моей я начертал манифест “О признании сына моего Николая незаконным”, но Безбородко умолил меня не оглашать его. Всё же Николая я мыслю отправить в Вюртемберг “к дядям”, с глаз моих: гоф-фурьерский ублюдок не должен быть в роли российского великого князя! <...> Но Безбородко и Оболянинов правы: ничто нельзя изменять в тайной жизни царей, раз так определил Всевышний.

Дражайший граф, письмо это должно остаться между нами. Натура требует исповеди, а от этого становится легче и жить, и царствовать. Пребываю к вам благосклонный Павел»<sup>1</sup>.

Несмотря на уговоры первых лиц империи (канцлера Александра Андреевича Безбородко, генерал-прокурора Петра Хрисанфовича Оболянинова), Павел, видимо, всё-таки решил исполнить свою угрозу относительно младших сыновей. Об этом сохранилась запись Дениса Давыдова:

«Граф Растопчин был человек замечательный во многих отношениях... Получив однажды письмо Павла, который приказывал ему объявить великих князей Николая и Михаила Павловичей незакон-

---

<sup>1</sup> Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1984. С. 164.

норожденными, он, между прочим, писал ему: “Вы властны приказывать, но я обязан Вам сказать, что, если это будет приведено в исполнение, в России не достанет грязи, чтобы скрыть под нею красноту щёк ваших”. Государь приписал в этом письме: “Вы ужасны, но справедливы”.

Эти любопытные письма были поднесены Николаю Павловичу, через графа Бенкендорфа, бесполовым и ничтожным сыном графа»<sup>1</sup>.

Тревога венценосца привносит особый смысл в чуть ли не единственный дошедший до нас диалог между Павлом и совсем юным Николаем Павловичем.

— Отчего, — поинтересовался великий князь, — императора называют Павлом Первым?

— Потому что не было другого государя, который носил бы это имя до меня, — объяснил император.

— Тогда, — отреагировал Николай, — меня будут называть Николаем Первым!

— Если ты ещё вступишь на престол, — довольно жёстко ответил Павел, потом в раздумьях взглянул на Николая и удалился из комнат..

Все сохранившиеся свидетельства, хотя и оставлены в записках и дневниках, основаны на устных преданиях. Письмо Павла к Ростопчину вынырнуло было из небытия в начале XX века — но снова в небытие вернулось. Оригинал, если верить публикаторам, сгорел в 1918 году во время пожара; ни опубликованная в журнале «Былое» в 1925 году копия, ни даже копия с копии не сохранились. Осталось только «тёмное, ничем не доказанное и ничем не опровергнутое предание»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 312.

<sup>2</sup> Слова Н. К. Шильдера, биографа Николая. Цит. по: Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1984. С. 165.

Документы молчат, говорят картины и скульптуры. И в наше время нет-нет да и прошелестит в музейном зале, между портретами Павла и Николая: «Нет, не похож...»

Как бы то ни было, государыня Екатерина не испытывала подобных сомнений. Сам Николай позже искренне полагал, что его рождение — рождение долгожданного третьего внука — «было последним счастливым событием, ею испытанным». Ещё во время беременности невестки, Марии Фёдоровны, императрицу умиляли грубоватые шутки её второго внука Константина (мол, «за всю жизнь ещё не видывал такого живота; там хватит места на четверых»<sup>1</sup>), а само рождение мальчика, да такого крупного, было встречено ею возгласом: «Экий богатырь!»

Всё раннее утро 25 июня 1796 года Екатерина не отходила от новорождённого, а в пять часов мирно спящее Царское Село вздрогнуло от пушечного грома: это был салют в честь великого князя. Младенец был особенным: он кричал басом, длиной оказался аршин без двух вершков (61 сантиметр), а руки у него были, как писала Екатерина, «немного поменьше моих».

И имя ребёнку дали особенное, небывалое прежде в царственном доме — в честь святого Николая Мирликийского. Никаких больше Петров! Тем более Павлов...

Обряд крещения состоялся в воскресенье, 6 июля. К тому времени уже был готов особый подарок от императрицы: мерная икона. По старой русской традиции икону с изображением святого покровителя, в честь которого назван ребёнок, писали на узкой доске размером с его рост при рождении. Этот обычай, идущий ещё из допетровской Руси, Нико-

---

<sup>1</sup> Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее ИРИО). Т. 23. СПб., 1878. С. 678—679.

лай сохранит: для его детей тоже будут изготавливать мерные иконы.

Мимо застывших рослых караульных-преображенцев вдовая генеральша Ливен торжественно пронесла в царскосельскую церковь «высоконоворождённого»: на глазетовой подушке, под покрывалом из белой кисеи. А из купели мальчика принимал великий князь Александр Павлович. Таково было пожелание Екатерины, основанное на политическом расчёте. Николай обретал в старшем брате крёстного отца, которого императрица намеревалась возвести на престол в обход своего сына Павла, а Александр принимал на себя особую ответственность за своего возможного наследника (за три года брака он всё ещё не обзавёлся потомством). Екатерина словно заглядывала в будущее и спешила его приблизить. Не успела: срок её земной жизни подходил к концу. Государыня ещё могла порадоваться тому, как «не по дням, а по часам» растёт «рыцарь Николай» (так она его называла), но не дожила и до полугода внука.

Император же Павел был настолько переменчив, что однажды от планов ссылки «гоф-фурьерских ублюдков» метнулся к идее сделать Николая наследником в обход его старших братьев, воспитанных бабкой в угодном ей духе. Именно так предлагали некоторые исследователи толковать слова Павла о том, что он скоро «помолодеет на 25 лет»<sup>1</sup>.

Конечно, сам Николай ничего этого не осознавал и не помнил: он был символом, подручной фигуркой сложной дворцовой игры. Его произвели в полковники Конной гвардии (и выписали первую тысячу рублей жалованья) в трёхмесячном возрас-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн.1. М., 1996. С. 15–16; Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1986. С. 242.

те. Светскую жизнь полковник начал, не достигнув и полутора лет. 2 ноября 1797 года на придворном балу в Гатчине великий князь «танцевать изволил» (как сообщает Камер-фурьерский журнал) в паре с трёхлетней великой княжной Анной Павловной. Ещё через три месяца, 28 января 1798 года, Николай присутствовал на грандиозном придворном мероприятии: парадном выходе императорской семьи, торжественном шествии в честь рождения самого младшего сына Павла, Михаила, будущего своего товарища по детским играм.

Вообще события павловского царствования Николай помнил смутно. Много позже, когда он ощутил потребность писать мемуары, память могла осветить отдельные картины раннего детства, но никак не связывала их между собой. Вот будущая императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра, катает мальчика на шлейфе своего платья. Вот на подоконники свежевыстроенного Михайловского замка выкладывают горячий хлеб — впитывать сырость. А вот самое драгоценное детское воспоминание: в Зимнем дворце поразительно интересный старик, усыпанный орденами, встал на колени, чтобы маленькому Николаю было удобнее тыкать пальцами в награды. Старик терпеливо показывает и объясняет: что и за какой подвиг. Зовут его Суворов.

### *Легенда первая. Барабан*

*Многие биографы Николая приводили для характеристики личных качеств императора (со ссылкой на достоверный источник!) его высказывание о том, что он не любит музыку и всем инструментам предпочитает барабан. И никто не удосуживался заме-*

*тять, что эта историческая фраза была произнесена шестилетним ребёнком: 7 сентября 1802 года дежурный кавалер записал, что Николай и Михаил весьма внимательно слушали игру своей сестры Марии Павловны на фортепиано, хотя «всегда говорили, что терпеть не могут музыку и что предпочитают барабан». Но буквально в следующих строках источника — «Журнала» с ежедневными отчётами воспитателей — идёт речь о том, что в семь лет Николай полюбил пение придворных певчих, а в восемь пришёл в такой восторг от игры знаменитого скрипача Родде (это вам не фортепианные экзерсисы шестнадцатилетней Марии Павловны), что захотел немедленно начать учиться играть на скрипке... Взрослый же Николай был одарён «необыкновенной музыкальной памятью и верным ухом» (подлинные слова его сына, Александра Второго), любил музыку, обладал «некоторой музыкальной способностью», участвовал в домашних концертах, играя на корнете<sup>1</sup>. И выходит, что перед нами тонкая, чувствительная натура.*

Картины, сохранившиеся в памяти Николая, окрашены в яркие и выразительные цвета: белые одеяния католических священников, посетивших Павла в Зимнем дворце; зелёные стёганые подушки у стен комнаты, в которой мальчик учился ходить; позолота и малиновые шторы жилых покоев в Царском Селе; жёлтые сапоги венгерских гусар в день венчания Александры Павловны с герцогом Авс-

---

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1898. С. 47—48. Корнет — родственник трубы, получил распространение как раз в николаевскую эпоху. Один из самых знаменитых сольных номеров, исполняемых на корнете, — «Неаполитанский танец» из балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского.

трийским; серебряные орлы и серебряный крест Мальтийского ордена; вишнёвая курточка и вишнёвые панталоны первого мундира (Конной гвардии).

Цвета мундиров Николая мелькают как в калейдоскопе — так коснулась мальчика череда Павловых чудачеств: вишневый цвет скоро сменится на оранжевый, оранжевый на красный, потом придёт черёд зелёного...

Сама память об отце — это «чувство страха и схожее с ним чувство почитания», столь сильные, что Николай ощущал их и четверть века спустя. И хотя в целом отношение Павла к младшим детям было «крайне доброе и ласковое», нельзя забывать, что дети куда чаще видели отношение к Павлу его окружения, придворных и слуг. Разговоров было много. «Разумеется, всё... говорилось шёпотом и между собой, но детские уши умеют слышать то, что им слышать не полагается, и слышат лучше, чем полагают»<sup>1</sup>, — отмечал Николай в воспоминаниях. Он запомнил всеобщее сожаление о переезде в уютный Михайловский замок, недовольные толки о планах императора превратить Зимний дворец в казарму, пережил ссылку в Сибирь учителя французского Дю Пюже. Помнил Николай и свою детскую обиду на то, что Павел «отобрал» у него из шефства Конную гвардию и дал «взамен» Измайловский полк.

Не вызывала радости и редкая сцена высочайшего воспитания: когда маленький Николай был до слёз напуган шумом сменявшегося пикета гвардейцев, Павел взял его на руки и заставил перецеловать весь караул... Сцена редкая, потому что по ве-

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2008. С. 37.

ликосветским обычаям того времени царственные родители виделись с детьми не так часто и очень недолго.

Беспристрастный Камер-фурьерский журнал (сборник ежедневных кратких записей о жизни императорского двора) свидетельствует: только что родившегося сына Мария Фёдоровна навещала почти каждый день, но редко оставалась с ним больше четверти часа, а иногда, когда приходилось спешить на большой девятичасовой ужин Императорской фамилии, тратила на это считанные минуты. Павел приходил не каждый день, и всегда один, дождавшись ухода Марии Фёдоровны. Годовалого Николая приносили императрице в покои (или привозили в золочёной колясочке, обитой зелёной тафтой) — утром или вечером, на полчаса-час (редко на два). С весны 1798 года записи о встречах императрицы с детьми становятся реже, иногда исчезают на несколько дней. Например, с 5 мая по 1 июня 1798 года Мария Фёдоровна видела сына в общей сложности шесть или семь часов<sup>1</sup>.

Павел отводил для родительского «общения» время своего утреннего туалета: бонны вводили детей в императорскую опочивальню в те минуты, когда камер-гусар начинал завивать государю буikli. Император в белом шлафроке сидел в простенке между окнами и любовался, как малыши играют на ковре. Через некоторое время громко захлопывалась жестяная крышка пудреницы. Это был сигнал, по которому в комнату входили камердинеры. Детей уводили — Павлу пора было одеваться.

Таким образом, с самого рождения главным детским окружением Николая были не венценосные

---

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2008. С. 48.

родители, а штат прислуги: английская бонна, кормилица-крестьянка, два камердинера, две дамы для ночного дежурства (они посменно бдели всю ночь у детской кровати), два камер-лакея, четыре няньки-горничные, восемь лакеев и восемь истопников. Женская прислуга — по традиции набиравшаяся из окрестностей Петербурга — во время торжественных церемоний представляла собой забавное зрелище: пышные круглолицые крестьянки в фижмах, до удушья затянутые в корсет, с высокими причёсками, напомаженные, напудренные...

Самым близким Николаю человеком в первые годы его жизни стала няня, Евгения Васильевна Лайон, «няня-львица», как позже называл её ребёнок, обыгрывая фамилию. Это была дочь лепного мастера, некогда выписанного в Россию императрицей Екатериной. Все звали её англичанкой, хотя на самом деле она была шотландкой<sup>1</sup>. Сохранившиеся отзывы действительно дают основания видеть в няне благородные «львиные» черты. Смелая, решительная, открытая, при этом вспыльчивая и отходчивая, мисс Лайон привязалась к воспитаннику «до страсти, до фанатизма». Она была готова в случае необходимости поступать наперекор приказаниям гувернанток, графини Ливен и даже императрицы Марии Фёдоровны — лишь бы на пользу своему подопечному. «Вначале Лайон получала выговоры за отважность её поступков, но она не теряла доверенности императрицы, потому что сделанное или предпринятое ею оказывалось всегда хорошо и полезно»<sup>2</sup>.

Именно Лайон научила мальчика складывать

---

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 12.

<sup>2</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2008. С. 44.

персты для крестного знамения, помогла затвердить самые первые молитвы: «Отче наш» и «Богородицу», познакомила с русской азбукой. Николай никогда не забывал доброты своей первой настоящей воспитательницы. Уже став императором, он навещал Евгению Васильевну Лайон в Аничковом дворце, где выделил ей квартиру, и даже «удостаивал иногда кушать чай со всем августейшим своим семейством». А ребёнком он строил дачу для няни (из стульев, или игрушек, или просто земли) и непременно укреплял её пушками — «для защиты».

Няню было от кого защищать. Совершенным контрастом её светлой фигуре появляется на закате павловского царствования новый воспитатель Николая, генерал Матвей Иванович Ламздорф. Этот 55-летний «педагог» «не считал себя ещё слишком старым для преследования молодой нянюшки» (Лайон тогда было около двадцати лет), а поскольку «строгая англичанка... никогда не соглашалась ласково выслушивать старого воздыхателя», это «спустя несколько времени повело к непримиримой вражде и к преследованию другого рода с его стороны». Прямо в детской великого князя стали разыгрываться неприятные и некрасивые сцены, и нетрудно догадаться, чью сторону занимал Николай в этом противоборстве: одна сторона, как пишет осведомлённый биограф, «благородная, пламенная, прямая и светлая», а другая — «коварная, эгоистичная, холодная и ограниченная». Игрушечные пушки Николая не могли ему помочь, но это лишь подогрело неприязнь к Ламздорфу, и со временем она только усиливалась.

Увы, ни унять, ни удалить любвеобильного генерала не могли ни няня, ни даже Мария Фёдоровна — назначен он был личным повелением Павла

Первого. В ноябре 1800 года император приказал бывшему директору Первого кадетского корпуса, бывшему гражданскому губернатору Курляндии, бывшему командиру кирасирского полка и бывшему кавалеру при великом князе Константине, генерал-лейтенанту Матвею Ивановичу Ламздорфу занять пост воспитателя при великих князьях Николае и Михаиле.

Произошло это после того, как от должности наставника при Николае отказался один из наиболее просвещённых людей эпохи — Семён Романович Воронцов, в то время посланник в Лондоне. Разговоры о его кандидатуре начались ещё в 1797 году и не стихали достаточно долго. Сам Павел как-то упомянул, что видеть Воронцова в качестве воспитателя его сыновей хотела ещё Екатерина. Удайся этот план — и при великом князе Николае появилась бы фигура как минимум сопоставимая по масштабу с Лагарпом, просвещённым воспитателем Александра Первого. Однако сам Воронцов употребил свои связи при дворе, чтобы перевести внимание на кого-нибудь другого. Его отказ был передан царствующей чете со всей дипломатической аккуратностью: окольным путем (через приближённого ко двору барона Николаи) и при помощи самых вежливых и правдоподобных доводов. В 1798 году в конфиденциальном письме из Лондона было написано: «Говорят, что есть предположение вернуть меня через три или четыре года, чтобы сделать меня воспитателем великого князя Николая. Было бы большим несчастьем для меня, если бы меня предназначили для подобного места, так как я был бы поставлен в безусловную необходимость отказаться от него, потому что нисколько не чувствую себя пригодным для столь важных обязанностей...

Народ, который в наши дни произвёл столь выдающиеся таланты в области военного дела, политики и государственного управления, в области наук и искусств... не бессмысленный народ, и нет нужды отправляться искать за 400 лье немощного старца, чтобы дать ему место, с которым он не в силах справиться и которое должно быть занято лишь человеком от 30-ти до 40 лет и крепкого здоровья. Стоит только постараться немного, и подходящий человек найдётся...»<sup>1</sup>

«Немощный старец» был почти ровесником генерала Ламздорфа, а его «неспособность» к воспитанию опровергается блестящей будущностью его сына, Михаила Семёновича Воронцова, ставшего одним из самых выдающихся деятелей двух будущих царствований. Отказ Воронцова — один из переломных моментов в судьбе Николая Павловича. Опытный екатерининский сановник, видимо, не предполагал возможности для третьего сына Павла занять русский престол, а павловскую политику он абсолютно не принимал. Это, в конце концов, привело его в ряды противников Павла, а вместе с тем — к отставке и даже реальной перспективе быть объявленным «изменником» лично императором. Стояла зима 1800/01 года, сезон, когда Матвей Ламздорф вступил в свои наставнические права и когда в Петербурге стремительно приближалась развязка назревшего политического конфликта. Доведённая до отчаяния павловским правлением, государственная элита готовила очередной дворцовый переворот.

Предчувствуя смуту, Павел заперся со своим семейством в Михайловском замке, — словно подго-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 12—13.

товился к осаде: рвы, подъёмные мосты, бойницы с пушками во все стороны.

При спешном переезде даже привычные игрушки были забыты в Зимнем дворце, и дети находили себе забавы с «подручными средствами». Нерасставленная мебель, к примеру, позволяла устраивать «катание в санях» по комнатам и лестницам. Под благосклонным взором матушки Марии Фёдоровны Николай и Михаил переворачивали кресла, в эти импровизированные «сани» (или в «карету» из стульев) садилась изображающая императрицу шестилетняя Анна Павловна, и мальчики скакали по сторонам на воображаемых конях, как бы конвоируя «высочайший» выезд.

Детские покои находились на четвёртом этаже. Спальня Николая — как раз над спальней императора Павла. К ней и дальше спускалась витая чёрная лестница, та самая лестница, по которой в ночь на 11 марта 1801 года в покои Павла поднимались его убийцы...

Для Николая конец этой ночи был словно продолжением смутного сна. Он не слышал, как неподалёку от дворца с громким шумом и карканьем сорвались с деревьев встревоженные вороны и галки; как поднялся шум от вошедших во дворец заговорщиков; не слышал, как бежали по коридорам лакеи с криками: «Караул! Императора убивают!»

Уже когда трагедия свершилась, дети были разбужены воспитательницей Ливен, одеты, отведены к матери и отправлены в Зимний дворец. По дороге Николай отметил, что вокруг слишком много караулов и что собрался почти весь Семёновский полк «в каком-то небрежном виде». О смерти отца детям ничего не сказали. Николай запомнил только, что «матушка лежала в глубине комнаты, когда вошёл

император Александр в сопровождении Константина и князя Николая Ивановича Салтыкова; он бросился перед матушкой на колени». Последнее, что запомнилось в этот день Николаю, как Александр разрыдался, и прежде чем детей увели в их старые комнаты, к забытым при переезде в Михайловский деревянным лошадкам, Мария Фёдоровна объявила старшему сыну, отныне императору: «Теперь ты их отец!»<sup>1</sup>

## *Глава вторая* **«РОМАНОВ-ТРЕТИЙ»**

Осенью 1801 года у дружной троицы младших Павловичей появилась новая игра — «в коронацию». Великая княжна Анна представляла императрицу, Николай — императора. Дети навешивали на себя все «куски материи и платья, которые только можно было достать на половине великой княжны», украшали наряды крупными стеклянными «бриллиантами», снятыми с низко свисавших по моде того времени люстр, и раз за разом повторяли поразившее их торжество. Возможно, последнее коронационное торжество в России: император Александр тогда ещё не оставил своих юношеских надежд «даровать России свободу», конституцию, представительное правление — и упразднить самодержавие.

Парадоксальным образом *республиканец* Лагарп увещевал *монарха* Александра Первого, своего бывшего воспитанника: «Во имя Вашего народа, Государь, сохраните в неприкосновенности воз-

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Валишевский К.* Сын великой Екатерины. Император Павел I. М., 1990. С. 623.

ложенную на Вас власть, которую Вы желаете воспользоваться только для его величайшего блага. Не дайте себя сбить с пути истинного из-за того отращения, которое внушает Вам неограниченная власть. Имейте мужество сохранить её всецело и нераздельно до того момента, когда под Вашим руководством будут завершены необходимые работы...»<sup>1</sup>

Быть может, мечты о республиканском будущем империи освобождали Александра от забот о воспитании вероятных наследников. Он как-то признался сестре Анне, что «полностью устранился от воспитания братьев, предоставив эту заботу своей матушке»<sup>2</sup>. Документально отмечено, что в первые три года царствования Александр намеренно виделся со своим крестником Николаем только один раз (28 октября 1803 года).

Именно в те годы, когда Россия переживала либеральные восторги «дней Александровых прекрасного начала», для Николая пришла пора расставания с безмятежной вольностью раннего детства. Канифасное детское платье сменилось зелёным, толстого сукна, измайловским мундиром, весёлые игры под добродушным присмотром бонны уступили место строгой, подтянутой поре учения. От няни-львицы Николая отучали постепенно, но неуклонно: сокращали время общения, рассказывали, что видели во сне, как няня уезжает, — и мальчик плакал, говоря, что этого не хочет. «Её объятия и её ласки были для него убежищем от холодной методичности и несносного формализма воспитателей,

---

<sup>1</sup> Цит. по: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. Л., 1988. С. 163.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 17.

были вознаграждением за ту скуку и систематическую мелочность, с которой они следили за его поступками и словами»<sup>1</sup>.

Однажды, в майский день 1803 года, когда настало время переезда двора в Павловск, няня не пришла совсем. Семилетний мальчик украдкой смахивал слёзы и тщательно выписывал карандашом, а потом обводил чернилами: «Любезная моя нянюшка, жаль, что Вы не приехали. Приезжайте повидаться со мной, прошу Вас»<sup>2</sup>.

Однако контракт мисс Лайон закончился. В июне 1803 года она вышла замуж. Тогда же был освобождён от своих обязанностей весь женский персонал из окружения великого князя, а предводительствовавшая им генеральша Адлерберг заняла пост начальницы Смольного института благородных девиц. Из всех женщин осталась рядом только матушка, императрица Мария Фёдоровна. Да и то не очень-то и рядом: непосредственным воспитанием и обучением Николая занялись «кавалеры» во главе с генералом Матвеем Ламздорфом. Для Марии Фёдоровны генерал был «сердечно любимым папá», и она доверяла ему всецело. Генерал же, хотя и рапортовал матушке в неперемных письменных отчётах, что Николай и Михаил его любят и даже скучают при разлуке, стал для детей воплощением жёсткости и бессердечности. «Граф Ламздорф мог вселить в нас одно чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас *второе* в степени важности понятий...»<sup>3</sup> — признавался позже Николай Павлович.

---

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2008. С. 64.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 38.

Происходило это оттого, что в представлении генерала-педагога воспитание заключалось в своего рода дрессировке подопечных при помощи всевозможных запретов, ограничений и наказаний. Умение отыскивать и развивать положительные задатки требовало куда большего педагогического мастерства. Но Ламздорфу, похоже, не удавались даже простые воспитательные увещевания. Как-то он расфилософствовался, попробовал провести с Николаем беседу о «быстроте, с которой пролетает время», о том, что «нельзя терять ни минуты», о положении великого князя, о том, «что он должен дать государству и что ждут от него» — распалился, увлёкся собственным полётом мысли... А «объект воспитания» послушал-послушал и предложил полюбоваться в окно на дым, выходявший из трубы<sup>1</sup>.

Оставался арсенал проверенных временем средств: великого князя били. Розгами, шомполами, линейками, тростью. Случалось, что разгневанный Ламздорф подкреплял свою брань щипками или даже «хватал мальчика за грудь или за воротник и ударял об стенку так, что тот почти лишался чувств»<sup>2</sup>. Это было дозволено «свыше»: Мария Фёдоровна не видела в физическом воздействии на детей чего-то неправильного или исключительного. К тому же нельзя сказать, что наказания доставались примерному и покладистому ребёнку. Напротив, сам Николай признавал, что его «часто и... не без причины обвиняли в лености и рассеянности» и что нередко Ламздорф наказывал воспитанника «тростником весьма больно среди самых

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 38.

<sup>2</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2008. С. 53.

уроков»<sup>1</sup>. Шла борьба двух волей: юного великого князя и стареющего генерала. Журналы кавалеров пестрят жалобами на то, что Николай «во все свои движения вносит слишком много несдержанности (*trop de violence*)», что «в своих играх он почти постоянно кончает тем, что причиняет боль себе или другим», что ему свойственна «страсть кривляться и гримасничать», «что он нисколько не способен ни к малейшему проявлению снисходительности». «Вспыльчивость и строптивость Николая Павловича проявлялись обыкновенно в случаях, когда что-нибудь или кто-нибудь его сердили; что бы с ним ни случалось, падал ли он, или ушибался, или считал свои желания неисполненными, а себя обиженным, он тотчас же произносил бранные слова, рубил своим топориком барабан, игрушки, ломал их, бил палкой или чем попало товарищей игр своих, несмотря на то, что очень любил их, а к младшему брату был страстно привязан»<sup>2</sup>.

Одним из пострадавших товарищей по играм был Владимир Адлерберг, сын недавней воспитательницы великого князя. Он стал другом Николая в семь лет и остался на всю жизнь. И всю жизнь носил на лбу шрам от удара прикладом игрушечного ружья. Владимир получил его, когда начал насмеяться над «высочеством», спрятавшимся от звуков пушечной пальбы за занавеской алькова. Это было время, когда в великом князе удивительным образом сочетались любовь к военным играм и страх перед громкой стрельбой. Николай мог подняться среди ночи, схватить алебарду или ружьё, чтобы не-

---

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2008. С. 123.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 25—26.

множко постоять на посту рядом с настоящими часовыми, — и мог расплакаться и заткнуть уши во время устраиваемых под дворцовыми окнами воинских учений со стрельбой. Мог с раннего утра выстраивать по столам в комнатах несметные полки оловянных и фарфоровых солдатиков, мог днями вырезать из бумаги крепости, пушки и корабли — и при этом отказываться обходить Гатчинский замок из-за страха перед одним только видом орудийных жерл. Усилия воспитателей, насмешки младшего брата Михаила («Если он такой трус, то военные игры ему не годятся») и в значительной мере собственное упорство помогли Николаю к десяти годам преодолеть этот страх; он даже полюбил стрелять.

Увлечение воинской стороной жизни совершенно захватило великого князя, и словно в награду за это в 1808 году (то есть в 12 лет) он получил право носить свои первые эполеты — конечно, генеральские!

Не стоит думать, что великого князя увлекали только военные игры. Николай рисовал карандашами и красками, посылая рисунки в подарок императрице или бывшей гувернантке. К восьми годам начал сражаться в шахматы с младшим братом Михаилом. Наблюдатели отмечали, как в игре проявлялась разница натур двух братьев: старший любил нападение и стремительный натиск, младший хитрил и стремился озадачить противника. Пристрастился Николай и к чтению. У него было уже в то время значительное количество достаточно серьёзных книг. Одна из них должна быть особо отмечена, поскольку определённо оказала влияние на будущего императора. Это «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам»

И. И. Голикова. Рассказывали, что Николай знал эту книгу наизусть.

Но в первое десятилетие XIX века в «мудрые преобразователи» великий князь ещё не метил. Военское будущее казалось ему совершенно определённым, ведь Европа сотрясалась от казавшихся бесконечными Наполеоновских войн. Сохранился изобретённый Николаем знак подписи под гравюрами собственной работы с изображением военной формы: овал, перечёркнутый внизу палочками римской цифры «три», что означало «Романов-третий»<sup>1</sup>.



Великий князь не знал, что государыня Мария Фёдоровна начала строить другие планы. Её доверенный секретарь, Григорий Иванович Вилламов, записал в своём дневнике 16 марта 1807 года: «Она видит, что престол всё-таки со временем (*un jour*) перейдёт к Великому князю Николаю, и по этой причине его воспитание особенно близко её сердцу»<sup>2</sup>. К тому времени «ввиду особенных обстоятельств, сопровождавших рождение дочери императрицы Елизаветы Алексеевны, великой княжны Елизаветы Александровны»<sup>3</sup>, стало понятно, что у

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. С. 60, 61.

<sup>2</sup> Там же. С. 41.

<sup>3</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 482.

Александра уже не будет сына-наследника. Это означало, согласно системе престолонаследия, установленной Павлом в 1797 году, что претендентами на трон становились братья монарха. Следующего по старшинству великого князя, Константина, законная супруга покинула ещё в 1801 году, и у него тоже не было и не ожидалось наследников. Таким образом, хотя и с запозданием, Мария Фёдоровна всерьёз занялась общим образованием великого князя Николая.

К 1809 году все товарищи детских игр (за исключением брата Михаила) были с ним разлучены: их влияние было признано вредным, отвлекающим от учёбы, заставляющим слишком много думать о развлечениях — в том числе о военных игрушках. Владимир Адлерберг, например, был определён в Пажеский корпус. В канун наполеоновского нашествия на Россию он будет выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк и в его рядах проделает эпический военный поход от Немана до Москвы и обратно, а потом и до Парижа.

Но Мария Фёдоровна и в ту грозную пору требовала от Ламздорфа, чтобы «их императорские высочества сколь можно более занимались науками, носили партикулярную одежду и вовсе не участвовали в военном управлении». Впрочем, были у неё планы отказаться и от услуг Ламздорфа. Именно к 1809 году относится намерение направить младших Павловичей учиться в знаменитый Лейпцигский университет. Для его осуществления Мария Фёдоровна затворилась с сыновьями в Гатчине и сделала главным предметом их обучения столь необходимый для будущих студентов латинский язык. В результате этот язык стал предметом особой не любви Николая — на всю оставшуюся жизнь. «Го-

сударь терпеть не может латыни с тех ещё пор, как его мучили над нею в молодости», — говорил министр Двора князь Пётр Михайлович Волконский более сорока лет спустя. Сам Николай, решая как-то судьбу латинских книг библиотеки Эрмитажа, велел убрать их от себя подальше: «Терпеть не могу вокруг себя этой тоски». Он также исключил ненавистный язык из программы обучения собственных детей, вспоминая, как занимался спряжением латинских глаголов «под угрозой применения розог и под громкой бранью кавалеров»<sup>1</sup>.

Особенно обидным, возможно, было то, что мучения с мёртвыми языками оказались напрасны. Идее с Лейпцигским университетом воспротивился лично Александр I. Его тоже захватила мысль о всестороннем образовании младших братьев, и ради них он дал ход одному из самых блистательных педагогических проектов — Лицею.

Уже само место, выбранное для Лицея — Царское Село и тот самый флигель Екатерининского дворца, где родился и жил Николай Павлович, — указывает на намерение императора создать уникальное учебное заведение для высочайших учеников и их отборного окружения. Ещё 11 декабря 1808 года Михаил Михайлович Сперанский представил Александру «Первоначальное начертание *особенного* Лицея», в котором бы обучались 10—15 молодых людей в возрасте от десяти до двенадцати лет (как раз десять было Михаилу и двенадцать Николаю!)<sup>2</sup>. Учреждался Лицей «для образования юношества, особенно предназначенного к высшим частям госу-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 36.

<sup>2</sup> Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей, его наставники и питомцы. М., 2008. С. 12—13.

дарственной службы»<sup>1</sup>, поэтому в нём решили обойтись без военных наук. Кроме того, это было первое в России закрытое учебное заведение, в котором совершенно исключались телесные наказания!<sup>2</sup>

Увы, от представления проекта до утверждения императором «Постановления о Царскосельском лицее» прошло слишком много времени: министерская и придворная переписка, всевозможные уточнения и изменения заняли более полутора лет, а потом ещё год — приготовления, подбор преподавателей и учеников. Ко дню, когда коридоры пустовавшего дворцового флигеля наполнились голосами юных отроков, Николаю уже исполнилось пятнадцать. Он просто вырос. *Mon comrade manqué* — «мой несостоявшийся товарищ» — будет иногда обращаться император Николай к барону Модесту Андреевичу Корфу, лицеисту легендарного первого выпуска, однокашнику Горчакова, Дельвига, Пушкина, Пушкина... Тоже «несостоявшихся товарищей».

Трудно найти однозначный ответ на вопрос, почему младшие Павловичи так и не сменили фраки на сине-красные кафтаны лицеистов. Модест Корф писал, что, по мнению самих Николая и Михаила Павловичей, этому помешало то обстоятельство, что в конце 1811 года уже явно ощущалась неизбежность решающей войны с Наполеоном. Корфу же это представлялось только предлогом, а на самом деле император Александр так и не смирился с мыслью, что его братьев будут воспитывать «в общественном заведении»<sup>3</sup>. Иван Иванович Пущин

---

<sup>1</sup> Сперанский М. М. Проект образования Царскосельского Лицея // РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 5.

<sup>2</sup> Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. С. 172.

<sup>3</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 78.

считал, что идее воспротивилась Мария Фёдоровна, «находя слишком демократическим и неприличным сближение сыновей своих, особ царственных, с нами, плебеями»<sup>1</sup>.

Как бы то ни было, но с 1809 года генерал Ламздорф лично занялся организацией индивидуального обучения великих князей, заменив подобие гимназического образования подобием университетского.

И программа, и подбор именитых преподавателей не могли не радовать родительское сердце Марии Фёдоровны. Она лично проводила немало времени над тем, чтобы расчерчивать и исправлять таблицы расписаний. Казалось, сам Лейпцигский университет был «перенесён» в Россию: его выпускник, недавний цензор немецких книг и директор немецкого театра в Петербурге Фридрих Аделунг (в обиходе — Фёдор Павлович) взял на себя основную гуманитарную нагрузку. Он вёл уроки логики, морали, латинского и греческого языков. С «теорией народного богатства», то есть политэкономией, знакомил великих князей академик Андрей Карлович Шторх, осознававший, что учит великого князя, «который, вероятно, когда-нибудь будет править нами»<sup>2</sup>. Различные отрасли права и физику преподавали профессор — Василий Григорьевич Кукольник, Михаил Андреевич Балугьянский, Иван Николаевич Вольгемут, математику — академик Логин Юрьевич Крафт.

И профессора, и академик были признанными

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей, его наставники и питомцы. М., 2008. С. 12.

<sup>2</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 41.

специалистами в своих научных областях, однако наставническая деятельность не была их сильной стороной. Достоинства учёного — неторопливость, въедливость, методичность, строгость формулировок — становились недостатками педагога. «Я помню, как нас мучили <...> два человека, очень добрые, может статья, и очень учёные, но оба несноснейшие педанты: покойный Балугьянский и Кукольник, — вспоминал Николай много лет спустя. — Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и Бог знает каких ещё законах<sup>1</sup>; другой — что-то о мнимом “естественном” праве. В прибавку к ним являлся ещё Шторх, со своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке, ничем не разнообразя этой монотонии. И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбляшку, без плода и пользы для будущего»<sup>2</sup>.

Встречные жалобы наставников звучат в докладах Марии Фёдоровне: «Поведение Его Высочества было весьма хорошо; но нельзя сказать того же об учебных занятиях — не потому, чтобы уроки дурно шли, но потому, что желательнее бы, чтобы он был занят своим предметом и внимателен к тому, что ему говорят, чтобы он более действовал сам собою

<sup>1</sup> М. А. Балугьянский родился и вырос в Австрии, «в униатской семье славянского происхождения, но омадьяренной», учился в Венском университете, преподавал в Пештском. В России жил с 1803 года; на русском языке говорил с сильным акцентом.

<sup>2</sup> <Николай>Д<убровин>. Несколько слов в память императора Николая I // Русская старина. 1896. № 6. С. 455.

и не приводил в необходимость повторять всё одно и то же, или напоминать ему то, что он уже знает»<sup>1</sup>.

Неудивительно, что попытка педагогов охладить «милитаристский» пыл Николая провалилась: сам мир не был мирным, сотрясаясь в череде непрерывных войн. В одном только 1809 году Александр I воевал на севере со Швецией, на юге с Турцией и на западе с Австрией (правда, неохотно — выполняя союзнический долг перед Францией). И на этом фоне великому князю было задано сочинение на тему: «Доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другие занятия для него столь же почтенны и полезны». Стоит ли удивляться тому, что в ответ воспитатель Ахвердов получил чистый лист бумаги. Ему пришлось самому, «сжалившись над Великим князем», надиктовать подопечному «правильный» ответ.

Мария Фёдоровна в конце концов признала необходимость планомерного обучения Николая и Михаила военным наукам. В таком «мужском деле» император Александр серьёзно вмешался в воспитание младших братьев. В конце 1809 года он лично одобрил назначение в качестве преподавателей инженеров-практиков, генерала Оппермана и подполковника Джанотти. Пятидесятилетний итальянец Джанотти имел боевой опыт, воевал с французами в Пьемонте и с турками в Молдавии. Он стал самым любимым преподавателем Николая. Видимо, его влияние на подростка окончательно определило не только увлечение будущего императора инженерными науками (фразы вроде «мы, инженеры», «наша инженерная часть» часто будут употребляться Николаем в период царствования), но

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2008. С. 83.

и характерное «инженерное» видение мира как сложного, но до конца познаваемого механизма — вроде часового.

На унылом фоне гражданских лекций военные занятия выглядели куда более привлекательными. Верховая езда (Николай освоил седло с пяти лет), фехтование, съёмки планов местности и вычерчивание их на больших листах специальной бумаги, устройство небольших фейерверков в Гатчине — всё это были настоящие занятия. Подвижные, понятные, с конкретными результатами, они составляли разительный контраст с заунывными речитативами Шторха. К тому же великому князю была очевидна их польза: совершеннолетие становилось всё ближе, а о неизбежной большой войне с Наполеоном говорили всё чаще.

### *Глава третья*

## **ОПОЗДАВШИЙ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ**

«Исчезла надежда к миру», — записала в феврале 1812 года в дневник Варвара Ивановна Бакунина, жена петербургского гражданского губернатора. Гвардейские полки готовились к походу к западным границам. Настроение в Петербурге было тревожным: «Вместо веселия и сумасбродства масляных <празднеств> везде тихо и уныло; беспокойные лица отъезжающих и печальные остающихся вселяют грусть и в тех, кои не участвуют в расставаниях и не провожают близких сердцу»<sup>1</sup>.

Николаю Павловичу было кого провожать. В марте ушёл с колоннами Литовского полка Вла-

---

<sup>1</sup> Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская старина. 1885. № 9. С. 392.

димир Адлерберг. 9 апреля старший брат Николая и Михаила, император Александр Павлович, простился с царской фамилией. В сопровождении великих князей он поехал в Казанский собор на «молебен в путь шествующим с коленопреклонением». Оттуда — вслед за войсками.

«Государь плакал, и все с ним; по окончании молебствия митрополит благословил Государя, который простился с братьями, поклонился всем и сел в коляску. Несколько десятков тысяч народу, собравшегося на тротуарах перед церковью, закричало “ура”; стоящие на крыльце чиновники и все бывшие в церкви повторили те же восклицания со слезами; Государь скоро ускакал из вида, но народ бежал долго за ним вслед»<sup>1</sup>.

«Отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, — вспоминал позже Николай, — мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца, и душа наша стремилась за ним! Но матушке не угодно было даровать нам сего счастья»<sup>2</sup>.

Оставалось возвращаться в учебные классы, к тетрадкам. В день вторжения Наполеона проводить первые интегральные исчисления, в дни Смоленского сражения записывать урок о поставках строевого леса из Смоленской губернии в Московскую, в день Бородина зубрить надоевшую за год полемику Болтина и Щербатова о русских древностях, в канун оставления Москвы корпеть над цифрами промышленной статистики...<sup>3</sup> Своего рода отдушиной были письменные переводы из «Истории Семилет-

---

<sup>1</sup> Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская старина. 1885. № 9. С. 395.

<sup>2</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 123.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 722. Т. IX. Л. 57 (об.) и далее.

ней войны» Архенгольца и изучение артиллерийского дела.

«Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа», — признавался Николай<sup>1</sup>. В его архиве сохранились различные выписки о ходе боевых действий, копии приказов, писем очевидцев, известий из Главной квартиры русской армии, заливчатских афишек Ростопчина...<sup>2</sup>

Даже в самый мрачный день войны, в начале сентября, когда Петербург был шокирован известием об оставлении Москвы, а «все бывшие при дворе впали в уныние»<sup>3</sup>, великий князь не отчаивался. Он заключил пари с сестрой Анной, поставив серебряный рубль на то, что уже к 1 января в России не останется ни одного неприятеля! В канун освобождения Москвы Николай Павлович писал сочинение «На любовь к Отечеству»<sup>4</sup>.

Первого января 1813 года в Петербурге служили молебен по случаю избавления России от иноплеменного нашествия. Перед тем как императорская фамилия направилась в Казанский собор, Анна Павловна вручила брату выигранную им серебряную монету, и Николай бережно спрятал её за галстук.

На наступивший 1813 год Николай возлагал большие надежды. В июне ему исполнялось 17 лет,

---

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 123.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 910.

<sup>3</sup> Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 217.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 722. Т. IX. Л. 116 (об.).

а это означало, что тщательно спланированный матушкой Марией Фёдоровной срок учения закончится. Русская армия начала свой Заграничный поход, и младшие Павловичи видели и ощущали себя там, «во стане русских воинов». В журналах приставленные к великому князю кавалеры отмечали возросшее прилежание учеников. Среди предметов появился новомодный и редкий тогда в преподавании английский язык — сказалося желание матушки направить сыновей с визитом в Англию после победы над Наполеоном. Впоследствии Николай «изъяснялся на английском языке с затруднением, хотя выговор у него был отличный»<sup>1</sup>.

Вот и июнь 1813 года, семнадцатилетие. Николай закончил и закрыл тетрадь «эпистолярных экзерсисов» на французском.

И... начал новую<sup>2</sup>. Матушка Мария Фёдоровна не спешила прекращать уроки. Императрица тянула время, стараясь подольше удержать сына в классных комнатах. Пока подпоручик Владимир Адлерберг сражался под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом, Николай ждал своего часа, не забывая бомбардировать матушку и венценосного брата просьбами об отправке «на войну».

1813 год прошёл, союзные армии России, Австрии и Пруссии перешли Рейн и вступили в пределы Франции. Только в начале 1814-го, когда конец войны стал очевидно близок, Мария Фёдоровна дала своё согласие на поездку сыновей в действующую армию. Реакция Николая на такую резкую переменную жизни однозначна: «Радости нашей, вернее сказать, сумасшествия, я описать не могу — мы начали

---

<sup>1</sup> По словам императора Александра II. — См.: Сборник ИРИО. Т. 98. С. 68.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 728. Ед. хр. 722. Л. 80, 98.

жить и точно перешагнули одним разом из ребячества в свет, в жизнь»<sup>1</sup>. Для Марии Фёдоровны это тоже была перемена образа жизни, но связанная с грустью и тревогой. Её последние птенцы устремлялись, как она сама писала, «в свет, на поле чести и славы»<sup>2</sup>. Единственным утешением для императрицы было то, что рядом с сыновьями неизменно оставался генерал Ламздорф, которого она велела Николаю слушаться и почитать как «второго отца». А у генерала была тайная инструкция: на войну не спешить, изыскивать всяческие предлоги для задержек. В результате Николай и Михаил выехали из Петербурга 5 февраля 1814 года, когда расстояние между союзными армиями и Парижем было чуть больше 100 вёрст. И только через две с лишним недели, 21 февраля, посольство добралось до Берлина.

Здесь, в Берлине, недовольство неторопливым Ламздорфом оказалось заслонено совершенно иным сильным чувством. «Тут, — вспоминал Николай Павлович, — Провидением назначено было решиться счастием всей моей будущности: здесь увидел я в первый раз ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь...» Высокую стройную принцессу, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III звали Шарлотта, и она очень напоминала свою мать Луизу, признанную красавицу. Луиза умерла, когда девочке было 12 лет<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 124.

<sup>2</sup> Собственноручные письма императрицы Марии Фёдоровны к двум младшим её сыновьям // Русский архив. 1868. Кн. 1. С. 348.

<sup>3</sup> *Божерянов И. Н.* Жизнеописание императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая Первого. СПб., 1898. С. 31.

Фрейлину русской императрицы, видевшую Шарлотту той же зимой, привлекли «милая наружность и детская доброта» этой девушки<sup>1</sup>. Как должен был быть потрясён Николай! Он столько лет воспитывался в тесной мужской компании, да к тому же в жёсткой атмосфере непомерной требовательности, а тут впервые смог общаться с совершенно иным, неземным в его глазах существом. Через много лет, накануне смерти, он скажет супруге: «С первого дня, как я увидел тебя, я знал, что ты добрый гений моей жизни». Именно Шарлотту Вассилий Андреевич Жуковский позже назовёт «гением чистым красоты»:

Ах! не с нами обитает  
Гений чистый красоты;  
Лишь порой он навещает  
Нас с небесной высоты...<sup>2</sup>

Но великим князьям надо было ехать дальше. Война ещё шла, и Наполеон не только не был сломлен — он наступал. Февраль — критический месяц последней кампании. Союзники потерпели несколько поражений подряд, и французский император стал подумывать о вторжении в Баварию.

Осторожный папаша Ламздорф выбрал сложный кружной маршрут: никак нельзя было не навестить сестру Марию Павловну, супругу герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского, потом императрицу Елизавету Алексеевну, гостящую в Баден-Вюртемберге у матушки. Потом как было не встретить и не принять в свою компанию назначенного лично

---

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 139.

<sup>2</sup> Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. II. М., 2000. С. 223.

императором Александром военного наставника, боевого генерала Петра Петровича Коновницына, прославившегося под Смоленском и Бородином. А тут ещё плохие дороги: сначала снежные заносы, потом весенняя распутица...

Только в Швейцарии, в Базеле, Николай и Михаил услышали дальний рокот неприятельских орудий — неподалёку союзники осаждали крепость Гюнинген. Однако Ламздорф не подпустил великих князей к войне и на пушечный выстрел. Предлог был благовидным: настала пора ехать собственно во Францию. Поехали и вскоре наконец-то нагнали хвост действующей армии. Сведения о последнем отчаянном броске Наполеона на левый фланг союзников давали надежды пройти боевое крещение. Но надежды эти развеял девятнадцатилетний капитан Преображенского полка Пётр Клейнмихель. Он привёз категорический приказ императора Александра: везти великих князей обратно в Базель, той же дорогой, подальше от опасности.

«Роковой день!», «отчаянье» — вот реакция Николая на это повеление. Вместо боевого крещения — две спокойные недели в Базеле и Цюрихе, до самого прихода известий о том, что Париж взят и Наполеон изгнан на остров Эльбу.

Война окончена победой, и император Александр уже не только разрешает, а «повелевает» прибыть в Париж, но — мечта разрушена... Потрясение от «опоздания на войну» останется у Николая на всю жизнь. «Хотя сему уже прошло 18 лет, — пишет он в 1830-е годы, — но живо ещё во мне то чувство грусти, которое тогда нами овладело, и век не изгладится»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 124.

Тем не менее в конце первого письма «любезной Маминьке» из французской столицы стоит не просто «Париж», а «наконец-то Париж!» (*Enfin Paris*)<sup>1</sup>. Потянулась череда приятных, а также предписанных этикетом встреч. Возобновлялись старые знакомства, завязывались новые. После долгой разлуки Николай встретил Владимира Адлерберга, уже боевого гвардейского офицера. Со слов графа Адлерберга, «князь радостно приветствовал его, вспомнил старину, обласкал и с тех пор уже никогда не изменял своего к нему благоволения»<sup>2</sup>.

На гвардейских разводах Александр знакомил Николая с лучшими генералами армии. Один из них, Иван Паскевич, с того времени станет другом и наставником великого князя, а Николай начнёт называть его «отец-командир», признавая жизненный и военный авторитет генерала.

Вот как вспоминал о встрече сам Паскевич: «Государь, увидав меня, подозвал и совершенно неожиданно рекомендовал великому князю Николаю Павловичу. “Познакомься, — сказал он ему, — с одним из лучших генералов моей армии, которого я ещё не успел поблагодарить за его отличную службу”. Николай Павлович после того постоянно меня звал к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами, по целым часам, вдвоём разбирали все движения и битвы, 12-го, 13-го и 14-го годов. Я часто у него обедал, и когда за службу не мог у него быть, то он мне потом говорил, что я его опечалил. Этому завидовали многие и стали говорить в шутку, что он в меня влюбился. Его нельзя было не полюбить.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 759. Л. 100.

<sup>2</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 82.

Главная черта, которой он меня привлёк к себе, это прямота и откровенность»<sup>1</sup>.

Совершенно по-иному предстал перед Николаем командир Гвардейского корпуса, резкий и независимый генерал Алексей Петрович Ермолов. Великий князь стал участником эпизода, о котором известно со слов знаменитого Дениса Давыдова. При вступлении в Париж русских войск Александр оказался недоволен внешним видом одного из полков, входивших в корпус Ермолова. Трёх офицеров этого полка было велено посадить под арест — на гауптвахту, которая охранялась английскими войсками. «Ермолов горячо заступился за них, говоря, что если они заслуживают наказания, то их приличнее арестовать в собственных казармах, но не следует срамить храбрых штаб-офицеров в глазах чужеземцев... <...> Государь остался непреклонен. Ермолов, не исполнив высочайшего повеления, отправился в театр, куда прибыл адъютант кн. П. М. Волконского, Чебышев, — с приказом тотчас арестовать виновных. Встретив там вел. кн. Николая Павловича, Ермолов сказал ему: “Я имел несчастье подвергнуться гневу его величества. Государь властен посадить нас в крепость, сослать в Сибирь, но он не должен ронять храбрую армию в глазах чужеземцев. Гренадёры прибыли сюда не для парадов, но для спасения Отечества и Европы”. Слова эти, столь неблагоприятно отразившиеся для Ермолова через 10 лет, были, вероятно, переданы государю, потому что он приказал приготовить в занимаемом им дворце три кровати для арестованных»<sup>2</sup>. С того вре-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 48.

<sup>2</sup> Цит. по: Глинка В. М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1988. С. 178—179.

мени, если верить Денису Давыдову, Николай будет считать Ермолова хотя и самостоятельным, энергичным деятелем, но своевольным и неблагонадёжным.

После знакомства с достопримечательностями Парижа Николай и Михаил отправились обратно в Россию. Больше всех радовалась возвращению великих князей Мария Фёдоровна: первый самостоятельный вылет птенцов из гнезда заканчивался благополучно. Она готовилась вновь принять сыновей под свою опеку, и письма её были исполнены новых планов: «Я с удовольствием усмотрела отъезд любезнейших сыновей моих великих князей из Парижа, где время их пребывания, будучи большей частью занято предметами, до военной службы касающимися, слишком мало позволяло им помышлять об усовершенствовании познаний. Всякий молодой человек имеет нужду отделять некоторое время для собственных своих мыслей и приумножения своих сведений и утверждения в приобретённых познаниях и правах, ибо, по сохраняемому мною всегда в памяти замечанию, тот, кто вперёд не двигается в учении, отступает назад».

Всё это означало, что в Петербурге Николая вновь ждало учение, пусть уже не такое жёсткое и плотное: оно постоянно прерывалось парадами, балами, праздниками, маскарадами. Общение с Коновницыным и Паскевичем оказало влияние на успехи великого князя именно в военных науках. В начале 1815 года Николай написал по заданию Оппермана весьма удачный трактат о возможной (в то время — чисто теоретически) войне против соединённых сил Пруссии и Польши. Учитель не только восхитился знаниями и тактическими способностями великого князя, но и поинтересовал-

ся: не изучал ли тот написанных на эту тему работ какого-нибудь «настоящего» генерала? В апрельском отчёте наставник отметил «блестящие военные способности» великого князя, «преимущественно состоящие в таланте верно судить о военных действиях»<sup>1</sup>.

А весной 1815 года начался отчаянный период Ста дней сбежавшего из ссылки на Эльбу французского императора. Наполеон будто дал Николаю ещё один шанс отличиться: он вернул себе верховную власть, что стало поводом к новой войне. Русская армия вновь отправилась в поход во Францию, и вновь Мария Фёдоровна провожала сыновей длинным и сентиментальным напутственным письмом: «Мои добрые дети, просите у Всевышнего, чтобы на поле битвы вас не покидала вера в милость и оборону Божью, которая покроет вас своим щитом... Исполняйте свой долг, покажите себя без страха и без упрёка, но в то же время не будьте безрассудны: тот, кто без размышления кидается в опасность, не приобретает через это более уважения, а между тем нередко погружает в отчаяние свою бедную мать и целое семейство»<sup>2</sup>.

Однако на войну они опять опоздали: Наполеон был разгромлен при Ватерлоо, отрёкся от престола и снова был сослан.

Зато успели на грандиозный смотр союзных армий в Вертю, устроенный монархами-победителями перед возвращением русской армии на родину. Смотр этот во многом оказался для Николая и Михаила поворотной точкой в жизни. Во-первых,

---

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 83.

<sup>2</sup> Собственноручные письма императрицы Марии Фёдоровны к двум младшим её сыновьям // Русский архив. 1868. Кн. 3. Стб. 362.

незадолго до него с ними наконец-то окончательно расстался «сердечно любимый папа» Ламздорф. Обласканный и награждённый императором Александром, он был отправлен из Франции назад, в Россию. Во-вторых, на смотре в Вертю великие князя впервые прошли с обнажёнными шпагами во главе прославленных боевых полков. Рослый Николай командовал гренадёрской бригадой; ловкий Михаил — конной артиллерией. Это было для них своего рода обрядом инициации, да к тому же таким неповторимо грандиозным и торжественным.

«Ясное небо и лучи солнца, отражаемые оружием, придавали зрелищу необыкновенный блеск, — писал очевидец, — все были так поражены величественным зрелищем, что когда, взехав на <гору> Монтеме, взглянули на армию, то произошло невольное молчание: казалось, каждый гордился быть русским. Сигналы для командования делаются были пушечными выстрелами из орудия, стоявшего на Монтеме. Первый выстрел возвестил прибытие Государя. Войска взяли ружья на плечо. По второму сделали на караул. Громкое “Ура!” раздалось по рядам, заиграла музыка, загремели барабаны и трубы. По третьему выстрелу взяли на плечо и построились в батальонные колонны, а по четвёртому вся армия начала строить каре. <...>

Государь спустился с горы, при радостных криках объехал весь каре и остановился в середине. Армия прошла церемониальным маршем мимо Его Величества: сперва гренадёры, потом линейная пехота, за нею конница и конная резервная артиллерия. <...> После этого государь возвратился на Монтеме, а войска встали в тот же боевой порядок, в котором были с самого начала, и по пушечному

выстрелу сделали на караул. Снова загремела музыка и барабаны, снова “Ура!” наполнило воздух»<sup>1</sup>.

Генерал Ермолов, первый воинский начальник Николая, увидел за внешней красотой военной силы особый политический смысл. «Такие превосходные войска и столь страшные силы заслуживают внимания, — записал он в дневнике. — Какого не успеешь подписать трактата при таком числе негоциаторов, и какой министр не покажется красноречивым!»<sup>2</sup>

С тех пор слаженный парад стал для Николая символом твёрдой и уверенной в себе власти, демонстрацией победоносной силы, зрелищем, воплощавшим торжество «воли Провидения»<sup>3</sup>.

Двадцать третьего октября 1815 года на большом парадном обеде в Берлине собрались члены русской императорской и прусской королевской семей. В разгар торжества король Фридрих Вильгельм вместе с императором Александром поднялись со своих мест и провозгласили здоровье помолвленных — великого князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Большой зал, где пировали офицеры гостившего в Берлине русского гренадёрского полка, взорвался восторженными восклицаниями.

На следующий день высочайшие гости направились в мавзолей королевы Луизы и здесь, как сообщает осведомлённый биограф, «Шарлотта приняла молчаливый, но священный обет стать для Николая тем же, кем её мать, Луиза, была для прусского короля: поддержкой и опорой до последнего дыхания».

---

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1836. С. 318—319.

<sup>2</sup> Погодин М. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864. С. 190. Негоциаторы — участники переговоров.

<sup>3</sup> См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2004. С. 338.

Ещё через день Николай и Шарлотта открывали вальсом бал в здании Оперы, и высший свет любовался молодой и красивой парой. Следом — ещё один бал, для «бюргеров», то есть для горожан Берлина, и на нём Николай «покорил все сердца — Шарлотте они принадлежали давно!»<sup>1</sup>.

Было условлено, что торжественное бракосочетание состоится, как только девятнадцатилетний великий князь Николай достигнет двадцати одного года, возраста, позволяющего вступить в брак. Для проверки чувств и подготовки к свадьбе помолвленным предстояло прожить порознь ещё год и восемь месяцев. Между молодыми людьми завязалась переписка — глубоко личная и настолько нежная и романтическая, что Николай берёт её тщательнее многих своих ценностей. Много позже, во время трагического пожара Зимнего дворца в 1837 году, Николай скажет: «Оставьте, пусть всё сгорит, достаньте мне только из моего рабочего кабинета портфель с письмами, которые моя жена писала мне, бывши моею невестой»<sup>2</sup>. Трогательная откровенность этих писем понятна по строкам, написанным Николаем в день его отъезда в Россию 5 ноября 1815 года: «Моё единственное утешение, моё единственное истинное счастье, думайте обо мне так часто, как я думаю о Вас, и любите, если можете, того, кто есть и будет на всю Вашу жизнь Вашим верным Николаем»<sup>3</sup>.

За оставшееся время Николай должен был преодолеть завершающий этап обучения. Ему предсто-

<sup>1</sup> *Grimm A. Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. Vol. 1. Edinburgh, 1870. P. 63.*

<sup>2</sup> *Божерянов И. Н. Жизнеописание императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая Первого. СПб., 1898. С. 37.*

<sup>3</sup> *Барковец О. И., Вернова И. В. Императрица Александра Фёдоровна. СПб., 2008. С. 30.*

яли длительные путешествия. Это была традиция, идущая от эпохи Просвещения (образовательные путешествия рекомендовал ещё Дидро), и к тому же Мария Фёдоровна нашла ей подкрепление в виде новейшей педагогической работы немецкого поэта Эрнста Морица Арндта «План воспитания и образования принца».

По специально разработанному маршруту Николай отправился в поездку по России, дабы лично наблюдать страну и письменно изложить собственные впечатления. Мария Фёдоровна предполагала, что записи Николая просмотрит император Александр, чтобы на их основании понять, какую пользу можно в будущем ожидать от младшего брата<sup>1</sup>.

Записи Николая-путешественника далеки от дипломатической сдержанности. «Журнал» его наблюдений по гражданской части с самого начала наполнен резкими суждениями о жизни российской провинции. Сразу же после Гатчины великий князь отмечает «самые бедные деревни, тесно строенные и безо всякого фундамента». Затем на его пути «так называемый город Луга в самом жалком положении, вообще весь уезд отменно беден, и почва, судя по сторонам дороги, отменно неплодородна, пещана и лесиста...». Потряс Николая острог в Порхове, где «прилипчивыми болезнями одержимые арестанты в одной комнате со стерегущими инвалидами, на одних нарах, без одежды, без лекарств, без суммы на содержание, кроме от милостынь собираемой...»<sup>2</sup>.

За «несчастной» Витебской губернией лежала

---

<sup>1</sup> Собственноручные письма императрицы Марии Фёдоровны к двум младшим её сыновьям // Русский архив. 1868. Кн. 3. Стб. 372.

<sup>2</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 91—92.

больше всех пострадавшая от войны с Наполеоном Смоленская. С удивлением отмечает Николай, что выделенная правительством «во вспоможение» сумма роздана неразумно, часто тем, «кои менее нуждались», а теперь, когда государственным крестьянам надо её возвращать, долг ложится на них непомерным бременем. Крестьянину, записывает великий князь, вместо обычных 30 рублей в год в казну надо возратить 110: «...где ему их взять; у него не только скота нет или лошади, но у многих и домов нет, он кое-как живёт! — полей законченных почти нет, — а недоимки строго взыскиваются!»

Замечает Николай и положительные черты: в Белоруссии его внимание привлекают помещики, устраивающие фабрики или «хорошие избы с трубами» для крестьян, в Чернигове — «довольно хорошая» гимназия, «дом сумасшедших отменно хорош... равно и аптека». Одесса, по мнению великого князя, очень важна для развития отечественной внешней торговли, особенно экспорта. Он полностью поддерживает идею объявить город «вольным портом» (*porto franco*) — в 1817 году эта идея будет реализована. Крым, по мнению Николая, представляет собой резкий контраст: места, с одной стороны, «весьма любопытные для живописца или путешественника, ищущего странных и красивых видов», с другой — «не имеющие ничего, что показывало бы богатство народа». Причиной тому, как он полагал, «южные татары»: они получают всё от щедрой природы без особого труда. «Если б Крым не был в татарских руках, — делает вывод Николай, — то был бы совсем другим; там где помещики и переселенцы русские или малороссийские, то всё иначе, и хлеб есть, и обширные сады, словом, пользуют-

ся богатством благословенной сей земли»<sup>1</sup>. В этих рассуждениях — явный отзвук мыслей сопровождавшего его великого князя Григория Андреевича Глинки, чьи памятные записки о ходе путешествия получала Мария Фёдоровна<sup>2</sup>.

Военный журнал короче гражданского, но и в нём непременно соседствуют критические и положительныe отзывы. Биограф Николая Модест Корф считал, что в них «все почти замечания относятся до одних неважных внешностей военной службы» и «не касаются ни одной существенной части военного устройства, управления или морального духа и направления войска» (например стрельбы), однако прочитавший это суждение император Александр II вступится за батюшку, пояснив в заметке на полях публикации, что «в его летах и трудно было об этом судить» и что «это была не его вина, ибо с окончания войны в 1815 г. и до его вступления на престол никто об этом и не помышлял»<sup>3</sup>. К тому же Корф не совсем точен. В упоминавшихся уже записках Григория Глинки отмечается, например, что в Николаеве Николай Павлович «осматривал мастерские и машины, учреждённые для удобнейшего кораблей построения», а в Туле заезжал «в оружейный сарай для учинения там пробы вновь отработанным ружьям»<sup>4</sup>.

В целом же по журналам заметно, что к приезду великого князя местные власти особо тщательно не

---

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 92, 93, 95.

<sup>2</sup> Путешествие по России и в чужих краях великого князя Николая Павловича, 1816 и 1817 года // Русский архив. 1877. Т. II (6). С. 189.

<sup>3</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 96.

<sup>4</sup> Путешествие по России и в чужих краях великого князя Николая Павловича, 1816 и 1817 года // Русский архив. 1877. Т. II (6). С. 187, 192.

готовились. Это позволило ему увидеть Россию не в виде стены лакированных фасадов, а такой, какой она была в своей реальной повседневной жизни.

Даже проехав по России несколько тысяч вёрст, Николай увидел только её небольшую часть. Однако надо было собираться за границу. Тонкостям поведения в Европе великого князя учил тайный советник Карл Васильевич Нессельроде. Дипломат ещё с павловских времён, он был близок ко двору Марии Фёдоровны. Побывал начальником походной дипломатической канцелярии при Александре I, подписывал Парижский мир и участвовал в Венском конгрессе 1814—1815 годов, летом 1816 года занял пост управляющего Министерством иностранных дел. Тот факт, что Нессельроде смог удержаться во главе внешнеполитического ведомства при трёх императорах (40 лет, до апреля 1856 года!), характеризует его дипломатические качества лучше всего.

Нессельроде построил свою инструкцию Николаю в виде записки, письма-поучения. Опытный дипломат старался предупредить об опасностях, подстерегающих в путешествии неопытного, как он пишет, *наблюдателя*. Главные из опасностей таятся в собственных мыслях и чувствах путешественника. Первая — неумение анализировать полученные впечатления. Вторая — стремление «слишком следовать мнениям и чувствам других». Нессельроде отчасти угадывал, отчасти формировал характер Николая, когда писал, что «принц» должен «обрести доверие к собственным силам» и «вследствие сильного напряжения своей воли... сделаться господином своих собственных мыслей». Заграничное путешествие — прекрасная практика для воспитания способности самостоятельного суждения, а значит (тут Нессельроде ловко выворачивал к главной идее своего пос-

лания), каким бы прекрасным ни представлялось наблюдателю общественное устройство чужих стран, не нужно поддаваться соблазнительной мысли «о бессознательном заимствовании у иностранцев».

На примере Англии Нессельроде показывал, что политические учреждения любой страны глубоко вырастают корнями в её историческую почву, что английская конституция, английское понятие свободы вызревали столетиями, как минимум с XIII века, когда английский король Джон подписал Великую хартию вольностей. «Через сколько испытаний должна была пройти Англия, чтобы достигнуть этой цели!» — восклицал автор записки и, наконец, подводил великого князя к главному выводу: «Заимствовать иностранную форму правления, чтобы дать государственное устройство какому-нибудь народу, это значит заменить случайным влиянием единоличной воли целую цепь причин, действующих часто с незапамятных времён, и стараться лишь подражать событиям... Их учреждения заслуживают того, чтобы наблюдатель, изучая их, изоцрял свой ум, а не смотрел бы на них, как на образец готовых конституционных форм, от которых можно заимствовать размеры для нового сооружения, воздвигаемого под другим небом и в другом климате»<sup>1</sup>.

Инструкция Нессельроде оказала своё влияние; прививка самобытности была сделана вовремя. Великий князь хладнокровно преодолел соблазны чужого политического опыта. В Британии он «занимался в собрании разговорами с знатнейшими английскими особами», побывал и на заседании парламента, и да-

---

<sup>1</sup> Записка, предназначенная его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествия за границу // Русская старина. 1898. Кн. VIII. С. 292—293, 297—298.

же в образцовой социалистической колонии Роберта Оуэна<sup>1</sup>. Николай провёл там целый день, 16 декабря 1816 года, заинтересованно задавал вопросы, вежливо внимал утопическим идеям об усовершенствовании человечества, а потом... предложил Оуэну взять с собой два миллиона жителей перенаселённой Британии и переехать в Россию реализовывать свой проект! Оуэн вежливо отказался<sup>2</sup>.

Британская система политического устройства не увлекла Николая. Это видно из его отзыва об английской свободе слова. «Если б, к нашему несчастью, — сказал он как-то генералу Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову, — какой-нибудь злой гений перенёс к нам эти клубы и митинги, делающие больше шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков, или, ещё лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него <дара слова> такое употребление»<sup>3</sup>.

Но светская сторона пребывания высокого гостя была безупречной. Его принимал правивший тогда в Британии принц-регент Георг, а победитель Наполеона при Ватерлоо, герцог Веллингтон, «считал своим долгом окружить брата императора вниманием и предупредительностью и нередко служил ему руководителем и спутником при обзоре замечательных военных и промышленных учреждений». Побывал Николай Павлович и в Оксфорде, причём 29 декабря «университет провозгласил его императорское высочество доктором прав при отправле-

---

<sup>1</sup> *Роберт Оуэн* (1771—1858) — английский социалист, мечтавший создать идеальное общество, основанное на общественной собственности.

<sup>2</sup> *Podmore F. Robert Owen. A biography.* NY., 1907. P. 173.

<sup>3</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 79.

нии обычных в сем случае обрядов и в присутствии многочисленной публики»<sup>1</sup>.

Лейб-медик принца Кобургского оставил словесный портрет двадцатилетнего Николая Павловича: «Это был необыкновенно красивый, пленительный молодой человек, прямой, как сосна, с правильными чертами лица, открытым лбом, красивыми бровями, необыкновенно красивым носом, маленьким ртом, тонко очерченным подбородком... Его манера держать себя полна оживления, без натянутости, без смущения и, тем не менее, очень прилична. Он прекрасно говорил по-французски, сопровождая слова недурными жестами... Когда в разговоре он хочет оттенить что-то особенное, то поднимает плечи кверху и несколько аффектированно возводит глаза к небу. Во всём он проявляет уверенность в самом себе, по-видимому, однако, без всякой претензии!» Статс-дама принцессы Шарлотты, отличавшаяся требовательностью и строгостью в своих суждениях о мужчинах, была неиссякаема в своих похвалах насчёт великого князя: «О, какое очаровательное создание! Он дьявольски красив! Это будет самый красивый мужчина Европы!» Лондонская публика отмечала величавую осанку проезжавшего верхом по улицам великого князя, приговаривая: «Взглянув на него, как не сказать, что это наследник русского императора»<sup>2</sup>.

Николай провёл в Англии четыре месяца и вернулся домой через Германию, сделав долгую остановку в Берлине, у невесты Шарлотты. Будущий тесть, король Фридрих Вильгельм, доверил Нико-

---

<sup>1</sup> Путешествие по России и в чужих краях великого князя Николая Павловича, 1816 и 1817 года // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 198.

<sup>2</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 79—80, 487.

лаю командование прусским кирасирским полком. Для Николая это был один из запоминающихся моментов жизни: обязательная программа образования наконец-то закончилась и впереди лежала самостоятельная жизнь военного человека, командира, генерала. Через 30 лет за картину «Передача 6-го кирасирского полка в Потсдаме», запечатлевшую это событие, император Николай заплатит одному из своих самых любимых живописцев, Францу Крюгеру, солидную сумму в пять тысяч прусских талеров.

К маю 1817 года великий князь вернулся в Петербург.

...Ещё одна, особняком стоящая ознакомительная экскурсия, произошедшая примерно в то же время, известна со слов самого Николая Павловича. В 1835 году, посетив Санкт-Петербургскую Калининскую больницу, император Николай скажет сопровождавшему его дежурному ординатору Реймеру: «Я пришлю сюда своего сына, и ты покажи ему самые ужасные примеры сифилитической болезни на мужчинах и женщинах. Когда я был молод и ещё не женат, мой доктор Крейтон тоже водил меня по военному госпиталю, и больные, которых я увидел, произвели на меня такой ужас, что я до самой женитьбы своей не знал женщин»<sup>1</sup>.

#### *Глава четвёртая*

### **НАСЛЕДНИК**

Великий князь вступает в совершеннолетие дважды. Первое, так называемое «царственное совершеннолетие», приходится на 18 лет. Оно озна-

---

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 99—100.

чает потенциальную возможность занять престол. Для Николая это событие прошло незаметно, где-то в Европе, во время возвращения из Парижа в Петербург. Другое дело — «совершенное совершенное», приходящееся на 21 год. Это возраст обретения полной самостоятельности, возраст обзаведения семьёй и собственным местом жительства. На самый день рождения Николая — 25 июня 1817 года — было назначено его обручение с принцессой Шарлоттой, а на день рождения Шарлотты — 1 июля — венчание.

Этому предшествовала целая череда пышных церемоний. 9 июня Николай в форме «своего» прусского кирасирского полка встретил невесту на границе Пруссии и России. Он протянул Шарлотте руку, словно помогая переступить пограничную черту, шепнул: «Наконец-то вы среди нас!» — и прибавил громко для окружающих: «Добро пожаловать в Россию, ваше королевское высочество!» Офицерам было сказано: «Это не чужая, господа; это дочь вернейшего союзника и лучшего друга нашего государя». Сказано не напрасно: судя по воспоминаниям Шарлотты, страх оказаться «чужой» всё ещё владел ею во время десятидневной поездки вглубь России. Больше, чем жара и несносная дорожная пыль, её беспокоила встреча с матушкой жениха Марией Фёдоровной. В Европе знали о том, с какой строгостью императрица-мать воспитывает своих сыновей и дочерей, знали о её непростых отношениях с невесткой Елизаветой Алексеевной...

Но императрица Мария Фёдоровна при встрече сразу же распахнула радушные объятия, воскликнув, что наконец-то исполняются её заветные желания, поскольку небо посылает ей такую дочь! И вскоре открытое золочёное ландо вынесло трёх рус-

ских императриц — бывшую, настоящую и будущую — на заполненные народом и парадными линиями гвардии улицы Петербурга.

Двадцать четвёртого июня Шарлотта приобщилась святых тайн Православной церкви: «новая русская Великая княжна была восхитительно хороша, с распущенными по плечам волосами и со свечой в руке»<sup>1</sup>. А через день народу читали торжественный манифест императора Александра I (составленный мастером высокого слога вице-адмиралом Александром Семёновичем Шишковым):

«Да умножится Российский императорский Дом и да укрепится в силе и славе своей родственными и дружескими союзами с сильнейшими на земле державами... Мы, совокупно с Его Величеством Королём Прусским Фридрихом Вильгельмом III, положили избрать дочь его, светлейшую принцессу Шарлотту, в супруги вселюбезному брату Нашему, Великому князю Николаю Павловичу, согласно собственному его желанию. Сего июня в 24 день, по благословению и благодати Всевышнего, восприяла она православное греко-российской церкви исповедание и при святом миропомазании наречена Александрой Фёдоровной, а сего же июня 25-го дня... в придворной Зимнего дворца церкви совершено предшествующее браку высокочетавшихся обручение...

В престольном нашем граде Санкт-Петербурге, июня 25-го, в лето от Рождества Христова 1817, царствования нашего в седьмое на десять»<sup>2</sup>.

Восторг двух царственных домов, русского и прусского, вступающих в такой прочный, как тог-

---

<sup>1</sup> *Бутурлин М. Д.* Записки // Русский архив. 1897. Т. 1. С. 436.

<sup>2</sup> *Божеерянов И. Н.* Жизнеописание императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая Первого. СПб., 1898. С. 50.

да казалось, союз, отразился в радостной переписке соревнующихся в учтивости правителей. И Фридрих III, и Александр I, и Мария Фёдоровна были переполнены сильными эмоциями. «Она сроднится с нами и, сделав Николая счастливейшим из смертных, сделает меня счастливейшей из матерей и утешит меня в разлуке с моими дочерьми», — писала Мария Фёдоровна. Император Александр подчёркивал в письме прусскому королю политическое значение брака: «Мы были соединены намерениями и чувствами, и, чтобы ещё более скрепить эти узы, нам недоставало лишь родственных связей между нашими семьями. Небу было угодно даровать нам это счастье, и никогда ещё брак не был заключён при более счастливых условиях»<sup>1</sup>.

После венчания в Зимнем свадебный поезд (золотые парадные кареты, лошади восьмериком!) направился к новому дому молодых супругов — Аничковому дворцу на берегу Фонтанки. Посередине Невского проспекта тогда тянулся посаженный липами бульвар, и оттуда пёстрая весёлая публика приветствовала праздничный кортеж восторженными криками. А во дворце, на верху лестницы, император Александр и императрица Елизавета встретили молодожёнов хлебом-солью.

В этом дворце, в собственном (наконец-то!) доме началась семейная самостоятельная жизнь великого князя. Николай признавался супруге: «Если кто-нибудь спросит, в каком уголке мира скрывается истинное счастье, сделай одолжение, пошли его в Аничковский рай»<sup>2</sup>.

Жуковский словно вторил: «Счастливый юно-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 64.

<sup>2</sup> Там же. С. 111.

ша... с доброю, верною и прекрасною подругой, с которой он жил душа в душу, имея занятия, согласные с его склонностями, без забот, без ответственности, без честолюбивых помыслов, с чистой совестью, чего недоставало ему на земле?»

Окном в душевный мир молодых супругов можно считать картину одного из самых известных художников-романтиков Каспара Давида Фридриха «На паруснике», приобретённую великокняжеской четой в Германии в 1820 году (ныне выставленную в Эрмитаже). Мужчина и женщина, одинокая пара странников на палубе небольшого корабля, вглядываются в туманные очертания далёкого города — скорее всего, ожидающего их в будущем Града Небесного. В этом повороте Николая к романтизму можно видеть явное влияние Шарлотты, теперь уже навсегда Александры Фёдоровны. Она стала для супруга героиней романтической сказки, и от него зависело поддержание этого сказочного мира. Первый же его жест оказался подарком всей стране: именно благодаря Александре Фёдоровне в России появился самый сентиментальный символ семейного празднества — рождественская ёлка. Чудо-дерево впервые нарядили в канун Рождества 1817 года в Московском Кремле — где зимовала в том году императорская семья — специально для супруги Николая<sup>1</sup>. Обычай переняли в столицах, а потом и по всей России. «Теперь во многих домах русских принят обычай немецкий, — напишет через четверть века известная детская писательница Александра Осиповна Ишимова. — Накануне праздника тихонько от детей готовят ёлку; это значит:

---

<sup>1</sup> *Божемянов И. Н. Жизнеописание императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая Первого. СПб., 1898. С. 81.*

украшают это вечнозелёное деревцо как только возможно лучше, цветами и лентами, навешивают на ветки грецкие вызолоченные орехи, красненькие, самые красивые яблоки, кисти вкусного винограда и разного рода искусно сделанные конфеты. Всё это освещается множеством разноцветных восковых свеч, прилепленных к веткам дерева, а иногда и разноцветными фонариками»<sup>1</sup>.

Семнадцатого апреля 1818 года, в Светлую пасхальную неделю, в 11 часов Александра Фёдоровна услышала крик своего первого ребёнка: «Никс целовал меня, заливаясь слезами, и мы возблагодарили Бога вместе, не зная ещё, даровал ли Он нам сына или дочь, когда матушка, подойдя к нам, сказала: “Это сын”. Счастье наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором!»<sup>2</sup>

Жуковский на это событие немедленно отозвался одой:

Младой отец пред матерью спасённой  
В жару любви рыдает, слов лишён.

*(«Государыне великой княгине  
Александре Фёдоровне», 1818)*

Тот же Жуковский, близкий ко двору человек, отметил в дневнике всеобщую радость: «Один из прекраснейших дней. Рождение В<еликого> Кн<язя>. Прелестное утро. Чувства весёлые, ясные, живые, без примеси. Радость истинная. Черты истинной

---

<sup>1</sup> Душечкина Е. В. Русская ёлка: история, мифология, культура. СПб., 2002. С. 72.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 107.

высокости в характере матери. Это великое счастье. Чем более причин к ней привязаться, тем более прелести в жизни»<sup>1</sup>.

Ребёнка отдали на попечение боннам и няням (Николай проследил, чтобы одной из нянь была англичанка). «Это был прелестнейший маленький ребёнок, беленький, пухленький, с большими тёмно-синими глазами; он улыбался уже через шесть недель»<sup>2</sup>.

Кто бы мог тогда подумать, что рождение первенца станет причиной столь резких перемен в жизни его родителей? Минул год с небольшим, и в погожий день 13 июля 1819 года послеобеденная дружеская беседа императора Александра с Николаем и Александрой Фёдоровной неожиданно переросла в серьёзный и важный разговор. Сначала Александр похвалил Николая за удачные учения, потом заговорил о семейном блаженстве младшего брата (Александра была снова беременна), признался, что завидует счастьем иметь сына, которого ни он, ни брат Константин никогда не испытывали. А потом объявил, что и он, и считавшийся наследником Константин видят в первенце Николая — Александре, как его назвали, «знак благодати Божией», символ благополучного продолжения царского рода. Именно поэтому по совместному решению старших братьев к Николаю и его потомству перейдёт российский престол. Сам Александр «считает своим долгом отречься от правления с той минуты, как почувствует сему время», а Константин, «имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле».

---

<sup>1</sup> Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. XIII. М., 2004. С. 129.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 108.

Это был сюрприз, разрушавший сложившуюся идиллию.

«Мы сидели, как окаменелые, — вспоминала Александра Фёдоровна, — широко раскрыв глаза, не будучи в состоянии произнести ни слова». Затем Николай несколько пришёл в себя и принялся уверять венценосного брата, что к занятию трона никогда не готовился и не чувствует в себе «ни сил, ни духу» на столь великое дело, что всегда его мыслью и желанием было только служить государю «изо всех сил души и разума». Александр же ответил, что «когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было тем ещё труднее, что нашёл дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого правила и порядка», и что Николаю будет куда легче, ибо «много сделано к улучшению, всему дано законное течение», а значит, преемник найдёт всё в полном порядке, который нужно будет только удерживать.

«Видя, что мы готовы были разрыдаться, — продолжает Александра Фёдоровна, — он постарался утешить нас, успокоить, сказав, что всё это случится не тотчас, что, может быть, пройдёт ещё несколько лет прежде, нежели он приведёт в исполнение свой план; затем он оставил нас одних. Можно себе представить, в каком мы были состоянии. Никогда ничего подобного не приходило мне в голову даже во сне. Нас точно громом поразило; будущее казалось мрачным и недоступным для счастья».

«Кончился сей разговор, — вспоминал Николай Павлович, — государь уехал, и мы с женою остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое должно поразить человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами и с которой всегда открываются приятные

виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться, — вот совершенное изображение нашего ужасного положения»<sup>1</sup>.

Единственным относительным утешением для Николая стало уверение Александра в том, что минута «столь ужасному для великокняжеской чести перевороту» настанет ещё не скоро. Император просил пока «только привыкать к будущности неизбежной» и обещал, что до грядущих перемен остаётся не менее десяти лет. «Переворот» терялся где-то за туманным ещё 1829 годом, и Николай Павлович (его даже не назначили членом Государственного совета) снова окунулся в воинскую службу.

\* \* \*

«При самом моём вступлении в службу, где мне наинужнее было иметь наставника, брата благодетеля, — признавался Николай в воспоминаниях, — оставлен был я один с пламенным усердием, но с совершенною неопытностью».

О неопытности своей Николай вспоминал так: «До 1818 года не был я занят ничем; всё моё знакомство со светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все господа генерал- и флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к Государю. В сём шумном собрании проводили мы час, иногда и более, доколь не призывался к Государю военный генерал-губернатор с комендантом, и вслед за

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 115—117.

сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сём собрании делались дела по гвардии, но большею частью время проходило в шутках и насмешках насчёт ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство. До сего я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал — и в редком обманулся. Время сие не было потерей времени, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц...»

Снова, как когда-то в детстве, пригодилось умение «слышать то, что слышать не полагается, и слышать лучше, чем полагают».

Оставшийся неизвестным современник дал такую характеристику Николаю того времени: «Обыкновенное выражение его лица имеет в себе нечто строгое и даже неприветливое. Его улыбка есть улыбка снисходительности, а не результат весёлого настроения или увлечения. Привычка господствовать над этими чувствами сроднилась с его существом до того, что вы не заметите в нём никакой принуждённости, ничего неуместного, ничего заученного, а между тем все его слова, как и все его движения, размеренны, словно перед ним лежат музыкальные ноты. В великом князе есть что-то необычное: он говорит живо, просто, кстати; всё, что он говорит, умно, ни одной пошлой шутки, ни одного забавного или непристойного слова. Ни в тоне его голоса, ни в составе его речи нет ничего, что об-

лично бы гордость или скрытность. Но вы чувствуете, что сердце его закрыто»<sup>1</sup>.

На службе действовал этот «закрытый» Николай. Тот, который был требовательным до жёсткости, строгим до безжалостности, способным сильно разгневаться, даже обругать. Желчный мемуарист Филипп Филиппович Вигель запомнил «неблагоклонные взоры» великого князя, чьё лицо будто «тучи облегли»: «Он был необщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим. В правильных чертах его белого, бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчётная суровость...»

А как не быть суровости, когда идеальные представления Николая об армии, укреплённые парадной картиной грандиозного смотра в Вертю, чем дальше, тем больше вступали в противоречие с практикой реальной армейской жизни. В армии шла очевидная борьба «либералов» и «традиционалистов», сторонников вольного, почти товарищеского отношения к солдатам и поборников твёрдой дисциплины и беспрекословной субординации. Нетрудно определить, на чьей стороне был великий князь, если своё понимание армии он в то время видел так: «Здесь порядок, строгая, безусловная законность, нет умничанья и противоречия, здесь всё согласуется и подчиняется одно другому. Здесь никто не повелевает прежде, чем сам не научится послушанию; никто не возвышается над другими, не имея на то права; всё подчиняется известной определённой цели; всё имеет своё значение, и тот же самый человек, который сегодня

---

<sup>1</sup> *Рахматуллин М. А.* Екатерина II, Николай I, А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 2009. С. 163.

отдаёт мне честь с ружьём в руках, завтра идёт на смерть за меня!»<sup>1</sup>

В русской армии конца александровского царствования были и «умничания», и противоречия. Как позже вспоминал сам Николай, к тому времени «порядок совершенно разрушился... Подчинённость исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а всё делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день». Вопиющим примером нарушения порядка стало для Николая дозволение офицерам носить фраки. Он отмечал с возмущением и удивлением: «Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу!»

Борьба Николая за искоренение «военного распутства» во вверенных ему частях (он командовал гвардейской бригадой, полками Измайловским и Егерским) началась со строгих взысканий за неисполнение служебных обязанностей. В гвардейских полковых архивах сохранились приказы великого князя. Они показывают, что претензии и взыскания трудно назвать бесосновательными:

«*21 марта <1823 года>*. Его Императорское Высочество Великий князь Михаил Павлович был вчера в госпиталях Преображенском и Семёновском, не нашёл при них дежурных, по 1-му л.-гв. сапёрного батальона поручика Завальевского 3-го, а по последнему л.-гв. егерского полка прапорщика Бабкина 2-го, за что оба и арестовываются впредь

---

<sup>1</sup> Из записок Шнейдера // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16 (1). С. 701—702; *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 376.

до повеления, а по выпуске из-под ареста наряжаются на 10 раз не в очередь дежурными по оним госпиталям.

*18 июня <1824 года>. Я встретил вчера человека подпоручика л.-гв. Измайловского полка Козлова 2-го, который нёс на полевой пикет к своему господину головную подушку; я предаю на благорассудок гг. офицеров, прилично ли, стоя на всяком карауле, и тем более в лагере, а ещё и на полевом пикете, искать своего покоя; подобная нежность достойна смеха, пусть же г. подпоручик Козлов 2-й повеселит тем своих товарищей, в которых в том, надеюсь, подражателей не найдёт.*

Подлинные подписаны:

Бригадный командир генерал-инспектор Николай»<sup>1</sup>.

За Николаем закрепилась репутация исключительно придиричливого командира. Сам он объяснял причину своей непопулярности так: «Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников и подчинённых против себя, тем более что меня не знали, и многие или не понимали или не хотели понимать». С одной стороны, даже доброжелатели полагали за недостаток «строгое и вспыльчивое отношение» великого князя к офицерам<sup>2</sup>. С другой — даже противники признавали: «Служба была строгая... Его высочество был взыскателен по

---

<sup>1</sup> Зайончковский А. М. Восточная война. 1853—1856. Т. 1. СПб., 2002. С. 684—686.

<sup>2</sup> Из записок Я. И. Ростовцева // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 465.

правилам дисциплины и потому, что сам не щадил себя»<sup>1</sup>.

Наблюдательность Николая позволила ему заметить, что «вольность» в отношении к службе идёт от определённого круга офицеров: «По мере того как начинал я знакомиться со своими подчинёнными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под... военным распутством крылось что-то важнее; и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не знающих; и на решительно дурных, т. е. говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налёг я без милосердия и всячески старался от оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелёгкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне оплачивалось».

Неприятностей было достаточно: мемуары будущих декабристов пестрят упоминаниями о том, что Николай был известен «грубостью обхождения с офицерами и жестокостью с солдатами»<sup>2</sup>, хотя, занёсшись, не забывал и извиниться («на другой день его высочество после ученья подошёл к нашему офицерскому кругу и слегка коснулся вчерашнего дня и слегка извинился»). Андрей Евгеньевич Розен передаёт ставшее хрестоматийным восклицание своего командира: «После ученья, изложив

---

<sup>1</sup> *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 113.

<sup>2</sup> *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 233.

сделанные ошибки, <Николай Павлович> прибавил: “Господа офицеры, займитесь службою, а не философией: я философов терпеть не могу, я всех философов в чахотку вгоню!”». Однако и Розен признаёт, что ошибки офицеров были реальными, а не мнимыми: «Нам опять досталось после того, как полковник П. Я. Куприянов, по близорукости или забывчивости на батальонном ученье, удалив взводного офицера и не заметив, что за этим взводом замыкал подпоручик Белич, приказал командовать унтер-офицеру. Пошли объяснения, вызовы на поединок, но он... извинился вполне удовлетворительно, и дело кончилось по-семейному, но не понравилось его высочеству»<sup>1</sup>.

Наиболее шумевшей стала история с гвардейским капитаном Василием Сергеевичем Норовым, явно из числа «решительно дурных» по николаевской классификации (и члена тайного общества будущих декабристов с 1818 года). Мемуары и дневники сохранили несколько версий, но все они сводятся примерно к следующей картине.

На одном из разводов Николай «был не в духе, остался всем недоволен, кричал на солдат и офицеров; погода была дождливая, и князь, топая ногою перед Норовым, в порыве гнева, забрызгал его... На следующий день великий князь узнал, что Норов подаёт в отставку; опасаясь заслужить от государя замечание за свою горячность, великий князь послал за Норовым и, убеждая его взять своё прошение обратно, сказал, между прочим:

— Если бы вы знали, как Наполеон иногда обращался со своими маршалами!

— Но, ваше высочество, я так же мало похож на

---

<sup>1</sup> Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 113.

маршала Франции, как вы на Наполеона, — отвечал Норов»<sup>1</sup>.

Как пишет один из биографов будущего декабриста, «Норовым восхищались, история обрастала подробностями, о ней толковали в гостиных и на разгульных гусарских пирах». В некоторых рассказах Николай намеренно обрушивал своего коня в лужу перед гвардейским капитаном, чтобы окатить того «с головы до ног», в других кричал: «Я вас в бараний рог согну!», имея в виду «вас — тайных бунтовщиков», в третьих Норов немедленно вызывал великого князя на дуэль...<sup>2</sup> Николай жаловался Паскевичу: «Вы посудите, сколь я терплю от сего несчастного приключения: одно меня утешает, что я не виноват ни в чём»<sup>3</sup>.

Как бы то ни было, в итоге Норов попал под арест, а потом за «непозволительный поступок против начальства» был «выписан из гвардии» в 18-й егерский полк. Через полтора года Норов был «всемилоостивейше прощен», оставлен в армии, произведён в подполковники (как было положено бывшему капитану гвардии). Ещё через полтора Николай и Норов встретятся на допросе. Если верить мемуарам декабриста Завалишина, император воскликнет: «Я знал наперёд, что ты, разбойник, тут будешь!»<sup>4</sup>

---

<sup>1</sup> Тучкова-Огарёва Н. А. Воспоминания. М., 1959. С. 46.

<sup>2</sup> Про дуэль заговорили потому, что офицеры — друзья Норова требовали от Николая, «чтобы он отдал сатисфакцию Норову», однако из источников ясно, что «сатисфакция», то есть удовлетворение требования, в данном случае означала лишь разрешение Норову немедленно выйти из гвардии в армию (см.: Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1. СПб., 1888. С. 363).

<sup>3</sup> Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1. СПб., 1888. С. 365.

<sup>4</sup> Завалишин Д. Воспоминания. М., 2003. С. 308.

Образ Николая Павловича-начальника будет не полон без рассмотрения его взаимоотношений со знаменитым в своё время профессором Константином Ивановичем Арсеньевым. В 1821 году этот известный своим либерализмом преподаватель будет вместе с несколькими коллегами изгнан из Санкт-Петербургского университета «пламенным консерватором» Дмитрием Павловичем Руничем, управляющим учебным округом. Тридцатидвухлетний Арсеньев был обвинён в «неверии», «зловредности», «нарушении нравственности», «призывах к революции» и «разглашении государственной тайны». Эта «университетская история» на шумела настолько, что дошла до Комитета министров. Николай же не только оставил Арсеньева преподавать в подведомственном ему Инженерном училище, но и успокоил при встрече: «Что с тобой, Арсеньев? За что на тебя такое гонение? Мы тебя знали чистым и честным. Будь спокоен, ты у нас останешься и ничего не потеряешь»<sup>1</sup>. Вскоре Арсеньев получил место профессора истории в Школе гвардейских подпорщиков и кавалерийских юнкеров — заведении, устроенном Николаем Павловичем. Рунича же Николай при встрече иронически «благодарил» за изгнание хорошего педагога, который теперь сможет посвятить всё своё время Инженерному училищу, и «просил выгнать из университета ещё несколько человек подобных, чтобы у себя с пользой употребить их на службу»<sup>2</sup>.

Жизненная философия Николая того периода достаточно проста: безусловное и нелицемерное служение ради спокойствия и порядка. Он так и писал: «Я взираю на целую жизнь человека как

<sup>1</sup> Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1897. С. 318.

<sup>2</sup> Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1989. С. 225.

на службу, ибо всякий из нас служит, многие, конечно, только страстям своим, а им-то и не должен служить солдат, даже своим наклонностям. Почему на всех языках говорится: богослужение? Это не случайность, а вещь, имеющая глубокое значение. Ибо человек обязан всецело, нелицемерно и безусловно служить своему Богу. Отправляет ли каждый свою только службу, выпадающую ему на долю — и везде царствуют спокойствие и порядок, и если бы было по-моему, то воистину не должно было бы быть в мире ни беспорядка, ни нетерпения никакой притязательности»<sup>1</sup>.

### *Глава пятая*

## **МЕЖДУЦАРСТВИЕ**

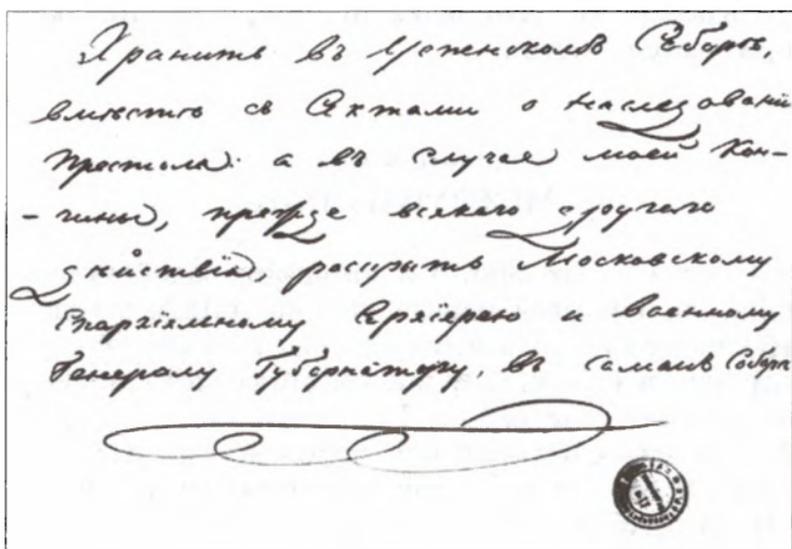
В служебных заботах и домашних радостях прошла для Николая первая половина 1820-х годов. Накануне 1825 года великий князь не ждал больших перемен в жизни, хотя в написанном тогда письме императору Александру I сквозила его неудовлетворённость сложившимся положением: «Несмотря на всю радость, которую я испытываю оттого, что нахожусь подле той, которая составляет счастье моей жизни, сознание моей бесполезности и отсутствие всяких служебных обязанностей составляют для меня предмет невыносимой муки; в особенности меня подавляет мысль, что я решительно не могу представить себе ясно продолжительности моей бездеятельности»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 376.

<sup>2</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. I. М., 1996. С. 160.

А между тем «продолжительность бездеятельности» уже была отмерена. Почти два года, с лета 1823-го, лежали в четырёх надежных местах — в алтаре Успенского собора в Москве, в Государственном совете, Сенате и Синоде в Петербурге — запечатанные конверты, на которых было написано рукой самого императора: «В случае моей кончины открыть... прежде всякого другого действия»<sup>1</sup>. В конвертах хранился манифест об отречении Константина и переходе престола к Николаю Павловичу.



Завеса тайны была настолько плотной, что сам великий князь знал о существовании «какого-то акта отречения» только из иногда делаемых вскользь упоминаний матушки Марии Фёдоровны. По словам составившего манифест архиепископа Филарета, «как бы во гробе хранилась погребённой царская тайна».

Император Александр не торопился обнару-

<sup>1</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 238.

довать эти важнейшие документы — это означало придавать им официальный статус. Когда же один из самых доверенных подданных царя, князь Александр Николаевич Голицын, просил его об этом, император тихо, но уверенно отвечал, указывая рукой на небо: «Положимся на Бога: Он устроит всё лучше нас, слабых смертных».

Так что Николаю казалось, что главными событиями года станут для него повышение по службе до начальника 2-й гвардейской дивизии и рождение 12 июня дочери Александры. Служба шла своим чередом. Дела Корпуса инженеров заносили великого князя даже в Бобруйск, где он инспектировал крепость, принимал вновь возведённые укрепления, учил солдат ружейным приёмам, а барабанщикам показывал, как надо барабанить.

Обычный день Николая, день рядовой, но далеко не праздный, отражён в его записной книжке. Например, в четверг, 23 апреля, он встаёт в половине девятого, почти сразу принимается за работу, рассылает ординарцев, едет в манеж, устраивает смотр гвардейским егерям, присутствует при смене караула, едет к Марии Фёдоровне, возвращается в манеж, учит подчинённых ему конных пионеров обращаться с понтоном, потом снова занимается с егерями; обедает в кругу семьи, после обеда работает у себя в Аничковом, распивает чай с родственниками, занимается детьми (первенцу Саше — особое внимание!) до ужина и после, наконец, отправляется в Петергоф в дорожной коляске и до поздней ночи проводит время с офицерами и служащими<sup>1</sup>.

Среди дневниковых записей встречается, казалось бы, заурядная от 7 августа 1825 года: «L'ange

<sup>1</sup> Сидорова М. В. Один день из жизни Великого князя // Культура и искусство в эпоху Николая I. СПб., 2008. С. 132—134.

nous a dit l'impératrice va passer l'hiver à Taganrog», то есть: «Наш Ангел предложил императрице провести зиму в Таганроге»... Ангел — это старший брат Александр.

В ночь выезда Александра I в Таганрог, 1 сентября, над Царским Селом «видна была комета тёмная, лучи коей простирались вверх на большое пространство». Император спросил своего бессменного кучера Илью Байкова:

— Видел ли ты комету?

— Видел, государь, — отвечал тот.

— Знаешь, что она предвещает? Бедствие и горести... Так Богу угодно.

Когда-то шекспировская Кальпурния говорила Цезарю: «В день смерти нищих не горят кометы, лишь смерть царей огнём вещает небо» («Юлий Цезарь»). Действительно, смерть Цезаря была отмечена сиявшей в небе «хвостатой звездой». А в 1821 году, незадолго до кончины Наполеона, небесная скиталица повисла над островом Святой Елены. (Заметим в скобках, что комета 1825 года — «комета Энке» — снова загорится в небе в 1855 году.)

Поздней осенью в Петербург пришла тревожная весть из Таганрога: государь при смерти и надежды на выздоровление невелики.

Это случилось 25 ноября, около шести часов вечера, когда великий князь, напившись чаю, играл с детьми в своём «Аничковском раю». Ему доложили, что приехал петербургский генерал-губернатор граф Милорадович. Вот как Николай Павлович запомнил сцену, с которой начался крутой поворот в его жизни: «Я застал графа в приёмной живо ходящим по комнате с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил: “Что это, Михаил Андреевич? Что случилось?” Он мне отвечал:

“Ужасное известие”. Я ввёл его в кабинет, и тут он, зарыдав, отдал мне письма от князя Волконского и Дибича, говоря: “Император умирает, остаётся лишь слабая надежда”. У меня ноги подкосились; я сел и прочёл письма, где говорят, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох».

Николай и Александра тут же помчались в санях к матушке Марии Фёдоровне: «Я застал её в тех ужасных огорчениях, которых опасался; положение её было столь ужасно, что я не решился её покинуть и остался всю ночь с адъютантом моим Адлербергом в камердинерской комнате сидящим. Ночью часто меня матушка призывала, ища утешений, которых я не в состоянии был ей дать. Под утро, часов в 7, прибыл второй фельдъегерь, с известием о минутной перемене к лучшему»...

Следующий день прошёл в молебствиях о здравии императора, которого уже неделю не было на этом свете. Лишь 27 ноября в столицу дошла весть о том, что утром 19 ноября император Александр скончался.

Царская семья узнала об этом в церкви Зимнего дворца, во время очередного молебна о здравии. Николаю дали знать, что прибыл Милорадович. Великий князь оставил молебен и поспешил навстречу печальной новости: «...по фигуре Милорадовича вижу, что всё потеряно, что всё кончено, что нашего Ангела нет больше на этом свете! Конец моему счастливому существованию, которое ОН создал для меня!»

С тревогой оглядывалась Александра Фёдоровна на стеклянную дверь, в которую вышел супруг: «Он так долго не возвращался! Непередаваемый страх охватил нас. Я была одна с матушкой, она отправила даже камердинера, чтобы скорей получить из-

вестия; я стояла около стеклянной двери; наконец, я увидела Рюля<sup>1</sup>; по тому, как он шёл, нельзя было ожидать ничего хорошего. Выражение его лица досказало всё. Свершилось! Удар разразился! Матушка стояла с одной стороны, я — с другой. Николай вошёл и упал на колени; я чуть было не лишилась сознания, но пересилила себя, чтобы поддержать бедную матушку. Она открыла дверь, которая ведёт к алтарю, и прислонилась к ней, не произнеся ни слова»<sup>2</sup>.

Воспитатель великого князя Александра Николаевича, Василий Андреевич Жуковский, хорошо запомнил тот трагический момент: «Вдруг, когда после громкого пения в церкви сделалось тихо, и слышались только молитвы, вполголоса произносимые священником... <...> отворяются северные двери, из которых выходит великий князь Николай Павлович, бледный; он подаёт знак к молчанию: всё умолкло, оцепенев от недоумения; но вдруг все разом поняли, что императора не стало, церковь глубоко охнула. И через минуту всё пришло в волнение; всё слилось в один говор криков, рыдания и плача. Мало-помалу молившиеся разошлись, я остался один; в смятении мыслей я не знал, куда идти, и, наконец, машинально, вместо того, чтобы выйти общими дверями из церкви, вышел северными дверями в алтарь. Что же я увидел? Дверь в боковую горницу отворена. Императрица Мария Фёдоровна, почти бесчувственная, лежит на руках великого князя, великая княгиня Александра Фёдоровна умоляет её успокоиться:

---

<sup>1</sup> Врач Марии Фёдоровны.

<sup>2</sup> Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926 (далее — Междуцарствие).

*“Maman, chere maman, au nom de Dieu, calmez vous”*<sup>1</sup>. В эту минуту священник берёт с престола крест и, возвысив его, приближается к дверям; увидя крест, императрица падает пред ним на землю, притиснув голову к полу почти у самых ног священника. Несказанное величие этого зрелища меня сразило; увлечённый им, я стал на колени перед святынею материнской скорби, перед головою Царицы, лежащей во прахе под крестом испытующего Спасителя. Императрицу, почти лишённую памяти, подняли, посадили в кресло и понесли во внутренние покои. Дверь за нею затворилась»<sup>2</sup>.

Николай, бывший тогда в Петербурге старшим из царской семьи (Константин и Михаил находились в Варшаве), немедленно приказал присягнуть следующему за Александром брату, Константину, — в полном соответствии с законом о престолонаследии. Как он говорил позже в официальном заявлении: «Желали Мы утвердить уважение Наше к первому коренному отечественному закону о непоколебимости в порядке наследия престола... отклонить самую тень сомнения в чистоте намерений наших и... предохранить Отечество наше от малейшей, даже и мгновенной, неизвестности о законном государе»<sup>3</sup>.

Николай знал, что Александр I считал наследником именно его. Однако никаких официальных распоряжений на этот счёт сделано не было. Содержание тайного манифеста об отказе Константина от прав наследника Николаю известно не было. «Ежели б я манифест и знал, — писал Николай поз-

---

<sup>1</sup> Матушка, милая матушка, ради Бога, успокойтесь (*фр.*).

<sup>2</sup> 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 233—234.

<sup>3</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 179.

же, — я бы и тогда сделал бы то же... <...> долг мой и всей России был присягнуть законному государю». Александра Фёдоровна поясняла позицию супруга: «...Так как Константин никогда не говорил с ним об этом и никогда не высказывался по этому поводу в письмах, то он решил поступить так, как ему приказывала его совесть и его долг. Он отклонил от себя эту честь и это бремя, которое, конечно, всё же через несколько дней падёт на него».

В тот же день были отправлены письма в Варшаву, к старшему и младшему братьям.

Константину Павловичу — строгий, почти официальный текст:

«С.-Петербург. 27 ноября 1825 г.

Дорогой Константин! Предстаю пред моим государем, с присягою, которою я ему обязан и которую я уже принёс ему, так же как и все меня окружающие, в церкви в тот самый момент, когда обрушилось на нас самое ужасное из всех несчастий. Как сострадаю я вам! Как несчастны мы все! Бога ради, не покидайте нас и не оставляйте нас одних!

Ваш брат, ваш верный на жизнь и на смерть подданный

Николай»<sup>1</sup>.

Михаилу — более интимное послание:

«С.-Петербург. 27-го ноября 1825 г.

Милый Михаил, друг мой, ты всё знаешь; мы всё потеряли, всё: остались нам одни слёзы. Я долг святой исполнил, и Бог помог мне — все мне последовали, все; наша бесценная гвардия исполнила также долг свой везде. Сердце чисто у нас... Мы ждём нетерпеливо Государя, и ты ради Бога, приезжай... Твой по гроб Н.».

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 141—142.

Всевышнему Господу Богу угодно было отозвать къ себѣ обожаемаго нами Монарха!

Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу учинена присяга Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, Государственнымъ Советомъ, Святейшимъ Синодомъ и Войскомъ.

По приказанію Его Сіятельства Господина Санктпетербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора, я извѣщаю о семъ всѣхъ жителей Столицы, дабы они посѣдуя долгу своему, обратились во храмы Божіи и тамъ предъ Престоломъ Всевышняго учинили таковую же присягу на вѣрность подданства Государю Императору Константину Павловичу установленнымъ порядкомъ. Ноября 27 дня 1825 года.

*С. Петербургскій Оберъ - Поміціймейстеръ Ш у л ь е и н ъ 1.*

## Ф О Р М А

Во первыхъ Великихъ Вкѣпнѣлахъ , на вечеринѣ , и утромѣ , и лѣтѣрнѣ :

Ѡ Блгоцетнѣтнѣншмъ Омодержавнѣтнѣншмъ Великомъ Гдѣрѣ нашмъ Императорѣ Константинѣ Павловичѣ келъ Ршеинъ : Ѡ Матери ѠгѠ , Блгоцетнѣтнѣншѣ Гдѣрѣ Императрицѣ Маріи Аводаровнѣ : Ѡ Блгоцетнѣтнѣншѣ Гдѣрѣ Императрицѣ Ѡлі-  
савѣтѣ Александрѣ : Ѡ Блговѣрномъ Гдѣрѣ Великомъ Кнѣзѣ Николаѣ Павловичѣ , и Ѡ Ѡвпрѣгѣ ѠгѠ , Блговѣрной Гдѣрѣ Великой Кнѣгинѣ Александрѣ Аводаровнѣ : Ѡ Блговѣрномъ Гдѣрѣ Великомъ Кнѣзѣ Александрѣ Николаевичѣ : Ѡ Блговѣрномъ Гдѣрѣ Великомъ Кнѣзѣ Михайлѣ Павловичѣ , и

Порядокъ былъ соблюденъ. Теперь, по расчётамъ Николая, если Константинъ царствовать не собирался, ему нужно было только приехать в Петербургъ и официально, прилюдно, объявить о переходе престола къ младшему брату. Какъ говорилъ Николай Михайлу: «Приездъ сюда Константина Павловича всему бы де-

лу дал иной и правильный оборот; упорство брата не ехать будет одно причиной несчастий, которых возможность не отвергаю, но в которых я первый погибну»<sup>1</sup>.

Однако Константин приезжать не хотел. Он был уверен, что всё разъяснено бумагами из тайного конверта, прежде всего манифестом о передаче престола Николаю. Если же его признают императором, хоть и временно, то он не только не поедет в столицу, но и «удалится ещё далее, если всё не устроится согласно воле покойного императора».

Началась борьба за престол, которую граф Рибопьер назвал «единственной в летописях истории борьбой двух братьев из-за того, кому не царствовать», «борьбой великодушной, но пагубной»<sup>2</sup>.

По городу поползли неясные толки и слухи. Ведь «повелений от императора, которому присяга принесена была, — не приходило; дела останавливались совершенно»<sup>3</sup>. Александр Дмитриевич Боровков, будущий делопроизводитель Следственной комиссии по делу декабристов, передавал настроения тех дней так: «Неопределённое чувство страха закралось в сердца жителей: пролетела молва, что цесаревич Константин отказывается от престола, что великий князь Николай тоже не хочет принять бразды правления; носились несвязные толки о конституции, и содрогались благонамеренные». На Монетном дворе резали штемпели для новых рублей — с профилем императора Константина I. Газеты печатали известия о том, что «Его величество Государь Константин Павлович

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 43—44.

<sup>2</sup> Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 5. С. 14.

<sup>3</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 17.

находится, благодаря Всевышнему, в вожделенном здравии»<sup>1</sup>.

Константину отдавали предпочтение политики, которые надеялись на возобновление либеральных александровских времён, а также военные, в кругу которых было распространено мнение о том, что Николай груб и жесток по отношению к подчинённым. Кроме того, 29-летнего младшего брата считали гораздо менее опытным в государственных делах.

Среди тех, кто понимал это, был Николай Михайлович Карамзин, автор «Истории государства Российского». Он не занимал официально никакого поста, но обладал значительным авторитетом в высших слоях общества. Его звание «историо-граф» прислуга переделывала в более понятное «граф истории». Капитальный труд Карамзина выходил в свет безо всякой цензуры, а его политические записки, подававшиеся императору Александру, меньше всего стремились подладиться под воззрения и чувства правителя.

Политическую позицию Карамзина близко знавший его Пётр Андреевич Вяземский называл позицией «либерала-консерватора». С одной стороны, «граф истории» считал счастливейшим для гражданина российского время Екатерины Великой, с её идеалом «законной свободы». С другой — требовал от правителей мудрости «более хранительной, нежели творческой», напоминал правило мудрых: «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому следует прибегать только по необходимости, ибо только одно время даёт твёрдость уставам». Либерал Александр не принимал

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 222.

такие рассуждения. И Карамзин поспешил к Николаю Павловичу, как только узнал, что именно он унаследует императорскую власть.

Совсем недавно, ещё 31 октября, Николай с удовольствием слушал чтение Карамзиным новых глав «Истории государства Российского», теперь же стал прислушиваться к его воззрениям историко-политическим. С 28 ноября историк начал ездить во дворец по приглашению Марии Фёдоровны. В её присутствии Карамзин беседовал с Николаем, «говорил смело и решительно про ошибки предыдущего царствования». Он, по выражению Михаила Петровича Погодина, стремился «застраховать, сколь возможно, судьбу России» и желал, чтобы «преемник Александра избежал ошибок предыдущего царствования и исправил зло, им причинённое». Одной из важнейших ошибок Александра Карамзин считал его «излишнюю любовь к государственным преобразованиям»<sup>1</sup>.

— Пощадите, пощадите сердце матери, Николай Михайлович! — воскликнула однажды императрица Мария Фёдоровна, прежде долго в молчании выдерживавшая критику правления её старшего сына.

— Ваше величество! — отвечал воодушевлённый Карамзин. — Я говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать.

Когда Карамзин пересказывал эту сцену жене, «лицо у него горело, щёки были красны, глаза сверкали каким-то неестественным блеском, голос дрожал: “Государыня меня останавливала, как будто я говорил только для осуждения! Я говорил так, потому что любил Александра, люблю отечество и же-

---

<sup>1</sup> Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 64.

лаю преемнику... исправить зло, им невольно причинённое!” По собственным словам историографа, ездить во дворец значило для него “служить свою святую службу любезному Отечеству, отдавать ему.. свой последний долг”»<sup>1</sup>.

Карамзин передал Николаю копию своей главной аналитической работы «Записки о древней и новой России» (под названием «Сравнение царствований Петра I, Екатерины II и Александра I»), и тот сохранил её в своём архиве<sup>2</sup>.

О том, насколько император доверился историку, свидетельствует его желание поручить именно Карамзину составление важнейших государственных бумаг, начиная с манифеста о восшествии на престол.

В начале декабря манифест был написан, поправлен виртуозом канцелярского языка Михаилом Михайловичем Сперанским, но без официального заявления от Константина обнародован быть не мог. Константин же в Варшаве ждал манифеста о вступлении на престол Николая, ибо считал, что об отказе от имперской короны уже объявил и долг свой исполнил. Он будто говорил своим поведением: «Делайте со своим царством что хотите, только оставьте меня в покое».

Между Петербургом и Варшавой сновали адъютанты, курьеры и фельдъегеря. Раз уж Константин не хочет приехать — решили в Петербурге, — пусть хотя бы напишет официальный манифест о передаче престола Николаю. Как вспоминал декабрист Беляев: «Присяга Николаю без манифеста со сторо-

---

<sup>1</sup> *Погодин М. Н.* М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. Ч. II. М., 1866. С. 460, 461.

<sup>2</sup> *Русский консерватизм XIX столетия.* М., 2000. С. 43.

ны Константина, его упорное отсутствие порождали в самых даже тихих и не свободомыслящих недоумение, смущение и каждый считал новую присягу противною совести»<sup>1</sup>.

Днём принятия важнейших решений стала суббота, 12 декабря (по совпадению — день рождения императора Александра). «Какой день для меня, великий Боже, — записал Николай в дневник, — день решительный для моей судьбы и в это самое число!»<sup>2</sup> В шесть утра его разбудили известием о прибытии курьера из Таганрога — со спешным пакетом от бывшего при Александре I начальника Главного штаба Ивана Ивановича Дибича, с надписью «О самонужнейшем». Дибич докладывал, что начиная с лета 1825 года унтер-офицер Иван Шервуд и капитан Аркадий Майборода начали доносить о существовании в армии тайных антиправительственных обществ, члены которых могут воспользоваться сложившейся ситуацией в своих заговорщических целях. Цели эти до конца не выяснены, но связаны с политическими убийствами<sup>3</sup>. «Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, когда, — вспоминал Николай, — увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии». Среди деятелей тайных обществ упоминались и знакомые, например, квартирмейстер подчинённой Николаю дивизии (фактически начальник штаба) гвардии капитан Никита

---

<sup>1</sup> *Беляев А.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805—1850. СПб., 1882. С. 167.

<sup>2</sup> *Междуцарствие.* М.; Л., 1926. С. 77.

<sup>3</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 230—239.

Муравьёв. «Тогда только почувствовал я в полной мере всю тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полной властью, с опытностью, с решимостью — я не имел ни власти, ни права на оную...»<sup>1</sup>

К счастью, вскоре после обеда прибыл курьер «с решительными вестями» от Константина. Старший брат окончательно отказывался от прав на престол, но совершенно отвергал предложение приехать в столицу. Он ограничился братским благословением на царствование и уверениями первого подданного «в преданности и беспредельной привязанности».

Приходилось готовиться к тому, что возвещать о воцарении на торжественном заседании Государственного совета придётся в присутствии только великого князя Михаила Павловича, «личного свидетеля и вестника воли цесаревича». Но ещё нужно было дожидаться, чтобы Михаил, застрявший в растерянности (куда ехать?) в двухстах верстах от Петербурга по дороге в Варшаву, приехал в столицу.

«Благословение на предстоявшее было испрошено и из другого мира, — замечает Модест Корф. — После обеда новая императорская чета нашла несколько минут, чтобы съездить в Аничкин дом и там, в маленьком кабинете бывшей великой княгини Александры Фёдоровны, припала в тёплой молитве перед бюстом почившей её родительницы...»

Казалось бы, скорейшая присяга новому императору развязывала ему руки для спасения империи от обнаруженного заговора. Однако вечером Николай принял необычного визитёра и понял, что си-

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 18.

туация ещё сложнее. Этим визитёром был двадцатилетний поручик Яков Ростовцев. Он уже три дня пытался добраться до Николая и, отчаявшись, прорвался прямо к нему во дворец. Поручик объявил, что именно против Николая «таится возмущение» и что вспыхнет оно во время принятия новой присяги. Поручик искренне боялся, что, «может быть, это зарево осветит конечную гибель России». Он просил не считать его доносчиком, действующим «из подлых видов», умолял никак не награждать. «Я не донёс ни на кого; ценою своей жизни я желал спасти всех, — вспоминал потом Ростовцев. — Я действовал... может быть и неразумно, но открыто, по убеждению и с самоотвержением»<sup>1</sup>. Возвышенная сцена в кабинете Николая, с сентиментальными слезами и дружескими объятиями, навсегда осталась в памяти Ростовцева. «Мой друг! — восклицал растроганный Николай. — Может быть, ты знаешь некоторых злоумышленников и не хочешь называть их, думая, что сие противно благородству души твоей, — и не называй! Ежели какой-либо заговор тебе известен, то дай ответ не мне, а Тому, Кто нас выше!»<sup>2</sup>

Романтический порыв Ростовцева на десятилетия станет для него источником нравственных мучений: «Что скажет обо мне потомство? Я боюсь суда его. Поймёт ли оно и признает ли те побудительные причины, которые руководили мною в бедственные декабрьские дни? Не сочтёт ли оно меня доносчиком или трусом, который только о себе заботился?» — «Потомство, — ответит ему близкий

---

<sup>1</sup> Переписка Я. И. Ростовцева с Е. П. Оболенским // Русский архив. 1873. № 1. С. 486—488, 506.

<sup>2</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 255.

друг, цензор Александр Васильевич Никитенко, — будет судить о вас не по одному этому поступку, а по характеру всей вашей будущей деятельности: ей предстоит разъяснить потомкам настоящий смысл ваших чувств и действий». Ростовцев станет одним из важнейших деятелей эпохи Великих реформ при следующем государе, будет возглавлять работы по отмене крепостного права. Он умрёт в феврале 1860 года, затравленный Герценом и прощённый друзьями-декабристами. Его последние слова будут обращены к императору Александру II: «Государь, не бойтесь...» Иван Аксаков заметит: «Должно быть, было в Ростовцеве что-то хорошее, что он нажил себе такой почётный и славный конец»<sup>1</sup>.

Из письма Дибича Николай узнал о заговоре, из разговора с Ростовцевым — о времени «возмущения» в столице. Казалось бы, нужно было немедленно провести «превентивные» аресты и этим предотвратить бунт. Многие из упомянутых заговорщиков были в отъезде (тот же Никита Муравьёв), но упоминались и те, кого нетрудно было бы отыскать в столице (например, поэт Кондратий Фёдорович Рылеев). Однако действовать быстро значило действовать без суда и следствия. Николай, с его уважением к порядку, к этому готов не был. Как писал в мемуарах генерал Александр Христофорович Бенкендорф, один из близких друзей Николая, бывший при нём тогда почти неотлучно: «Производить аресты в момент восшествия на престол, не имея определённых доказательств, было бы столь же неправильно, сколь и рискованно. Надо было дожидаться развития событий»<sup>2</sup>. Во-

---

<sup>1</sup> *Осьмакова Н.* Виновник мятежа. Повесть в документах о декабристе Евгении Оболенском. Тула, 1991. С. 279.

<sup>2</sup> *Бенкендорф А. Х.* Восстание 14 декабря 1825 года / Публ.

енный министр, генерал ещё с павловских времен Александр Иванович Татишев, узнав о заговоре утром 13 декабря, «испрашивал соизволения арестовать злоумышленников», имена которых сделались известными.

— Нет! — ответил Николай. — Этого не делай. Не хочу, чтобы присяге предшествовали аресты. Подумай, какое дурное впечатление сделаем мы на всех.

— Но, — попытался возражать опытный министр, — беспокойные заговорщики могут произвести беспорядки...

— Пусть так, — прервал его Николай, — тогда и аресты никого не удивят; тогда не сочтут их несправедливостью и произволом.

Татишев был не согласен, но не смел возражать...<sup>1</sup>

Было решено предоставить развитие событий воле Божьей. «Воля Божия и приговор братний надо мной свершаются, — писал Николай в одном из писем. — 14 числа я буду или государь — или мёртв! Что во мне происходит, описать нельзя; вы верно надо мной сжалитесь: да, мы все несчастливы, но нет никого несчастливее меня»<sup>2</sup>.

«Кто же из нас двоих, — сравнивал Николай себя и Константина, — приносит... бóльшую жертву? Тот ли, который, решась единожды отвергнуть, под видом своей неспособности, наследие отцовское, остаётся, верный своему слову, в том положении, какое сам себе предъизбрал, соответственно

---

А. Литвина // Звезда. 2007. № 4; Электронная публикация: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=740>

<sup>1</sup> А. Д. Боровков и его записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 333.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 247.

своему вкусу и желанию; или тот, который, никогда не готовившись к сану, чуждому для него по закону рождения, никогда не зная положительно решения, постановленного о его судьбе, теперь вдруг, в эпоху самую трудную, когда будущее нисколько не улыбается, должен жертвовать собой и всем для него драгоценным — семейным счастьем и покоем — чтоб покориться воле другого?»<sup>1</sup>

Воскресный день 13 декабря прошёл в ожидании приезда Михаила. Но даже в восемь вечера, когда Государственный совет был наконец-то собран для официального объявления о вступлении Николая на престол, Михаил ещё не добрался до Петербурга. Сановники ждали, ужинали, снова ждали... Наконец пробило полночь, откладывать заседание было некуда, и Николай занял место председателя Государственного совета. Он начал со слов: «Выполняя волю Брата Константина Павловича...» и перешёл к чтению манифеста о своём восшествии на престол. Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко поклонились новому императору. Николаю почему-то запомнился адмирал Мордвинов, сидевший напротив. «Один из дивных исполинов Екатерины славных дней»<sup>2</sup> имел репутацию человека вольномыслящего, а тут вскочил быстрее прочих и отвесил самый низкий поклон... 23 члена Государственного совета присягнули Николаю, но основная присяга, присяга «силовых структур» — прежде всего генералитета и гвардии — была назначена на следующее утро.

Во внутренних покоях Николая ждали матушка Мария Фёдоровна и супруга Александра Фёдоров-

---

<sup>1</sup> 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 244.

<sup>2</sup> Слова из оды К. Ф. Рылеева «Гражданское мужество» (1823).

на — теперь уже две императрицы. «Нас поздравляли, — вспоминала Александра Фёдоровна, — я всё время говорила, что нас скорее нужно жалеть... Мы вдвоём проводили матушку в её комнаты, причём нам пришлось пройти совсем близко около караула, офицер которого на другой день должен был сыграть такую постыдную роль». Караулом командовал 23-летний корнет Александр Иванович Одоевский, член Северного тайного общества, будущий автор знаменитого «Из искры возгорится пламя». Накануне корнет восторженно восклицал на собрании заговорщиков: «Умрём! Ах, как славно мы умрём!»<sup>1</sup>

...Перед сном они снова молились в маленьком кабинете, и Николай, встав на колени, заклинал супругу быть готовой перенести всё, что может произойти:

— Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество, и если придётся умереть, — умереть с честью.

Императрица отвечала:

— Дорогой друг, что за мрачные мысли? Но я обещаю тебе. — И она тоже опустилась на колени около бюста покойной матери и молила небо даровать ей силы<sup>2</sup>.

### *Глава шестая*

### **«ДРУЗЬЯ ПО ЧЕТЫРНАДЦАТОМУ»**

Четырнадцатое декабря 1825 года. «День, обратившийся, так сказать, в фронтиспис и эпитафия его славного царствования», — запишет в дневнике

<sup>1</sup> Восстание декабристов. Т. XVII. М., 1980. С. 51.

<sup>2</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 86—87.

Модест Андреевич Корф 18 лет спустя. А пока звучит, словно рефрен, николаевское: «Меня не с чем поздравлять, обо мне сожалеть должно...»<sup>1</sup>

В результате переворота убили его отца, Павла I, в результате переворота убили деда, Петра III. А если заглянуть в будущее — и сына убьют, и правнуков... Император — самая опасная профессия в России.

— 13 декабря ввечеру,— признается позже Кондратий Рылеев,— я действительно предлагал Каховскому убить ныне царствующего государя и говорил, что это можно исполнить на площади.

— Я совершенно не отказывался, — подтвердит Каховский. — ...Признаюсь откровенно, увлечённый бедствиями отечества... для общей пользы не видал <в этом> преступления<sup>2</sup>.

Рано утром, за мгновение до того, как выйти — спокойно и величественно — к собравшимся в зале членам императорской семьи, гвардейским генералам и полковым командирам, Николай скажет своему близкому другу Александру Бенкендорфу: «Итак, сегодня вечером нас, может быть, обоих не будет более на свете; но, по крайней мере, мы умрём, исполнив наш долг»<sup>3</sup>. Слова эти позже воспринимались как проявление решительности и самоотвержения, но Бенкендорф вспоминал, что в момент их произнесения картина происходящего представлялась «в самых чёрных красках».

Николай вышел в зал в парадном мундире Измайловского полка, с ярко-голубой Андреевской

---

<sup>1</sup> Из дневника Вилламова // Русская старина. 1899. № 2. С. 316.

<sup>2</sup> См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 242.

<sup>3</sup> 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 263.

орденской лентой через плечо, и сразу сделал официальное заявление, что он «находится вынужденным принять престол, как ближайший в роде по отрекшемуся, в чём покоряется неизменной воле цесаревича Константина Павловича, которому недавно... присягал вместе со всеми». Затем он прочитал манифест императора Александра и акт отречения Константина. Наступил первый решающий момент вступления на престол: новый император спросил у ближайшего своего окружения, «не имеет ли кто каких сомнений». В ответ последовали уверения в преданности и готовности жертвовать собой.

«Тогда Николай Павлович, несколько отступив, с осанкою и величием, которые ещё живы в памяти у свидетелей сей незабвенной минуты, сказал: “После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы; а что до меня касается, если я хоть час буду императором, то покажу, что этого достоин”».

Николай смятённый, Николай переживающий остался за дверью, в личных покоях. Да ещё в частных письмах, ставших известными только много десятилетий спустя. Вот что написано тем же утром сестре Марии, герцогине Саксен-Веймарской:

«С.-Петербург. 14 декабря 1825 г.

Молитесь за меня Богу, дорогая и добрая Мария! Пожалейте несчастного брата — жертву воли Божией и двух своих братьев! Я удалял от себя эту чашу, пока мог, я молил о том провидение и я исполнил то, что моё сердце и мой долг мне повелевали. Константин, мой государь, отверг присягу, которую я и вся Россия ему принесли. Я был его подданный: я должен был ему повиноваться. Наш Ангел должен быть доволен — воля его исполнена, как ни тяжела,

как ни ужасна она для меня. Молитесь, повторяю, Богу за вашего несчастного брата; он нуждается в этом утешении — и пожалейте его!»<sup>1</sup>

Около восьми утра генералы принесли официальную клятву верности в Круглой зале Генерального штаба, а потом разъехались по полкам принимать присягу у гвардии — в этот момент и ожидалось возмущение. Если к двум часам дня — большому официальному «выходу» в Зимнем дворце — ничего серьёзного не произойдёт, можно будет облегчённо вздохнуть.

Наступили часы ожидания.

Вот сообщили, что присягу приняли Сенат и Синод. «Манифест был выслушан с восхищением и умилением», — уверял Милорадович. Вот прибыл генерал Орлов с донесением, что его конногвардейцы не просто присягнули, но и хвалили поступок обоих царственных братьев возгласами «Обои молодцы!». Благоприятные известия стекались от ближайших и по расположению, и по отношению к престолу полков: Кавалергардского, Преображенского, Семёновского, Павловского... Наконец в начале одиннадцатого появился брат Михаил Павлович — он был удивлён тем, что проехал по спокойному и тихому городу.

— Ну, ты видишь, что всё идет благополучно, — сказал Николай брату, — войска присягают, и нет никаких беспорядков.

— Дай Бог, — ответил великий князь, — но день ещё не кончился.

Тут-то и начались беспорядки.

Первое известие о волнении некоторых офицеров в конной артиллерии (благо быстро успокоен-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 164.

ном) оказалось только началом. Николай даже велел вернуть арестованным было офицерам сабли, заметив: «Не хочу знать их имён». Они хотели доказательств законности присяги лично от своего шефа Михаила — и к ним был отправлен Михаил. Едва он переоделся в артиллерийский мундир и уехал, как с известием одновременно ожидаемым и неожиданным явился начальник штаба гвардейского корпуса генерал Нейдгардт:

— Ваше величество! Московский полк охвачен восстанием! — и рассказал о кровавой сцене, свидетелем которой стал несколько минут назад.

В казармах полка на набережной Фонтанки несколько младших офицеров уговаривали солдат не присягать. Они кричали: «Всё обман, нас заставляют присягать, а Константин Павлович не отказывался, он в цепях, Михаил Павлович, шеф полка — тоже!» Они убеждали: «Царь Константин любит наш полк и прибавит жалованья; кто не останется ему верен, того колите!» Полк раскололся на поверивших и сомневающих. Вокруг вынесенного для присяги знамени завязалась борьба. Ротный Щепин-Ростовский, самый активный из возмутителей спокойствия, рубил саблей направо и налево. Он первый пролил кровь, ранив как минимум пять человек. Среди них были пытавшиеся помешать беспорядкам полковой командир Фредерикс и бригадный командир Шеншин. Несколько сабельных ударов досталось командиру батальона полковнику Хвоцинскому. При виде этой жуткой сцены солдаты, как заметил один из организаторов выступления, Михаил Александрович Бестужев, «помирали со смеху»<sup>1</sup>. А вот беременной жене Фредерикса,

---

<sup>1</sup> 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 271, 289.

видевшей в окно, как окровавленный муж упал на снег, от испуга сделалось дурно<sup>1</sup>.

Часть Московского полка (меньше половины) с развёрнутым знаменем, под барабанный бой, двинулась на Сенатскую площадь. Свобода пьянила: на Каменном мосту солдатам не понравилась «непредставительная физиономия» стоявшего на посту квартального полицейского. «Кто-то из солдат плюнул ему в рожу, другой толкнул его прикладом. Задние подражали передним, и каждый проходящий награждал его ударом приклада. Квартальный упал. Это происшествие развеселило солдат»<sup>2</sup>. Наверное, с неменьшим весельем был избит до потери сознания рядовой жандармского дивизиона Артемий Коновалов, находившийся на посту у памятника Петру. Лошадь его искололи штыками<sup>3</sup>.

Николаю нужно было немедленно делать ответный ход. Для него наступил момент принятия собственного важнейшего решения — «смеешь выйти на площадь?». Многие отмечали, что император был бледен, однако распоряжения делал быстрые и точные. Он приказал выводить с оружием ближайший к Зимнему дворцу батальон преображенцев, отправил Нейдгардта к конногвардейцам с приказанием «седлать, но не выезжать», велел привезти в Зимний своих детей из Аничкова, затем спустился к заступившей в дворцовый караул егерской роте:

— Готовы ли вы умереть за меня?

Ответ был:

— Рады стараться, — и первое знамя преклонилось перед Николаем Первым.

---

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 189.

<sup>2</sup> Рассказ А. А. Бестужева. 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 267.

<sup>3</sup> 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 634.

Тогда — «дивизион вперёд, скорым шагом — марш!» — без шинели, в одном мундире, Николай повёл егерей через двор к воротам на Дворцовую площадь. (А навстречу — раненый, обгагрённый кровью полковник Хвошинский.) Караул стал у дворцовых ворот, и на площадь, густо заполненную народом, Николай вышел один.

Народ сбегался, кричал «ура!». Новый император оказался в центре внимания — в России, в Петербурге, на площади. Но что делать на этой площади? О чём говорить с народом? Николай решил читать вслух манифест о своём восшествии на престол — благо у кого-то в толпе нашёлся экземпляр. Читать медленно, толкуя каждое положение («но сердце замирало, признаюсь» — его собственные слова<sup>1</sup>). В конце голос его окреп — стало понятно, что здесь, на Дворцовой, — его сторонники, его верноподданные.

Царя окружают, пытаются дотронуться хотя бы до фалд мундира... Два отставных офицера, георгиевских кавалера, предлагают себя в телохранители. И вот уже выстраивается у Зимнего верный батальон Преображенского полка. Николай успокоен и ободрён: народ явно демонстрирует ему свои симпатии и сочувствие. «Ребята! — обращается Николай к окружившей его толпе. — Не могу поцеловать вас всех, но — вот за всех!» — Император заключает ближайшего к нему мещанина Луку Чеснокова в отеческие объятия и, как потом вспоминал сам Лука, «удостаивает монаршим целованием». В течение нескольких секунд на площади разыгрывается уникальная сцена — народ передаёт друг другу, как бы «делит между собой» поцелуй царя<sup>2</sup>.

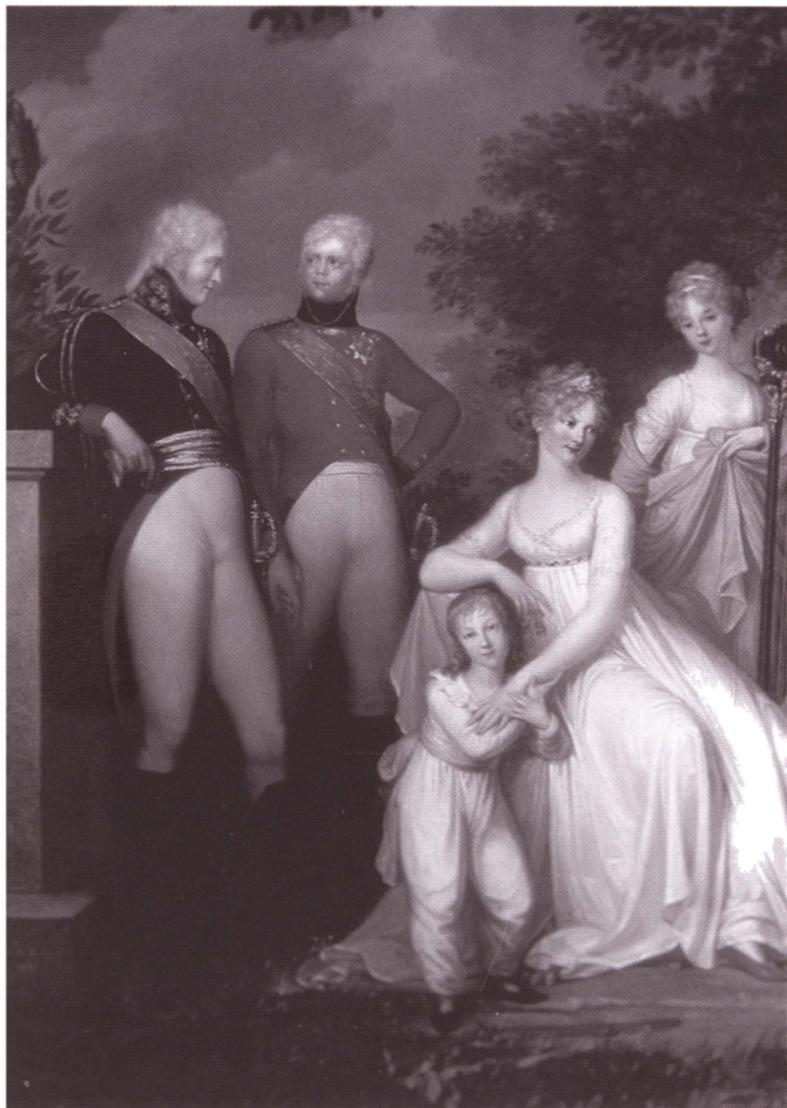
---

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 56.

<sup>2</sup> 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 268. Много позже Николай прокомментировал описание этой карти-



*Chloroform*



Император Павел I с семьёй. Художник Г. фон Кюгельхен. 1800 г. (Фрагменты картины.) Императрица Мария Фёдоровна с сыном Николаем; слева стоят старшие братья Николая – Александр и Константин Павловичи

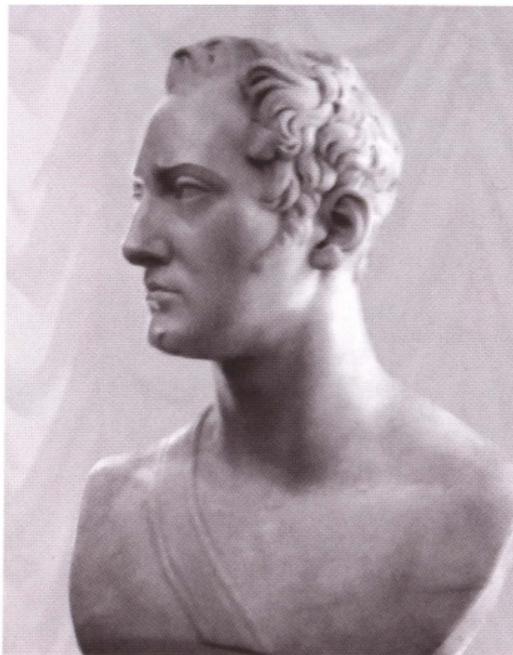


Император Павел I с дочерью Анной и сыном Михаилом



Павел I. Скульптор В. Е. Горевой. 2003 г. Михайловский замок. Петербург

Николай I.  
Скульптор  
Х. Д. Раух.  
1820-е гг.



Михайловский  
замок.  
Художник  
Б. Патерсен.  
Литография.  
1801 г.





Император Александр I.  
*Художник Ф. Крюгер. 1837 г.*



Александр, первенец  
Николая Павловича.  
*Художник П. Соколов.  
1828—1829 гг.*

### Аничков дворец



Николай  
Павлович  
и Александра  
Фёдоровна.  
*Художник  
Ф. Крюгер.  
1833 г.*

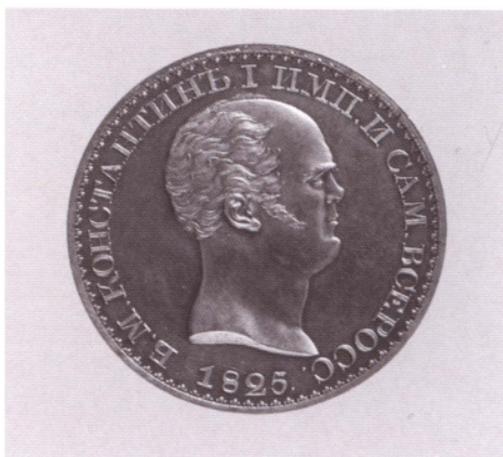


Ёлка в Зимнем  
дворце.  
*Художник  
А. Чернышёв.  
1846 г.*

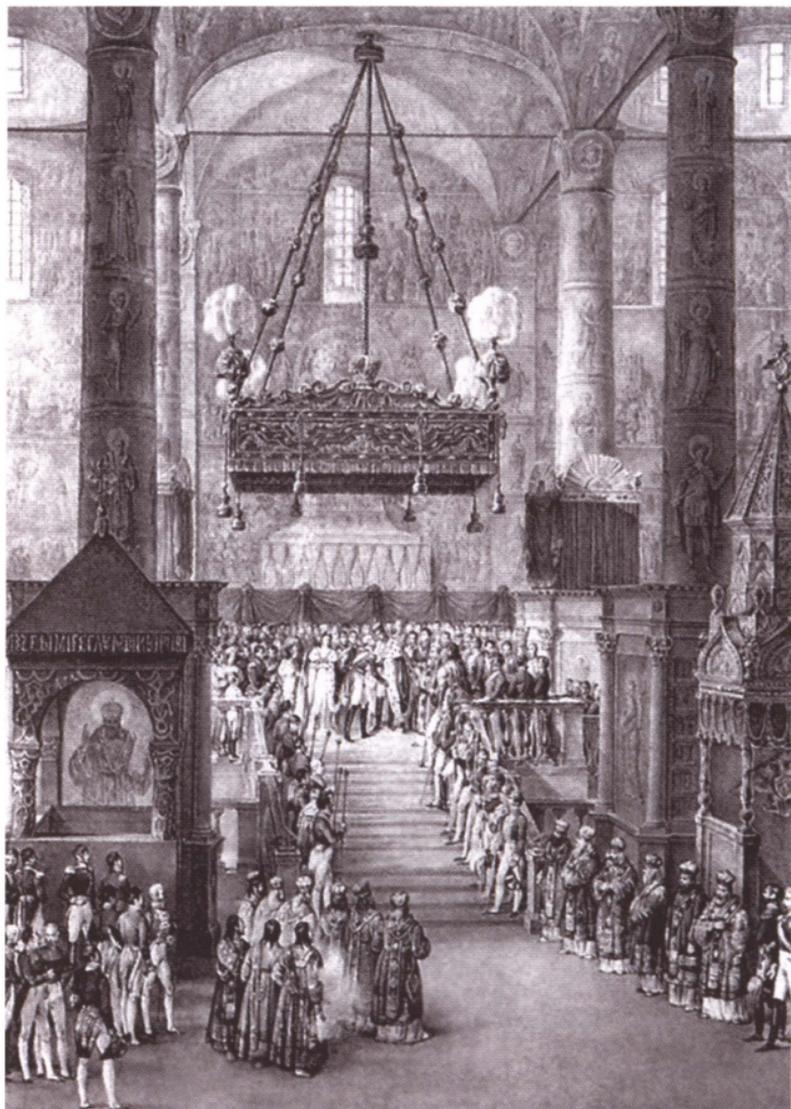




Нанесение  
смертельной раны  
графу  
Милорадовичу.  
*Гравюра с рисунка  
А. И. Шарлеманя.  
1862 г.*



Константиновский  
рубль



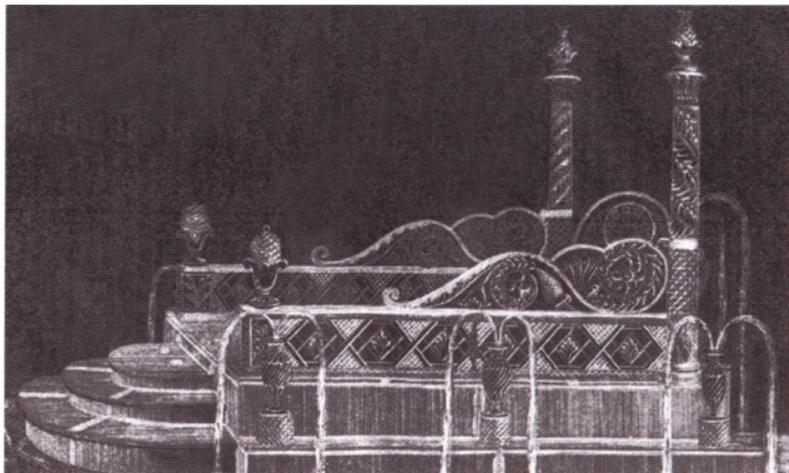
Коронация Николая I в Успенском соборе  
Московского Кремля. 1826 г.



Император Николай I



Императрица Александра Фёдоровна



Хрустальная кровать, отправленная русским императором в дар персидскому шаху. 1826 г.

Заключение мира в Туркманчае 10 февраля 1828 года.  
*Художник В. Мошков. 1829 г.* Слева за столом сидят:  
Аббас-Мирза, И. Ф. Паскевич, А. М. Обресков  
и А. С. Грибоедов (вполоборота)

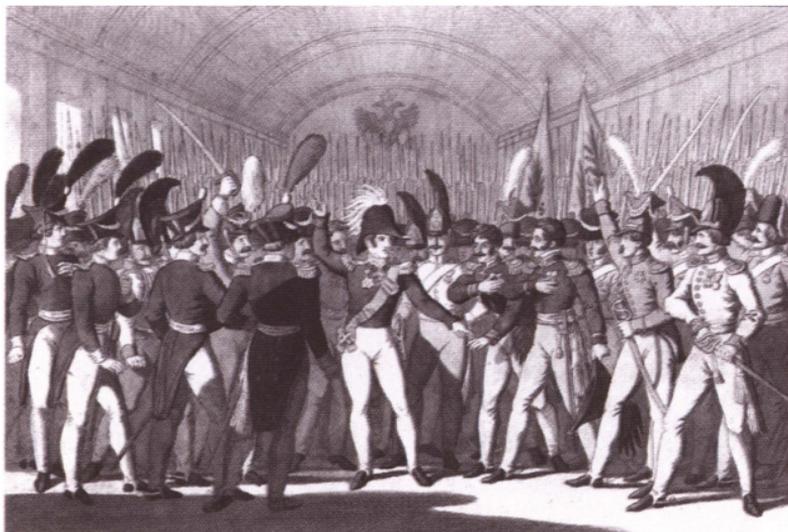




И. Ф. Паскевич-Эриванский    И. И. Дибич-Забалканский

Переправа Николая I через Дунай во время Русско-турецкой войны. Лубок. 1828 г.





Николай I объявляет гвардии о начале Польского восстания. Художник Г. Вундер. Литография. 1831 г.

После битвы при Вавре 31 марта 1831 года.  
Художник Г. Вундер. Литография. 1831 г.





Медаль за взятие Варшавы. 1831 г.

Николай I во время Холерного бунта в Петербурге в 1831 году. Литография. 1839 г.





Николай I со свитой. Художник Ф. Крюгер. 1834 г.  
На переднем плане — император;  
за ним слева направо: И. Ф. Паскевич, великий князь  
Михаил Павлович, А. Х. Бенкендорф, П. М. Волконский,  
наследник Александр Николаевич, А. И. Чернышёв

В это же время на Сенатской площади глава тайного общества Кондратий Рылеев приветствовал Николая Бестужева «первым целованием свободы» — и вскоре ушёл искать пропавшего полковника Сергея Трубецкого, выбранного заговорщиками «диктатором». И больше уже не возвращался<sup>1</sup>.

А Николай — перед строем батальона:

— Готовы ли идти за мною, куда велю?

В ответ «громкое молодецкое»:

— Рады стараться!

Императору подвели коня, батальон зарядил ружья и направился в сторону Сенатской. Оттуда уже доносились первые выстрелы, и вскоре флигель-адъютант прибежал с сообщением о том, что граф Милорадович смертельно ранен: он пытался уговорить солдат покаяться, но какой-то штатский приблизился сзади, из толпы, и выстрелил генералу в бок из пистолета.

К этому времени и генералы, и верные войска стали собираться вокруг Николая. К «дому со львами» примчался Конногвардейский полк.

Командир эскадрона полковник Велио (позже в тот день раненный пулей в локоть и лишившийся руки) вспоминал этот момент так: «Вскоре после того, как полк выстроился, мы увидели государя... Подъехав к нам, он поздоровался обычным: “Здорово, ребята!”, на что весь полк грянул единодушно: “Здравия желаем, Ваше императорское величество!”

Тогда государь подъехал к нам ближе... и спросил:

---

ны так: «Справедливого много, но с прикрасами» (см.: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 51).

<sup>1</sup> 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 261, 568.

— Признаёте ли вы меня за вашего царя или нет?

Крики “ура” были ответом государю, и крики эти вылетали не только из уст солдат, но и офицеров и доказали ему, что полк наш вполне надёжен»<sup>1</sup>.

У Николая уже был очевидный численный перевес: две тысячи пехоты и тяжёлой кавалерии против менее семисот москвичей. Император почувствовал себя достаточно сильным, чтобы выехать на Сенатскую площадь и начать окружать восставших. Как он сам вспоминал: «Тогда отрядил я роту... Преображенского полка... чрез бульвар занять Исаакиевский мост, дабы отрезать сообщение с сей стороны с Васильевским островом и прикрыть фланг Конной гвардии; сам же, с прибывшим ко мне генерал-адъютантом Бенкендорфом, выехал на площадь, чтоб рассмотреть положение мятежников. Меня встретили выстрелами»<sup>2</sup>.

Не на полях сражений, а на углу Адмиралтейского бульвара и Сенатской площади состоялось боевое крещение Николая Павловича. Как вспоминал находившийся рядом Бенкендорф: «Пули свистели со всех сторон вокруг императора, даже его лошадь испугалась. Он пристально посмотрел на меня, услышав, как я ругаю пригнувших головы солдат, и спросил, что это такое. На мой ответ: “Это пули, государь” — он направил свою лошадь навстречу этим пулям». Тем не менее капитану преображенцев, отправленному занять Исаакиевский мост, император строго приказал: «Если будут по вас стрелять —

---

<sup>1</sup> 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 147.

<sup>2</sup> Там же. С. 41.

не отвечай, пока я сам не прикажу. Ты головой мне отвечаешь»<sup>1</sup>.

К тому времени верные Николаю войска стеклись к Адмиралтейству со всех сторон: пришли кавалергарды (так спешили, что не стали надевать кирасы), семёновцы, павловцы, оставшаяся часть преображенцев. Михаил привёл большую часть московцев. Он застал сомневающих из них в казармах — и те с удивлением обнаружили, что господа офицеры их обманывали, что Михаил Павлович не в цепях и не арестован. После этого попросили вести их к Сенатской, отбивать захваченное Щепинным-Ростовским знамя.

Когда ситуация на площади прояснилась и оставалось только дожидаться подхода артиллерии, Николай отправился обратно к Зимнему. Там оставались матушка и жена, туда в обычных возках (дабы не вызывать подозрений) привезли детей. Нужно было убедиться, что дворец надёжно защищён.

По дороге к Зимнему, уже у дома Главного штаба Николай увидел, как навстречу ему валит тысячная толпа солдат лейб-гренадёрского полка, практически без офицеров, но со знамёнами. Николай подъехал вплотную и закричал:

— Стой! — надеясь навести порядок и выстроить полк.

— Мы за Константина! — раздались ответные возгласы.

Ситуация накалилась. Дело могло кончиться кровавой рукопашной, в которой за жизнь Николая трудно было ручаться. Но Николай указал на Сенатскую площадь:

— Когда так — то вот вам дорога.

---

<sup>1</sup> Гордин Я. А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 297.

И посторонился.

«И вся толпа прошла мимо меня, — вспоминал Николай, — сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим одинако заблуждённым товарищам. К счастью, что сие так было, ибо иначе началось бы кровопролитие под окнами дворца, и участь наша была бы более чем сомнительна... Один Бог наставил меня на сию мысль»<sup>1</sup>.

Много раз на протяжении этого рокового дня император Николай замечал удачное стечение благоприятных случайностей, которые объяснял благодатным покровительством Промысла Божьего. Покровительством не по отношению к царю, а ко всему его будущему царствованию<sup>2</sup>. Очередной раз император увидел проявление Божьего милосердия в том, что немногим ранее та же толпа лейб-гренадёр всего на пять минут опоздала с захватом Зимнего дворца и в нём всего императорского семейства: именно на пять минут раньше прибыл преданный Николаю лейб-гвардии сапёрный батальон.

Оборона дворца была организована, и Николай вернулся на Сенатскую, куда уже прибыла артиллерия — но без зарядов, за которыми пришлось посылать далеко на Охту.

По подсчётам военного историка Георгия Соломоновича Габаева, к тому времени против трёх тысяч восставших солдат было собрано девять тысяч штыков и три тысячи сабель. Николай обладал четырёхкратным преимуществом — и к тому же артиллерией! К заставам города подходило ещё десять тысяч верных войск. Восстание было обречено, но Николай надеялся решить дело уговорами.

---

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 59.

<sup>2</sup> См., например: 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 282.

К его сожалению, не удавались ни частные попытки, ни поиски подходов посредством авторитетных лиц. Пытавшийся отговорить солдат поручик Ростовцев был избит прикладами, декабрист Оболенский вырвал недавнего друга из-под прикладов и уже бесчувственного велел отвезти домой... Великий князь Михаил Павлович попробовал повторить свой успех в казармах Московского полка, но теперь его одного было недостаточно — требовали Константина, а Вильгельм Кюхельбекер чуть не застрелил младшего брата императора из пистолета (по разным версиям, то ли осечка случилась, то ли отвели руку стоявшие рядом матросы). В командующего гвардией генерала Воинова кто-то из толпы запустил поленом, так сильно ударившим в спину, «что у старика свалилась шляпа»<sup>1</sup>. Митрополита Серафима прогнали криками: «Какой ты митрополит, когда на двух неделях двум императорам присягнул... Ты изменник, ты дезертир николаевский! Что вы этому старому плуту верите?»<sup>2</sup>

Между тем стало смеркаться, наступил момент кризиса. Вот как почувствовал и передал его Василий Андреевич Жуковский в одном из писем: «Что, если бы прошло ещё полчаса? Ночь бы наступила, и город остался бы жертвою 3000 вооружённых солдат, из которых половина была пьяные. — В эту минуту я с ужасом подумал, что судьба России на волоске, что её существование может через минуту зависеть от толпы бешеных солдат и черни, предводимых несколькими безумцами. Какое чувство и какое положение!»<sup>3</sup>

Действовать надо было немедленно. Приближён-

---

<sup>1</sup> 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 306.

<sup>2</sup> Там же. С. 109, 106.

<sup>3</sup> Там же. С. 216.

ные требовали открыть огонь из пушек — страшной на таком расстоянии картечью. Но Николай очень не хотел начинать царствование с расстрела.

— Вы хотите, чтобы я пролил кровь своих подданных в первый же день царствования? — спросил он у требующего применить артиллерию генерала Васильчикова.

— Чтобы спасти вашу империю, — последовал ответ.

Быть может, именно в этот момент Николай осознал важный принцип поведения верховной власти: чувства и эмоции частного человека, как бы гуманны они ни были, должны быть стянуты железной уздой государственной необходимости. Чувства уместны в доверительных беседах с семьёй и немногими преданными друзьями, а не на площадях перед тысячами подданных. «Спасти империю». Император потом вспоминал: «Эти слова меня снова привели в себя. Опомившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверное *всё*; или, *пощадив себя*, жертвовать решительно Государством».

Жестянки с картечью были забиты в пушечные жерла; к восставшим поскакал командующий гвардейской артиллерией генерал Сухозанет: «Ребята! Пушки перед вами; но государь милостив, не хочет знать имён ваших и надеется, что вы образумитесь, — он жалеет вас». В ответ ему кричали «подлец», кричали «разве ты привез конституцию?», а проводили и вовсе выстрелами, от которых на бульваре стали падать раненые.

«Тогда Император, желая взять на себя одного ответственность в этот великий и решительный момент, приказал первому орудию открыть огонь». Чиновник Константин Степанович Сербинович за-

помнил, что стемнело уже так, что каждый новый выстрел освещал «огнём своим окрестные здания». Бывший рядом с царём генерал Бенкендорф вспоминал, как «первым ответом противника были крики “Ура!” и ружейные залпы... Вскоре их ряды охватила паника, виновные во всём офицеры пытались скрыться от законного возмездия, они старались спрятаться в соседних домах или покинуть город... Несчастные солдаты бежали во все стороны, самая большая их часть бросилась в беспорядке на реку и по льду перешла на Васильевский остров»<sup>1</sup>. Скоро всё было кончено, оставалось только «сбирать» спрятанных и разбежавшихся. Возложив это на генерал-адъютанта Бенкендорфа, Николай со своею свитою поехал во дворец.

Во дворце ещё гадали об исходе противостояния. Когда императрица увидела вспышки выстрелов, слышала грохот пушек со стороны Сенатской, она упала на колени. Кто стреляет, по кому? Говорили, что именно в этот момент случился с ней тот нервический припадок, последствия которого остались на всю жизнь.

Через некоторое время Александра Фёдоровна пришла в себя. Она не столько увидела, сколько угадала в группе подъезжающих ко дворцу Николая: «Вскоре он въехал во дворцовый двор и взошёл по маленькой лестнице — мы бросились ему навстречу. О, Господи, когда я услышала, как он внизу отдавал распоряжения, при звуке его голоса сердце мое забилось! Почувствовав себя в его объятиях, я заплакала, впервые за этот день. Я увидела в нём как бы совсем нового человека»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Бенкендорф А. Х. Восстание 14 декабря 1825 года / Публ. А. Литвина // Звезда. 2007. № 4; Электронная публикация: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=740>

<sup>2</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 89.

Через несколько дней императрица снова отмечает в дневнике: «Когда я обняла Николая 14 декабря, я чувствовала, что он вернулся ко мне совсем другим человеком. Когда он ушёл на другое утро, я так восхищалась им, он представлялся мне таким возвышенным; и всё же я плачу о том, что он уже не прежний Николай»<sup>1</sup>.

«Эта ужасная катастрофа придала его лицу совсем другое выражение», — отметила в своём дневнике вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, мать Николая Павловича.

Неизвестный очевидец оставил в воспоминаниях картину Петербурга сразу после восстания: «Необычайное в Санкт-Петербурге зрелище: у всех выходов дворца стоят пикеты, у всякого пикета ходят два часовых, ружья в пирамидах, солдаты греются вокруг горящих костров, ночь, огни, дым, говор проходящих, оклики часовых, пушки, обращённые жерлами во все выходящие от дворца улицы, кордонные цепи, патрули, ряды копий казацких, отражение огней в обнажённых мечах кавалергардов и треск горящих дров, — всё это было наяву в столице»<sup>2</sup>. В восьмом часу вечера в Зимнем дворце, за пикетами, кордонами и изготовленными к бою орудиями, наконец-то состоялся торжественный молебен...

...Наутро зеваки собирались смотреть на испещрённые пулями стены Сената (их уже заштукатуривали), на выбитые рамы частных домов по Галерной улице, на дворников, засыпающих снегом кровавые пятна — следы жертв вчерашнего выступления...

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 90.

<sup>2</sup> 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 406.

## Глава седьмая

1826 год

Для Николая вся ночь на 15 декабря 1825 года прошла «в привозах, тягостных свиданиях и допросах». Он едва прилёг на полчаса на софе, прямо в мундире, но и тогда не смог уснуть: «Комнаты мои похожи были на Главную квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова и от Бенкендорфа одно за другим ко мне приходили. Везде собирали разбежавшихся солдат Гренадёрского полка и часть Московских. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц»<sup>1</sup>.

Первым привели Щепина-Ростовского — в полной форме, в белых панталонах, со стянутыми верёвкой руками. Он был без эполет: их сорвали возмущённые офицеры Московского полка за то, что он увлёк солдат «в заблуждение». За Щепиным привели штабс-капитана Сутгофа, тот указал на Рылеева; его было велено доставить «живым или мёртвым». Рылеев указал на «диктатора» князя Трубецкого, выдав заодно и существование Южного общества декабристов. Трубецкого нашли в «дипломатическом укрытии», в доме австрийского посла, который согласился выдать мятежника только после нажима министра иностранных дел Карла Нессельроде.

— Хочу вам дать возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного, — обратился к Трубецкому Николай, уже имевший на руках написанный диктатором-дезертиром манифест. — Тем вы дадите мне возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

---

<sup>1</sup> Там же. С. 45.

Ответ был:

— Я невиновен, я ничего не знаю.

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение... улики на вас — положительные, ужасные, и у меня в руках...

— Повторяю, я невиновен, я ничего не знаю...

— Ежели так, то смотрите же, что это? — И Николай развернул лист, исписанный рукой Трубецкого.

И Трубецкой, по крайней мере, по утверждению Николая и Толя, упал к царским ногам «как громом поражённый».

— Ступайте вон, с вами кончено!

Николай отправил Трубецкого на допрос к генералу Толю. В ближайшие дни признаниями Трубецкого было выдано следствию в полтора раза больше бунтовщиков, чем в самом «урожайном» на имена доносе Майбороды. Благодаря самим арестованным шла цепная реакция арестов.

Начала работу Следственная комиссия, и её членам пришлось выслушать (и передать Николаю) страшные откровения. Николай делился впечатлениями с семьёй. «Наше дело подвигается, — писал он Константину, — и чем дальше оно идёт вперёд, тем больше ужасов открывается нашим глазам. Нужно самому всё видеть и слышать из собственных уст этих чудовищ, чтобы поверить всем этим ужасам»<sup>1</sup>.

Императрица Мария Фёдоровна записывала в дневнике поразившие её показания, зафиксированные Следственным комитетом:

*«16 марта. Вторник.»*

Князь Голицын, Михаил, Бенкендорф, Николай рассказывали мне вчера, что на допросе Вадковский сообщил, что если бы тот, кто принял его в это

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 184.

общество, потребовал от него, чтобы он убил отца, мать, брата и сестру, то он бы выполнил это; его принял Пестель. Это заставляет содрогаться!

*17 марта. Среда.*

...Николай рассказывал нам, что Каховский, который содержится в крепости, сознался, что 13-го вечером Рылеев побуждал его отправиться на другой день во дворец в форме гренадёрского конвойного офицера, чтобы убить в коридоре Николая, и что для этого он должен был переодеться и надеть гренадёрский мундир; он отказался и сказал им, что хотя они начали ранее его, но он хочет умереть с ними, и он действительно явился на площадь. Какой ужас! это заставляет содрогаться, тем более что, замышляя убийство, они говорили о нём со спокойствием и хладнокровием, на которые способны лишь развратные натуры!»<sup>1</sup>

Подобные записи — не выдумка и не преувеличение. Протоколы следствия сохранили материалы именно такого содержания. 23 февраля 1826 года Комитет уточнял у прапорщика Вадковского, действительно ли он говорил графу Булгари, что состоит «в числе тех, которые должны были истребить всю царствующую фамилию и первый удар нанести государю во дворце на бале». Вадковский, при всех оговорках, соглашался с тем, что «нередко говорил, что благу общества готов был жертвовать и самым своим семейством», и, «желая возродить в Булгари покорность к законам Общества... сказал ему, что готов был для блага Союза поднять руку на мать, на ближних, на самого Государя»<sup>2</sup>. Задолго до «народника» Сергея Геннадьевича Нечаева декабрист Вад-

<sup>1</sup> Из дневников Марии Фёдоровны // Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 100.

<sup>2</sup> Восстание декабристов. Документы. Т. XI. М., 1954. С. 215.

ковский заявлял о том, что «надобно быть готову ко всему, отречься от друзей, от связей, от родителей даже, не отказаться пожертвовать и святейшими чувствами для цели общества!»<sup>1</sup>

Поджио на очной ставке с Пестелем давал такие показания:

«В сентябре 1824 года Пестель, перешед к необходимости истребить всю Императорскую фамилию, сказал: “Давайте считать жертвы”, и с словом сим сжал руку свою так, чтобы делать ужасный счёт сей по пальцам. Поджио начал... называть всех священных особ по именам, а Пестель считал их пальцами. Дойдя до женского пола, Пестель, остановившись, сказал: “Знаешь ли, что это дело ужасное?”, но в ту же минуту рука его опять была перед Поджио, и число жертв составилось тринадцать! После сего Поджио замолчал, а Пестель продолжал: “Так этому и конца не будет? Ибо тогда должно будет покуиться и на особ императорской фамилии, находящихся за границею...”

Полковник Пестель сознался, что с подполковником Поджио, действительно, жертвы из Императорской фамилии считали...»<sup>2</sup>

Потрясённый складывающейся картиной заговора, Николай сначала порывался немедленно расправиться с главными виновниками. 4 января он писал брату Константину в Варшаву: «Я думаю покончить возможно скорее с теми из негодяев, которые не имеют никакого значения по признаниям, какие они могут сделать, но, будучи первыми поднявшими руку на своё начальство, не могут быть помилованы... Я думаю, что их нужно попросту судить, притом только за самый поступок, полко-

<sup>1</sup> Восстание декабристов. Документы. Т. XI. М., 1954. С. 214.

<sup>2</sup> Там же. Т. IV. С. 182, 184.

вым судом в 24 часа и казнить через людей того же полка»<sup>1</sup>.

Однако постепенно верх взяло желание «справедливости» — насколько это было возможно. Сначала это была «личная справедливость» неограниченного монарха. Юнкер-конногвардеец Александр Аркадьевич Суворов был освобождён по высочайшему повелению, несмотря на показания многих арестованных о его причастности к Северному тайному обществу. Николай лично вёл допрос, и, как рассказывали тогда в Петербурге, «при каждом ответе монарх оборачивался к своим придворным со словами: “Я говорил вам, господа, внук великого Суворова не мог быть мятежником”»<sup>2</sup>. Юнкер был отпущен, произведён в корнеты — и командирован на Кавказ под начальство Алексея Петровича Ермолова. Оттуда он вернулся в столицу через три года — с золотой шпагой, орденом, в чине поручика — и сделался флигель-адъютантом, особенно близким к императору.

Барону Андрею Розену, который «лично действовал в мятеже, остановив свой взвод, посланный для усмирения мятежников», Николай объявил: «Тебя, Розен, охотно спасу!» (Розен, офицер Финляндского полка, служил в бригаде Николая.) В реальности это выразилось в том, что Розен, осуждённый Верховным уголовным судом на десятилетнюю каторгу и на поселение «навечно», был отправлен в Читу, где каторги в настоящем смысле слова не было. Как вспоминал сам «каторжанин»: «Каждый день, кроме дней воскресных и праздничных, в назначенный час входил в острог караульный унтер-офицер с возгласом: “Господа! пожалуйте на

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 174.

<sup>2</sup> Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 85.

работу!» Обыкновенно выходили мы с песнями хоровыми, работали по силам, без принуждения: этим снисхождением были мы обязаны нашему коменданту...» В 1834 году Розен был выпущен на поселение, а в 1837 году получил возможность вернуться в Европейскую Россию через службу на Кавказе. Отслужив год рядовым, Розен вышел в отставку: «Я сел к письменному столу, и прошение моё на имя графа А. Х. Бенкендорфа, который всегда был лучшим мировым посредником, было готово в полчаса»; «на представление Бенкендорфа от 10 января воспоследовало всемилостивейшее увольнение меня вовсе от службы, с тем, чтобы я жил безвыходно на родине под надзором полиции». Позже декабрист участвовал в делах эпохи Великих реформ и умер в Лейпциге в 1884 году восьмидесяти пяти лет от роду.

Впрочем, Николай не только спасал осуждённых. Параллельно с собиранием признаний шла работа по оправданию несправедливо оговорённых. Ведь император объявил: «Мы арестуем не в поисках жертв, но чтобы дать оправдаться оклеветанным»<sup>1</sup>. Делопроизводитель Боровков то и дело фиксировал в журналах заседания заключения вроде таких:

«Допрос гвардейской фурштатской бригады 3-го батальона рядового Фёдора Федошука, взятого по подозрению, что он на Сенной площади подслушивал разговоры крестьян, и рапорт генерал-адъютанта Нейдгарта, что Федошук поведения отличного и по службе несёт звание старшего ротного ефрейтора. Положили: как Федошук не только не уличен в том, чтобы участвовал в возмущении, но даже и к делу сему нимало не прикосновен, то об освобожд-

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 191.

дении его из-под ареста испросить высочайшее соизволение».

«Военный министр объявил: Северского конноегерского полка майор Гофман прощён и высочайше повелено причислить его, Гофмана, к учебному кавалерийскому эскадрону..

...Полковника Глинку освободить и бумаги его, если в них ничего не найдётся подозрительного, ему возвратить. Положили: как в бумагах его ничего подозрительного не найдено, то о возвращении оных представить его императорскому величеству»<sup>1</sup>.

Отпуская Глинку, Николай Павлович сказал: «Не морщиться и не сердиться, господин Глинка! Ныне такие несчастные обстоятельства, что мы против воли принуждены иногда тревожить и честных людей... Скажите всем вашим друзьям, что обещания, которые я дал в манифесте, положили резкую черту между подозрениями и истиной, между желанием лучшего и бешеным стремлением к перевороту — что обещания эти написаны не только на бумаге, но и в сердце моём. Ступайте, вы чисты, совершенно чисты!»<sup>2</sup>

А по городу почти сразу начали бродить слухи о возможном новом восстании. Якобы готовился взрыв Казанского собора и в подземельях его обнаружены большие запасы пороха. Французский посол Лаферронэ, с которым Николай бывал довольно откровенен, сообщал, что «император ежедневно получает анонимные письма с угрозами его жизни, если инициаторы заговора 26 декабря будут приговорены к смерти. Полиция пока ещё не сумела раскрыть авторов этих преступных сочинений, одно из которых совсем недавно было ему переда-

---

<sup>1</sup> Восстание декабристов. Документы. Т. XVI. М., 1896. С. 37, 41.

<sup>2</sup> *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. Л., 1955. С. 3—4.

но лично в тот момент, когда император сажился на лошадь. Его Величество не обнаруживает никакого страха и продолжает как ни в чём не бывало показываться на публике и совершать свои обычные прогулки. Здесь повторяют слова государя, делающие ему честь: “Они хотят сделать из меня тирана или труса, но они не преуспеют ни в том, ни в другом”».

То, что он не трус, Николай показал 14 декабря. То, что он не тиран, император намеревался показать организацией политического процесса. Его порыв немедленно покарать виновных уступил место стремлению провести максимально тщательное и объективное следствие, а затем устроить суд. Хотя император мог, как замечал тот же барон Розен, составить из членов Следственного комитета военный трибунал и «решить дело в 24 часа без помощи учёных законоведов. Просто вызвали бы военного аудитора, который указал бы на статью Устава, по которой кадровые военные, вышедшие с оружием в руках против государственной власти, должны бы были быть “аркебузирваны”, — и всё закончилось бы скорым расстрелом»<sup>1</sup>.

Вместо этого Николай провозгласил: «Закон изречёт кару». Император, как отмечал Бенкендорф, «желая дать этому делу полную законность и общественную гласность», повелел создать Верховный суд, в который вошли «сенаторы, министры, члены Государственного совета и наиболее отличившиеся военные и гражданские лица, которые в это время находились в столице». Эти 72 человека — вся правительственная верхушка по состоянию на 1826 год, за исключением, во избежание предвзятости,

---

<sup>1</sup> *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 152.

тех, кто вёл следствие! Разработкой важнейших документов судопроизводства занимался очищенный от подозрений Сперанский, один из наиболее заметных либеральных деятелей эпохи, блестящий знаток законодательства.

По мнению Бенкендорфа, «никогда ещё суд не был столь представительным и независимым». Каждому обвиняемому, одному за другим, был задан вопрос, «не хотят ли они что-либо добавить в свою защиту, желают ли подать какую-либо жалобу на проведение следствия или не имеют ли возражений против того или иного члена комиссии». В ответ, как пишет Бенкендорф, «обвиняемые заявили, что использовали все способы оправдаться, и что им осталось только поблагодарить за предоставленную им свободу действий с целью защиты».

Законы того времени были суровы. «Военный кодекс, так же как и гражданские законы, предусматривал наказание смертной казнью», — уверял Бенкендорф. Он подчеркивал, что на этом фоне «желание судей, а также и Императора заключалось в том, чтобы наказывать мягко, ведь все заслуживали смерти». Здесь мемуарист видит очевидное преимущество самодержавной власти, способной подняться над холодным бездушием буквы закона. «Император внимательно изучил приговор Верховного трибунала и изменил строгость законов: только пятеро были приговорены к повешению, другие — к пожизненной каторге, менее виновные — к различным срокам каторжных работ, некоторые ссылались в Сибирь в качестве колонистов; самое слабое наказание было в виде нескольких лет или месяцев заключения в крепости». Кроме того, Александра Осиповна Смирнова-Россет вспомина-

ла, что Михаил Павлович выступал «совсем против смертной казни», и император был этому «только рад»<sup>1</sup>.

### *Легенда вторая. Платок*

*Фильм «Звезда пленительного счастья», советская беллетристика, очерки Сергея Волконского, дневниковая запись Пушкина — всё это создало неприятную для императора Николая легенду о его легкомысленном поведении в день казни декабристов, 13 июля. Вот как выглядит она в пушкинском дневнике 1834 года:*

*«13 июля 1826 года, в полдень, государь находился в Царск<ом> Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку, и платок и побежал во дворец — собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр<ейлина> подняла платок в память исторического дня»<sup>2</sup>.*

*Получается, Николай запросто забавлялся с собакой в тяжелейший день смертной казни. Однако комментаторы пушкинского дневника давно отметили, что поэт позаимствовал эту историю у Смирновой-Россет, а она, что совершенно ясно видно по её воспоминаниям, рассказывала совсем о другом дне.*

*«В тот день, — вспоминала Смирнова-Россет, — когда произнесён был суд над обвинёнными (выделено*

---

<sup>1</sup> Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 158.

<sup>2</sup> Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 321.

нами. — Д. О.), приехал князь Лопухин и прочёл государю весь лист осуждённых. Государь в тот день купал в канавке своего терьера <Гусара> и бросал ему платок. Камердинер пришёл ему сказать, что приехал князь Лопухин. Он сказал, что направится в свой кабинет, а за ним Гусар. Я взяла платок и сдуру отдала его камердинеру»<sup>1</sup>.

Таким образом, сцена эта произошла раньше, в день оглашения приговора декабристам, а не в день его приведения в исполнение. Поэтическое воображение подсказало Пушкину хоть и не имевшую места, зато очень выразительную сцену, которая пришлась по душе романистам и кинематографистам.

Как же на самом деле вёл себя Николай накануне и в день казни? Представление о том подавленном состоянии, в котором находилась тогда царская семья, даёт дневник императрицы Александры Фёдоровны. В воскресенье 12 июля, ночью, она записывает: «Сегодня канун ужасных казней. <...> Я бы хотела, чтобы эти ужасные два дня уже прошли... Это так тяжело. И я должна переживать подобные минуты... О, если б кто-нибудь знал, как колебался Николай! Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен». На следующий день императрица продолжает: «Что это была за ночь! Мне всё время мерещились мертвецы. Я просыпалась от каждого шороха. В 7 часов Николая разбудили. Двумя письмами Кутузов и Дибич доносили, что всё прошло без каких-либо беспорядков; виновные вели себя трусливо и недостойно, солдаты же соблюдали тишину и порядок. Мой бедный Николай так много

<sup>1</sup> Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 348.

перестрадал за эти дни!.. Я благодарю Бога за то, что этот день прошёл»<sup>1</sup>.

Императрица Мария Фёдоровна передавала Николаю в частном письме своё представление о поведении царственной особы в день исполнения приговора: «Этот день должен быть проведён в полном уединении; это священный долг. ...Выйти в этот день — было бы оскорблением общественной скорби. Ради Бога, помогите мне избежать этой ошибки, которая уязвила бы всех, кто способен на чувство, на деликатность, и которая сделала бы меня очень, очень несчастной... вы поймёте, какое это имеет большое значение»<sup>2</sup>. Вдовствующая императрица была тогда в Москве, но хотела, чтобы её рассуждения дошли до сына.

Сам Николай писал матушке 12 июля: «Трудно передать то, что во мне происходит; у меня прямо какая-то лихорадка, которую я не могу в точности определить. К этому состоянию примешивается чувство какого-то крайнего ужаса и в то же время благодарности Богу за то, что он помог нам довести этот отвратительный процесс до конца. У меня положительно голова идёт кругом. <...> Одно лишь сознание ужаснейшего долга заставляет меня переносить подобную пытку»<sup>3</sup>. Очевидцы передавали, что весь день казни Николай был бледен и мрачен, и, едва получил известие о казни, отправился в церковь помолиться, а затем заперся в своём кабинете и до ночи почти ни с кем не разговаривал<sup>4</sup>.

«Во всякой другой стране, — писал член Вер-

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 92—93.

<sup>2</sup> Там же. С. 226.

<sup>3</sup> Там же. С. 208.

<sup>4</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 459.

ховного суда Михаил Семёнович Воронцов, — более пяти были бы казнены смертью... Нельзя было меньше сделать и, конечно же, пять их оных, какие жизнью заплатили за ужасные свои намерения и опасность, которой подвергали всю империю, более всего заслужили»<sup>1</sup>. Воронцов хорошо знал самую «свободную» страну того времени, Великобританию. Там в среднем вешали по 80 человек в год (в том числе женщин), причём в течение четверти века только за посягательство на верховную власть был казнён 21 человек. В 1803 году, например, полковник Эдвард Деспард и шестеро его сообщников были приговорены к повешению и четвертованию: только за умысел совершить покушение на его величество Георга III<sup>2</sup>. А 1 мая 1820 года в тюрьме Ньюгейт за подготовку нападения на членов британского правительства (через месяц после смерти короля Георга!) были повешены, а затем обезглавлены Артур Тистельвуд и с ним ещё четверо «революционеров». Казнь была публичной: «Помощник палача подошёл к краю эшафота, держа над собой голову за волосы... Громкий голос произнёс: “Вот голова Артура Тистельвуда, изменника!” Толпа пришла в возбуждение, из неё раздались крики, свист и гул неодобрения. Та же церемония была проделана у другого края эшафота»<sup>3</sup>.

Можно сделать сравнение и с самой демократической страной того времени, рабовладельческой республикой Соединённые Штаты Америки (чьи

---

<sup>1</sup> Удовик В. А. Воронцов. М., 2004. С. 186.

<sup>2</sup> The Trial of Edward Marcus Despard, Esquire for High Treason. L., 1803. P. 268.

<sup>3</sup> Wilkinson G. T. An authentic history of the Cato-Street Conspiracy: with the trials at large of the conspirators, for high treason and murder. L., 1820. P. 385.

политические образцы изучали и отчасти копировали декабристы). Там в 1822 году выкупившийся на волю раб из Южной Каролины по имени Денмарк Визи (*Denmark Vesey*) был настолько вдохновлён идеей библейского Исхода, что спланировал восстание рабов, которое могло бы стать крупнейшим за всю историю Соединённых Штатов. Это «воздаяние» белым за грехи рабовладения должно было начаться с захвата крупного города-порта Чарльстон, его арсенала и воинских складов. Затем тысячи рабов с побережья Южной Каролины должны были перебить белое население штата, сжечь его столицу и отплыть на захваченных судах на Гаити. Ничего из запланированного реализовано не было, ибо за месяц до назначенной даты заговорщики были выданы одним из вовлечённых в заговор рабов. Судили их не за выступление и даже не за попытку выступления — за намерения. Обвинения были предъявлены 131 человеку, 65 было осуждено (двое умерли в заключении). Повешено было — причем публично — 35 человек, в том числе главный организатор, Денмарк Визи. Тела казнённых были рассечены и выставлены на всеобщее обозрение — дабы устрашить тех, кто считал заговорщиков героями<sup>1</sup>.

В России же из 35 человек, приговорённых судом к смертной казни, 30 остались живы. А казнь проводилась рано утром, с четырёх до шести утра, подальше от глаз публики. Председатель Государственного совета, князь Пётр Васильевич Лопухин, был извещён: «Его Величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как на казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое

---

<sup>1</sup> *Lois E. Horton. Slavery and the Making of America. New York: Oxford University Press, 2005. P. 93, 190—191.*

отсечение головы, и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряжённую».

Сразу после казни Высочайшим манифестом от 13 июля, над которым немало потрудился Сперанский, была фактически объявлена официальная политическая доктрина:

«В государстве, где любовь к монархам и преданность к престолу основаны на природных свойствах народа, где есть отечественные законы и твёрдость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных: они могут таиться во мраке, но при первом появлении, отверженные общим негодованием, они сокрушатся силой закона. В сём положении государственного состава каждый может быть уверен в непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящего, и, спокойный в настоящем, может презирать (то есть смотреть. — *Д. О.*) с надеждой в будущее. Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сём порядке постепенного усовершенствования, всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к Нам путем законным, для всех отверстым, всегда будут приняты Нами с благоволением: ибо Мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть Отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидением ему предопределённой».

Константину же Николай писал о своих личных выводах: «По-видимому, Господу угодно было допустить события зайти как раз настолько далеко, чтобы дать созреть всему этому сплетению ужасов и нелепостей и чтобы тем с большей очевидностью пока-

зять вечно неверящим, что порядок вещей, который господствует и который так трудно искоренить, должен был рано или поздно привести к подобному результату. Если и после этого примера найдутся ещё неисправимые, у нас, по крайней мере, будет право и преимущество доказывать остальным необходимость быстрых и строгих мер против всякой разрушительной попытки, враждебной порядку, установленному и освящённому веками славы»<sup>1</sup>.

По всей империи по повелению Николая отслужили панихиду «за упокой душ тех, которые в этот день погибли, спасая престол и государство, а также и молебен, чтобы возблагодарить провидение за то, что оно уберегло нашу империю от опасности, столь же грозной, как и опасность 12 года»<sup>2</sup>.

Благодарственный молебен стал традицией.

Из дневника М. А. Корфа: «14 декабря 1839 года... Государь неизменно празднует годовщину этого дня. В Аничковском дворце или в Малой церкви Зимнего дворца собираются все лица, принимавшие прямое или косвенное участие в сём достопамятном событии, совершается благодарственное молебствие, и после обыкновенного многолетия возглашаются Вечная память “Рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу) и всем в день сей за веру, Царя и Отечество убиенным”, а потом многолетие “храброму российскому воинству”. После того все присутствующие допускаются к руке Императрицы и целуются с Государем, как в светлый праздник, а в заключение Государь объезжает казармы всех полков, двинувшихся тогда против мятежников на Сенатскую площадь. Так бывает всякий год, и так было и нынче»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Междуцарствие. М.; Л., 1926. С. 195.

<sup>2</sup> Там же. С. 201—202.

<sup>3</sup> Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 496.

13. — Декабря 23. Высочайше утвер-  
жденные формы титуловъ ЕГО ИМПЕ-  
РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ грамо-  
тахъ, указахъ, приговорахъ, паспортахъ,  
докладахъ и прошеніяхъ.

*1. Титуль ЕГО ИМПЕРАТОРСКА-  
ГО ВЕЛИЧЕСТВА.*

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, НИ-  
КОЛАЙ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ  
Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимір-  
скій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Ас-  
траханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій,  
Царь Херсонеса-Таврическаго, Государь Псков-  
скій, и Великій Князь Смоленскій, Литовскій,  
Волинскій, Подольскій и Финляндскій, Князь  
Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Се-  
мигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Ко-  
рельскій, Тверскій, Югорскій, Перискій, Вят-  
скій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Вели-  
кій Князь Новгорода Низовскія земли, Чер-  
ниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій,  
Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдор-  
скій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и  
всѣя Сѣверныя страны Повелитель и Государь  
Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабар-  
динскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Кня-  
зей и иныхъ Наслѣдникъ Государь и Облада-  
тель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлез-  
вигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсен-  
скій и Ольденбургскій и проч. и пр. и пр.

## Глава восьмая

С. Е. И. В. К.

Однажды августовским утром, около десяти часов, Николай Павлович нагрнулся в Сенат. Не застав ни одного человека в Уголовном департаменте, император прошествовал во Второй департамент (занимавшийся апелляциями) — и... тоже не нашёл на месте ни одного чиновника. Лишь в Третьем департаменте монарха встретил сенатор Павел Гаврилович Дивов. Николай шепнул ему на ухо: «Да это кабак...» и повторил во всеуслышание: «Кабак!» Вместе прошли они по пустующим залам высшего органа суда и надзора, и Николай покинул здание, попросив Дивова передать сотоварищам-сенаторам, что государь «был у них с визитом, но никого не застал...»<sup>1</sup>.

Буквально через день министр юстиции князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский имел удовольствие читать рескрипт императора, принуждающий сенаторов «без отговорок» собираться в часы, указанные ещё Генеральным регламентом Петра Великого. «О тех же, кои сего не исполняют, узнав причину, доносить при ежедневных табелях». Сенаторы были в ужасе: петровский регламент требовал начинать в восьмом, а то и в шестом часу утра и продолжать работу долгих пять часов! Статс-секретарь Николай Назарьевич Муравьёв взялся заступиться за чиновников: признав, что посещение Сената «сделало полезную электризацию параличному», он заметил, что «по силе рода нынешней общей жизни мало найдётся людей довольно сильных, чтобы быть в состоянии

---

<sup>1</sup> Дивов П. Г. Петербург в 1827 году (Из дневника П. Г. Дивова) // Русская старина. 1898. Т. 93. № 1. С. 107.

долго переносить регламентом учреждённый порядок присутствия», поскольку «никто из государственных людей, без крайней нужды, не выезжает из дома ранее 9 или 10 часов утра». Благо Муравьёву удалось откопать постановление императора Александра 1805 года, разрешавшее членам Адмиралтейств-коллегии съезжаться «в присутствие» между десятью и одиннадцатью часами утра. Николай не стал противиться обычаю, введённому старшим братом.

Между десятью и одиннадцатью! На три часа позже самого императора, чей рабочий день во второй половине 1820-х годов описал в своих «Записках» видный военный историк Александр Иванович Михайловский-Данилевский: «Государь вёл образ жизни самый трудолюбивый. В 8 часов утра он принимал министров военного или иностранных дел, что продолжалось полтора часа. С половины десятого он занимался бумагами, а в 12 принимал военного губернатора с комендантом, бывал потом на разводе, а после посещал какое-либо заведение, не предупреждая никого, что в оное будет, отчего во всех сих заведениях, где ежедневно ожидали государя, царствует отличнейший порядок. В три часа император обедал; раза два в неделю бывают званые обеды особ на двенадцать. После стола император некоторое время проводит с семейством своим, а потом он ходит в кабинет, где работает до ночи. Трудолюбие его так велико, что каждый получает непременно в тот же самый день решение на свой доклад, в который он его представляет»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1829. [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Michajlovskij\\_Danilevskij/text1.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Michajlovskij_Danilevskij/text1.htm)



Соединительным мостом между трудолюбивым императором и громоздкой бюрократической машиной должно было стать новое учреждение, название которого было унаследовано от предыдущего царствования: Собственная Его Императорского Величества канцелярия, или, как сокращённо писалось в документах, С. Е. И. В. К. Однако при Александре I канцелярия эта была собственно канцелярией, хотя и возглавлялась «гением зла» той эпохи — Алексеем Андреевичем Аракчеевым. Занималась она всевозможными бумажными делами и выполняла в основном технические функции. Николая привлекло выгодное положение этого органа: близ царя, но вне бюрократической министерской системы. Канцелярия начала расширяться. Её прежняя часть стала называться Первым отделением и сохранила свои вспомогательные функции,

обеспечивавшие «движение» императорских бумаг. В её ведении были переписка, делопроизводство по наградам и повышениям, сбор и представление императору докладов, отчётов и рапортов министров и губернаторов и многое другое.

Куда важнее стало вновь образованное Второе отделение. Ему была поручена самая наболевшая государственная проблема: приведение в порядок разбросанных и противоречащих друг другу законодательных актов империи. Для Николая, видевшего в «инженерно» устроенном государстве подобие армейского механизма, крайне важным представлялось введение общегосударственного устава.

Через семь лет, 19 января 1833 года, он вспомнил: «При самом моём восшествии на Престол я счёл долгом обратить внимание на разные предметы управления... Первым занявшим меня делом было, естественно, правосудие... Это побудило меня с первых дней моего правления рассмотреть состояние, в котором находилась комиссия, учреждённая для составления законов. К сожалению, представленные сведения удостоверили меня, что её труды оставались совершенно бесплодными... Вместо сочинения новых законов я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют, а самое дело, по его важности, взял в непосредственное моё руководство, закрыв прежнюю комиссию»<sup>1</sup>.

Своё неперменное желание «положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов» Николай ещё до официаль-

---

<sup>1</sup> Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Часть пятая. Сперанский при императоре Николае I-м. Корректурa с исправлениями Корфа и А. Ф. Бычкова // РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 495. С. 4 (300).

ного восшествия на престол высказывал будущему руководителю Второго «законотворческого» отделения Михаилу Андреевичу Балугьянскому (до этого — первому ректору Петербургского университета, а ещё прежде, в 1813—1817 годах, преподавателю права у великих князей Николая и Михаила Павловичей)<sup>1</sup>. Балугьянский был прежде всего лицом, облечённым личным доверием монарха. Фактическим же руководителем кодификационных работ стал М. М. Сперанский. Николай характеризовал Сперанского так: «Он наделён необычайной памятью и всегда готов отвечать положительным образом на все обстоятельства времени; он пострадал невинно, я это слышал от Императора Александра Павловича, который говорил, что ОН в долгу перед этою жертвою политических столкновений, которые тогда преодолеть не мог, но которые он себя обязанным вознаградить считает. Покойный Государь начал, а я должен это довершить»<sup>2</sup>.

Действительно, при Александре Сперанский испытал и фантастический взлёт, и головокружительное падение, и царский гнев, и царскую любовь. Из безвестных семинаристов поднялся до государственного секретаря, чуть было не ввёл на Руси двухпалатный парламент, был объявлен шпионом Наполеона, сослан, поднялся до генерал-губернатора Сибири, был Александром прощён и возвращён, а потом ещё и подозревался как участник заговора декабристов.

Много позже, в день кончины Сперанского, огорчённый до слёз император скажет Корфу: «Ми-

---

<sup>1</sup> Баранов П. Балугьянский М. А. СПб., 1882. С. 126.

<sup>2</sup> *Заблочкий-Десятовский А. П.* Граф Киселёв и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 2. СПб., 1882. С. 209.

хайла Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва я и сам в этом более всех, может статься, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; клевета осмелилась коснуться его даже и по случаю истории 14-го декабря! Но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашёл в нём самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромною опытностью, с неустававшею никогда деятельностью»<sup>1</sup>.

Сперанский разработал план подготовки законодательства как системы: сначала сводилось единое «Полное собрание законов Российской империи» — начиная с Соборного уложения аж 1649 года и заканчивая декабрём 1825 года (это собрание будет готово в 1832 году). На втором этапе собирался Свод действующих законов (он увидел свет в 1835 году).

Любопытно заметить, что существовавшая почти всё александровское царствование «Комиссия составления законов» — распущенная Николаем за безделье — состояла из сорока четырёх чиновников и стоила государству ощутимой суммы в 95 тысяч рублей в год. Второе отделение, проделавшее гигантскую работу и достигшее заметных результатов за куда более короткий срок, состояло из двадцати человек и расходовало в год вдвое меньшую сумму: 37 800 рублей (и ещё десять тысяч на приобретение книг).

Летом 1826 года было создано самое, пожалуй, известное отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — Третье. За ничего не говорящей вывеской обосновалась высшая тайная полиция, подчинённая лично императору и только ему. Вооружённой опорой, придающей

<sup>1</sup> Корф М. А. Жизнь графа Сперанского // РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 495. С. 11—12 (307—308).

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ  
ЗАКОНОВЪ  
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.**

---

**СОБРАНИЕ ВТОРОЕ.**

**ТОМЪ I.**

**Съ 12 Декабря 1825 по 1827.**

---

**Отъ № 1 до 799.**

---

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.**

**Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной  
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеларіи.**

**1830.**

этой полиции весомый авторитет, стал пятитысячный корпус жандармов. Во главе того и другого встал личный друг императора генерал Александр Христофорович Бенкендорф, герой Наполеоновских войн, заслуживший на полях сражений два ордена Святого Георгия<sup>1</sup>. В начале 1820-х годов он вел тайной полицией Гвардейского корпуса, в деле декабристов был следователем (и выступал против смертной казни 14 июля).

Бенкендорф давно мечтал составить некую «корпорту добромыслящих», готовых объединиться, чтобы сообща противостоять злу и несправедливости. А император Николай, как вспоминал сам Бенкендорф, «убедился из внезапно открытого заговора, обагрившего кровью первые минуты царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие».

Согласно довольно правдоподобной легенде, главная цель Третьего отделения была облечена Николаем в символическую форму. Когда Бенкендорф, узнав о своём новом назначении, попросил у государя конкретных инструкций, тот протянул ему белый носовой платок: «Вот твоя инструкция; чем больше утрёшь им слёз несчастных, тем лучше исполнишь своё назначение». Платок, по легенде, хранился потом под стеклянным колпаком в здании Третьего отделения. Либеральные потомки комментировали романтический порыв императора с иронией, мол, «именно этот платок ещё больше оросился слезами, вызванными деятельностью нового учреждения». Саму сцену называли «образом сентиментальной непрактичности высшей полиции николаевского времени». Однако в самой вы-

---

<sup>1</sup> Подробнее о А. Х. Бенкендорфе см.: *Олейников Д. И. Бенкендорф. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).*

шей полиции к завету Николая всегда относились всерьёз: в 1913 году командир корпуса жандармов Владимир Фёдорович Джунковский напоминал подчинённым о традиции: «Священный завет милосердия, призванный осушать слёзы несчастных, да останется священным девизом каждого из нас».

Идея новой структуры опиралась на возможность быстро и напрямую, без путешествия по бесконечным инстанциям государственного аппарата, доводить до сведения императора важнейшую информацию о потаённой жизни общества, его нуждах и проблемах, помогать ему «покровительствовать притеснённым». Один из мемуаристов назвал такой орган «орудием искусственной гласности, за неимением гласности естественной». Информация для принятия необходимых решений добывалась тайно и передавалась только императору и его администрации. Остальные для собственного блага и спокойствия могли жить в неведении, не окунаясь в пикантные и шокирующие подробности.

«Потаённая» информация вовсе не ограничивалась крамольно-политическими делами. Большую часть забот шестнадцати, позже тридцати двух чиновников Третьего отделения составляли проблемы, далёкие от борьбы с революционным духом. В круг их ответственности входили контроль над деятельностью религиозных сект, борьба с контрабандой, фальшивомонетчиками, наблюдение за перемещением по стране иностранцев (фактически — контрразведка), сбор сведений заграничной агентурой (политическая разведка), а также:

содействие к получению удовлетворений по документам, не облечённым в законную форму;

освобождение от взысканий по безденежным заёмным письмам и тому подобным актам;

пересмотр в высших судебных местах дел, решённых в нижних инстанциях, и остановление исполнения судебных постановлений, отмена распоряжений правительственных мест и лиц;

восстановление права апелляции на решение судебных мест;

домогательство о разборе тяжёлых дел вне порядка и правил, установленных законами;

помещение детей на казённый счёт в учебные заведения;

причисление незаконных детей к законным, вследствие вступления их родителей в брак между собой;

назначение денежных пособий, пенсий, аренд и наград;

рассрочка и сложение казённых взысканий;

возвращения прав состояния, облегчение участи состоящих под наказанием, освобождение содержащихся под стражей;

рассмотрение жалоб, в том числе на злоупотребления по взносам казённых пошлин, по порубке и поджогу казённых лесов, по питейным откупам, по подрядам и поставкам, на личные оскорбления и нарушение супружеских обязанностей, злоупотребления опекунов и злоупотребления по делам завещаний и наследства и т. п.<sup>1</sup>

Жандармы, кроме того, охраняли общественный порядок на ярмарках и празднествах, занимались поимкой воров, беглых и контрабандистов, разгоне незаконных сборищ и тайных питейных заведений... Характерно поэтому, что первым делом, порученным Николаем Третьему отделению, была

---

<sup>1</sup> Обзор деятельности III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии за 50 лет (1826—1876) // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 99—100.

никакая не политика, а рассмотрение письма надворного советника Константинова «со сведениями о злоупотреблении в контрольной части по делам подрядчиков с казной» от 11—14 июня 1826 года<sup>1</sup>.

Была у Третьего отделения ещё одна важная функция: ежегодно российский император стал получать обзоры общественного мнения, которое, как говорилось в начале первого же обзора, «есть для власти то же, что топографическая карта для начальствующего во время войны». Настроение двора и высшего общества (класса «довольных» и класса «недовольных»), среднего класса (составляющего, согласно отчётам, «душу Империи») — то есть помещиков, купечества, литераторов, а также чиновников, армии, духовенства и крепостных, особый раздел об «окраинах» — всё сводилось в единый обзор и в начале года ложилось на рабочий стол императора. На всех отчётах — пометки о том, что царь их внимательно читал.

Реорганизовывая С. Е. И. В. К., Николай первым делом убрал с поста её управляющего графа Аракчеева, любимца старшего брата. «Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпевшее от поразившего нас общего несчастья, и столь мне и Отечеству нужное... — гласил политкорректный императорский рескрипт, — нашёл я удобным перевести Собственную Мою канцелярию в непосредственное моё заведывание; канцелярию же Комитета министров вручить управлению директора оной...»

Уже в апреле 1826 года современники замечали: «Граф Аракчеев теперь, кажется, ничего не значит...»<sup>2</sup> И действительно, недавний временщик вскоре был отправлен в отпуск «для лечения», чтобы уже больше никогда не быть призванным к службе.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. За. Ед. хр. 2.

<sup>2</sup> Цит. по: *Томсинов В. А.* Аракчеев. М., 2003. С. 375.

За Аракчеевым последовали попечители учебных округов, ставшие символами мракобесия: 6 мая лишился должности проворовавшийся попечитель Казанского учебного округа Михаил Леонтьевич Магницкий (отправлен в ссылку за свой счёт), 25 июня — Рунич, недавний гонитель либеральной профессуры в Петербурге и растратчик казённых денег. Через некоторое время придёт черёд военного министра Татищева, министра юстиции Лобанова-Ростовского, министра народного просвещения Шишкова. Молодой император избавлялся от людей, ставших мрачными символами последних лет предыдущего царствования, и создавал свою «команду». В неё входили люди, испытанные днём 14 декабря. В «наследство» от Александра остались деятельный министр финансов Егор Францевич Канкрин и (поначалу — по личной просьбе Константина Павловича) ловкий министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде.

Самым ценным приобретением Николая мог бы стать идеолог русского консерватизма Николай Михайлович Карамзин. Однако он стал ещё одной жертвой 14 декабря. «Мирный историограф» — как Карамзин сам себя называл — метался по Сенатской площади в распахнутой шубе, в придворных башмаках и тонких чулках. Он пытался увещевать толпу — толпа швыряла в него поленьями, буквально заставив «жаждать пушечного грома». День на морозе — и как результат сильная простуда, от которой так и не удалось излечиться. Молодой император назначил своему недавнему наставнику значительное содержание и даже выделил специальный корабль, чтобы доставить больного на лечение в Италию. Но корабль не дождался своего пассажира. «Граф истории» скончался 22 мая 1826

года, успев одобрить начинания своего коронованного слушателя. Особенный восторг вызвало у него создание Второго отделения С. Е. И. В. К.: «Вот это совершенно согласно с моими убеждениями! Я всегда думал: как можно составлять законы, не зная всех тех, какие у нас есть и были. Надобно прежде знать своё; надобно собрать всё без исключения и потом уже отделить всё то, что действительно имеет в настоящее время обязательную силу...»

Признанием авторитета мыслителя стало призывание к деятельности, по его рекомендации, молодых единомышленников, знакомых Карамзину ещё по литературному обществу «Арзамас»: Дмитрия Николаевича Блудова, Дмитрия Васильевича Дашкова<sup>1</sup>, чуть позже — Сергея Семёновича Уварова.

Дмитрий Николаевич Блудов, племянник Гаврилы Романовича Державина, некогда молодой литератор, потом дипломат, занимался в конце александровского царствования собранием и изданием документов по истории русской дипломатии. Карамзин порекомендовал императору привлечь его к делам высшей администрации, и «арзамасец» за несколько лет поднялся от статс-секретаря до постов управляющего Министерством юстиции, затем министра внутренних дел, управляющего Вторым отделением С. Е. И. В. К. Утверждая Блудова в последней должности, Николай как бы давал понять, что видит в нём продолжателя дел Сперанского. Этим он создал преемственность, протягивающуюся от «дней Александровых прекрасного начала» к эпохе Великих реформ, освобождению крестьянства, созданию бессословного суда. При Александре II Блудов — уже граф — займёт место председа-

<sup>1</sup> Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 169.

ля Государственного совета и Комитета министров. Декабристы (Е. П. Оболенский, С. Г. Волконский) будут «читать его память, как мудрого и благодетельного исполнителя царской воли, коего имя неразрывно соединено с положениями 19 февраля <1861 года>»<sup>1</sup>.

Возможно, похожая судьба ждала бы и Дмитрия Васильевича Дашкова, не унеси его в 1839 году тяжёлая болезнь. В 1826 году он числился в неторопливой Комиссии по составлению законов и также получил возможность продемонстрировать Николаю свои способности в качестве статс-секретаря. «Человек с высоким образованием, литературным и учёным, со светским и обширным умом, в котором было много иронии жизни, с прямодушием, обратившимся у нас в пословицу, с увлекательным даром слова, делавшим из него, несмотря на заикание, настоящего оратора, наконец, с прекрасным пером, уступавшим разве что только перу Сперанского, Дашков соединял в себе все качества, чтобы быть полезным»<sup>2</sup>, — вспоминал М. А. Корф. Уже через полгода император назначил Дашкова товарищем министра внутренних дел, через три года — управляющим Министерством юстиции, ещё через три — министром. Дашков был сторонником гласного судопроизводства, надеялся ввести при судах адвокатуру. В его биографию прочно вошёл эпизод, подчеркивающий его самостоятельность и в определённой степени гражданскую смелость: однажды министр Дашков имел мужество попросить неограниченного монарха отозвать обратно своё Высочайшее повеление, которое прислано бы-

---

<sup>1</sup> Письмо Е. П. Оболенского Е. П. Ковалевскому // *Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время*. СПб., 1866. С. 177.

<sup>2</sup> *Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг.* М., 2010. С. 479.

ло министру для обнародования, но противоречило существующим законам.

Сергей Семёнович Уваров, хотя и президент Академии наук, как пишет современный исследователь, «к концу александровского царствования... фактически не имел никакого значимого занятия в сфере государственного управления»<sup>1</sup>. Николай сделал его сенатором, наградил за заслуги орденом Святой Анны 1-й степени. Это Уваров вместе с Дашковым добились пересмотра «чугунного» цензурного устава Александра Шишкова, разработанного в предыдущее царствование, но принятого по инерции в 1826 году<sup>2</sup>. Правда, вскоре Уваров, как он сам писал в воспоминаниях, «отдалился от двора и, находясь вне Петербурга, посвятил 5 или 6 первых лет николаевского царствования изучению нашей, столь мало познанной страны... 5 или 6 лет, которые я провёл таким образом, снабдили меня, смею сказать, точными и глубокими сведениями о моей стране, которые иначе я никогда бы не смог приобрести». В результате, по его признанию, «именно это изучение неожиданно вернуло меня к личным и прямым отношениям с императором Николаем»<sup>3</sup>. Уваров представил Николаю свои аналитические «Этюды о России», указывающие на «необходимость масштабной ревизии существующего в России порядка, реформирования культурной, политической и экономической жизни

---

<sup>1</sup> *Велижев М. Б.* С. С. Уваров в начале николаевского царствования: заметки к теме // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 337. [http://www.ruthenia.ru/Push\\_Chten5/Velizhev.pdf](http://www.ruthenia.ru/Push_Chten5/Velizhev.pdf)

<sup>2</sup> *Шевченко М. М.* Конец одного величия. М., 2003. С. 67.

<sup>3</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 17 об.—18. Цит. по: *Шевченко М. М.* Конец одного величия. М., 2003. С. 339.

страны», внутреннее устройство которой «отличает анархия в административных формах и крайне неудачный выбор местных чиновников»<sup>1</sup>. Критическое прямодушие Уварова, сопоставимое с карамзинским, выказанным Николаю осенью 1825 года, подействовало на императора, и он через Бенкендорфа прямо спросил бывшего «арзамасца»: не желает ли тот принять Министерство народного просвещения? «Вы единственное возможное орудие, которому я могу доверить эту попытку, — говорил Николай. — Это вопрос совести. Посоветуйтесь со своею и рассчитывайте на меня»<sup>2</sup>.

Круг доверенных лиц составил важнейший комитет начала николаевского царствования — так называемый «Комитет 6 декабря». Его делом было разработать программу «ремонта» и «оздоровления» России. Блудов и Дашков стали «правителями дел» этого Комитета, а возглавил его один из «молодых друзей» Александра I — 58-летний граф Виктор Павлович Кочубей, живое напоминание о реформаторских порывах начала прошлого царствования. Как замечал один современник, «он имел опытность, быстрый и верный взгляд на вещи, отделяющий существо их от разносторонностей, способность открывать в самом многосложном деле простые первоначальные его стихии, дарование сравнивать, сводить, соглашать разномыслие»<sup>3</sup>.

Николай в собственноручной записке поручил Комитету:

---

<sup>1</sup> *Велижев М. Б. С. С. Уваров в начале николаевского царствования: заметки к теме // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 5. Тарту, 2011. С. 348.*

<sup>2</sup> *Шевченко М. М. Конец одного величия. М., 2003. С. 67—68.*

<sup>3</sup> *Знаменитые россияне XVIII—XIX веков. Биографии и портреты. СПб., 1996. С. 455.*

«1) пересмотреть бумаги, найденные в кабинете императора Александра;

2) пересмотреть нынешнее государственное управление;

3) изложить мнение:

а) *что предполагалось,*

б) *что есть,*

в) *что оставалось бы ещё кончить;*

4) изложить мнение, *что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить;*

5) материалами к сему употребить:

а) *то, что найдено в Кабинете,*

б) *то, что г. Балашову поручено было<sup>1</sup>,*

в) *то, что сами господа Члены предложат...»*

Император приказал Кочубею: «Еженедельно уведомлять меня при наших свиданиях об успехах дела, которое я почитаю *из важнейших моих занятий и обязанностей*»<sup>2</sup>.

Сперанский, сделавшийся, по характеристике работавшего с ним Корфа, «главною пружиною Комитета», предложил идеологию деятельности, вполне соответствующую идеям давней «Записки» Карамзина: «Не уновлениями, но непрерывностию видов, постоянством правил, постепенным исполнением одного и того же плана устроятся государства... Следовательно, продолжать начатое, довершать неоконченное, раскрывать преднамеренное, исправлять то, что временем, обстоятельствами, попущениями исполнителей, или их зло-

---

<sup>1</sup> Генерал-губернатору Александру Дмитриевичу Балашову, до 1819 года — министру полиции, было предложено изложить свои предложения по преобразованию губернского правления.

<sup>2</sup> Собственноручная записка Императора Николая Павловича о занятиях Комитета // Сборник ИРИО. Т. 74. СПб., 1891. С. XVI.

употреблением, совратилось со своего пути — в сём состоит всё дело, вся мудрость самодержавного законодателя»<sup>1</sup>.

«Комитет 6 декабря» начал работу, С. Е. И. В. К. начала работу, новые люди принялись за дело... «Все ждут если и не полного преобразования, то хоть исправления в порядке управления, — обозревал общественное мнение лета 1826 года Максим Яковлевич Фок, один из руководителей тайной полиции империи. — Теперь или никогда самое время приступить к реформам... не действуя, впрочем, слишком решительно. Этого ожидают с величайшим нетерпением, и все в один голос кричат об этом».

Однако сам Николай целиком и немедленно отдаться делу полезных преобразований не смог: в ближайшие пять лет на Россию продолжали обрушиваться напасти одна за другой: войны, бунты, эпидемии...

### *Глава девятая*

## **«ВОЙНОЙ, НАДЕЖДАМИ, ТРУДАМИ...»**

Двадцать первого февраля 1826 года Генерального штаба поручик Носков, переименованный на время в штатские титулярные советники, повёз в подарок персидскому шаху необыкновенной красоты «хрустальную кровать с фонтанами»<sup>2</sup>. Эта диковинка работы мастеров петербургского стеклянного завода была дорогим, но отнюдь не единственным знаком внимания и уважения нового русского императора к

---

<sup>1</sup> Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 333.

<sup>2</sup> Посольство поручика Носкова в Персию с хрустальной кроватью // Исторический вестник. 1887. № 11. С. 426.

своему южному соседу. Подарки должны были подкрепить дружелюбный официальный визит князя Александра Сергеевича Меншикова, направленного к персидскому двору с грамотами, полными пышных изысканных выражений. В них император Николай уверял своего «счастливого брата», его величество Фетх-али-Шаха («коего имя да сияет всегда подобно солнцу и коего благоденствие да сохранится милостью Всевышнего»<sup>1</sup>), что готов продолжать отношения на условиях мирного Гюлистанского договора, заключенного его предшественником Александром Павловичем в 1813 году. Однако тот договор передавал России (а стало быть, отбирал от Персии) контроль над Дагестаном, Северным Азербайджаном и частью Грузии и этим разжигал у персидского правителя желание реванша. Русскому же императору было важно подчеркнуть свои мирные намерения.

Николай знал, что в Европе многие приписывают ему воинственные наклонности, ждут попыток нового императора ознаменовать царствование каким-нибудь военным подвигом. Он говорил французскому чрезвычайному послу графу Сен-При:

«Я знаю <...> что вследствие движения 14 декабря многие думают, что я хочу занять свою армию и тем отвлечь её от текущих событий. Но обо мне судят неправильно. Я люблю мир, сознаю его цену и необходимость, столько же для России <...> сколь и для Европы. <...> У меня внутри государства столько дел, что хватит на всё моё царствование. <...> Даю Вам честное слово, что я никогда не захочу, не пожелаю и не вознамерюсь прибавить хотя бы единый вершок земли к пространству России и без того уже обширному»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею (далее — АКАК). Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 334.

<sup>2</sup> См.: *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 137, 138.

Впрочем, к миру с Персией заставляли стремиться и насущные практические проблемы. В письме от 11 января 1826 года Николай требовал от своего наместника на Кавказе генерала Ермолова удерживать заключённый с Персией мир, пока она сама не нарушит условий существующего Гюлистанского договора: «Верность данному слову и существенные выгоды России того от меня требуют. Ныне, когда почти все горские народы в явном против нас возмущении, когда дела в Европе, а особенно дела с Турцией заслуживают по важности самого внимательнейшего наблюдения, неблагоприятно было бы помышлять о разрыве с Персией или умножать взаимные неудовольствия...»<sup>1</sup>

Однако ещё до Меншикова к шахскому двору прибыл английский офицер, покинувший Петербург на другой день после декабрьского восстания. Его известия были первыми и потому наложили отпечаток на всё, что шахский двор узнал потом от официальных представителей русского императора. Рассказ англичанина о междоусобицах между наследниками престола наводил на мысль о резком ослаблении центральной власти северного соседа. Через некоторое время в персидских мечетях уже говорили, что «в России существует всеобщий мятеж и несогласие между правительством и народом; что, следовательно, сам Бог попускает к наказанию противников Магомета, и что вся Персия готова к этому»<sup>2</sup>. Мечта вернуть территории, потерянные в предыдущую войну, отодвинуть границы с Аракса обратно к Тереку, казалось, могла быть воплоще-

---

<sup>1</sup> *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. Персидская война 1826—1828 годов. Ставрополь, 1993. С. 20.

<sup>2</sup> *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 607.

на в реальность. Ведь мусульманское международное право основывалось на принципах, отличных от европейских. В Европе считали, что «договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servanda*). А на мусульманском Востоке были уверены, что «любой международный договор, заключённый с неверным государством, может быть нарушен владельцем мусульманского государства, если это нарушение приносит пользу этому государству», поскольку «клятва в отношении неверного не имеет обязательной силы для мусульманина»<sup>1</sup>.

Ни Меншиков, ни хрустальная кровать ещё не доехали до шаха, когда с рассветом 16 июля 1826 года конница эриванского хана напала на русские пограничные пикеты и началась последняя персидско-русская война. Через два дня Ермолов в Тифлисе уже знал, что персы идут по территории Армении, выжигают деревни, угоняют пленных, обезглавливают убитых и раненых. Впервые за историю русских войн на Кавказе был окружён и истреблён целый русский батальон почти в тысячу штыков; захваченных в плен раздели донага и в таком виде пригнали в ставку наследного принца Аббас-Мирзы<sup>2</sup>. По ночам от биваков шестидесятитысячной персидской армии в небе полыхало огромное зарево.

Для Николая известия с Кавказа стали неприятным «подарком» в самый канун коронации. Ермолов писал, что «защитить столь обширные границы, не рассеивая войск и не подвергая их опасности,

---

<sup>1</sup> Сарсембаев М. А. Международное право в истории Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1991. С. 31—32; Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899. С. 114.

<sup>2</sup> Потто В. А. Кавказская война. Т. 3. Ставрополь, 1993. С. 62—63.

особенно при недостатке их, решительно невозможно», что он вынужден «ожидать урон или на время оставить которую-нибудь из провинций»<sup>1</sup>.

«Неужели я так несчастлив, — восклицал император, — что едва я только коронуюсь, и даже персияне уже взяли несколько наших провинций! Неужели в России нет людей, которые бы могли сохранить её достоинство? Около меня сорок генералов, и покажи мне хоть одного... на кого я мог бы вполне положиться»<sup>2</sup>.

Николай стремился как можно скорее «наказать персиян в собственной их земле за наглое нарушение мира», а кавказский наместник сообщал о необходимости отступать, оставляя пограничные территории, просил могучих подкреплений: пехоту, казаков. Император негодовал и писал Ермолову: «...усматривая из последнего донесения вашего намерение ограничиться оборонительными действиями до прибытия... подкреплений, я на сие согласиться не могу и повелеваю вам действовать по собранию возможно большего числа войск непременно наступательно, сообразно обстоятельствам и по усмотрению вашему, против разделённых сил неприятельских. Уверен, что вы истребите их по частям и заставите их почитать славу Российского войска и святость границ наших»<sup>3</sup>. Неудовлетворённый письменными внушениями, Николай отправил на Кавказ своего самого доверенного генерала — отца-командира Ивана Фёдоровича Паскевича: «Этого я уважаю, как только сын может уважать отца»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 356.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 26.

<sup>3</sup> АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 362.

<sup>4</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 24.

В результате на Кавказе сложилось двоевластие: формально старший Ермолов оказался в сильной зависимости от как бы инспектирующего его Паскевича. Посланник Николая совершенно не принимал «ермоловский дух» кавказской армии, сообщая в Петербург обо всех замеченных — реальных и мнимых — недостатках в устройстве и управлении. Однако дела стали постепенно выправляться.

Уже через месяц Николай поздравлял «отца-командира» с первой значительной победой под Елизаветполем — первой в его царствование! «Принимаю оную, — писал он на Кавказ в дружеском письме, — как знак видимой благодати Божией на нас. Мне душевно приятно, любезный мой Иван Фёдорович, старый мой командир, что предсказание моё при прощании сбылось, не менее того я уверен, что если бы не ваше старание и умение, таких последствий не было бы»<sup>1</sup>. Победа эта была предопределена предыдущей деятельностью Ермолова, — но для Николая военные успехи оказались связаны со столь почитаемым «отцом-командиром».

Зима прервала активные боевые действия, но нешуточные баталии разгорелись вокруг Ермолова и ермоловской системы управления и командования. Противников «проконсула Кавказа» в окружении императора оказалось заметно больше, чем сторонников. Одним из наиболее последовательных был начальник Главного штаба Иван Иванович Дибич. И именно Дибича, к тому же «уполномочивая его на все меры», послал Николай на Кавказ, чтобы «разобраться» в сути интриги и получить «самые подробные и вернейшие сведения о положении дел». Дибич исправно доносил, что Паскевич и Ер-

<sup>1</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 27.

молов жалуются друг на друга и вместе служить не хотят и не могут. В конце концов именно под влиянием Дибича и его союзников (например, служившего на Кавказе генерала Константина Бенкендорфа, младшего брата начальника Третьего отделения С. Е. И. В. К.) император принял решение.

«Я не вижу другой возможности, — написал император Дибичу 12 марта 1827 года, — как уполномочить Вас уволить Ермолова. Заменить его я назначаю Паскевича, ибо не вижу из Ваших рапортов, чтобы он нарушил долг самой строгой дисциплины. Отозвание в подобном случае обесчестит Паскевича, что противно моей совести»<sup>1</sup>. Через две с небольшим недели письмо Николая достигло Тифлиса — и 28 марта Ермолов был официально отставлен с поста главноуправляющего Кавказским краем. Следом за Ермоловым были смещены со своих постов «ермоловцы» — на Кавказе, как и в Петербурге, произошла смена команды. Затем Паскевич с ермоловскими войсками и ермоловскими приготовлениями к новой кампании осуществил ермоловский план — и пожал лавры победителя в персидской войне.

И всё царство Митридата  
До подошвы Арарата  
Взял наш северный Аякс.  
Русской гранью стал Аракс...

*(В. А. Жуковский «Бородинская годовщина», 1839)*

В ночь с 9 на 10 февраля 1828 года (персы настояли на полуночи, поскольку её рекомендовал придворный астролог) в местечке Туркманчай, что близ

---

<sup>1</sup> Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 741.

Тебриза, был подписан мирный договор с Персией. Курьером в Петербург был направлен один из наиболее деятельных подчинённых Паскевича — Александр Сергеевич Грибоедов.

Пятнадцатого марта Пётр Андреевич Вяземский писал жене из Петербурга: «Вчера гром пушек возвестил нам приезд Грибоедова, вестника мира с Персией, вследствие коего приобретаем мы несколько десятков миллионов рублей и область Армянскую до Аракса. Приезд его был давно обещаем и очень ожидаем, так что государь собирался даже послать к нему навстречу, чтобы проведать, что случилось с курьером: мир был подписан 10-го февраля, следовательно, ехал он нескоро... Здесь говорят о значительном награждении героям персидским. Паскевичу миллион рублей, Обрескову, дипломатическому представителю, триста тысяч, генералам по сту тысяч. После этого я согласился бы Паскевичем быть».

Продолжение — в письме от 19 марта: «Паскевич — граф Ериванский, и дано ему миллион рублей. Обрескову — аннинская лента, невесте его — 390 тысяч рублей, которые принесли ей третьего дня в узле. Архарова, старушка, думала, что 30 тысяч, и тут ей от радости сделалось дурно; узнав истину, она помножила и обморок свой на десять. Грибоедову — чин статского советника, Анну с бриллиантами на шею и четыре тысячи червонцев. Всеи армии, действующей или действовавшей против персиян, денежные награждения. В публике Паскевич затмил славу Суворова, Наполеона! О Ермолове, разумеется, говорят не иначе как с жалостью, а самые смелые с каким-то удивлением»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> *Вяземский П. А.* Письма из Петербурга, 1828 // *А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников.* М., 1980. С. 89.

Самым пышным стал для нового героя титул «Паскевич-Эриванский» — ведь под его командованием русские войска освободили Эривань/Ереван, после чего Эриванское княжество отошло к России. (Ревнивый Ермолов, говоря о Паскевиче, называл его вместо Эриванского «Эрихонским».)

Через 150 лет радость по поводу побед императора Николая разделит... ЦК Компартии Армении, объявивший в своём официальном постановлении «О праздновании 150-летия вхождения Армении в состав России» о том, что «войдя в состав России, армянский народ обрёл в лице великого русского народа искреннего и верного друга, включился в исторический процесс, приведший к его социальному и национальному возрождению»<sup>1</sup>. Редкий случай признания заслуг Николая I (пусть даже без упоминания его имени) в советские времена!

«Я предпочитаю... постановление независимых ханств присоединению Азербайджана к России, — писал Николай Паскевичу, — которое, вызвав нас на весьма значительные жертвования через продолжение войны, подаст неминуемо и справедливую причину думать, что стремимся водворить со временем исключительно наше владычество в Азии, и тем самым охладим дружественные наши связи с первенствующими державами Европы»<sup>2</sup>. Однако не успел граф Паскевич-Эриванский вернуться из Тебриза в Тифлис, как разразилась новая война.

Ещё в правление Александра I она набухла над южными границами России, как грозовая свинцовая туча. Восставшая Греция, уже воспетая и Пушкиным, и Байроном, седьмой год один на один сражалась с Оттоманской империей за свою неза-

---

<sup>1</sup> Коммунист. 1978. 31 марта.

<sup>2</sup> АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 574.

висимость. В связи с этим Николай унаследовал от старшего брата неприятную нерешённую проблему. С одной стороны, как один из гарантов спокойствия в Европе, российский император должен был поддерживать законного монарха — то есть турецкого султана — в его борьбе с непокорными подданными. С другой стороны, как покровитель и защитник всех православных народов мира, русский царь должен был отстаивать интересы греков, сербов и болгар, находящихся под властью мусульманского правителя.

Александр колебался между двумя этими принципами. Николай, объявивший, что «брат завещал мне крайне важные дела и самое важное из них — восточное дело»<sup>1</sup>, попробовал решить дело разумным компромиссом. Как и в персидском вопросе, он стремился прежде всего к умиротворению. Первым же его дипломатическим актом стало заключение договора с Англией о мерах по примирению турок и греков. Позже к договору присоединилась и Франция — три великие державы поднялись выше своего традиционного соперничества для того, чтобы остановить кровавое усмирение греческого восстания. Летом 1826 года Россией и Турцией была заключена Аккерманская конвенция, подтверждавшая правомерность прежних мирных договоров.

Тем не менее пока европейцы вели дипломатические игры, турецкие войска взяли главный оплот греческих повстанцев — город Миссолунги, вырезали там всё мужское население, включая мальчиков старше двенадцати лет, а женщин и детей продали в рабство. Вскоре пушечные ядра турок обрушились на Акрополь, и древние Афины пали. Россия, Англия и

---

<sup>1</sup> *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 137.

Франция решились на крайние меры. Когда турецкий султан собрал большой флот с целью высадить в Греции новую сильную армию и начать массовое истребление христианского населения, соединённому русско-англо-французскому флоту было приказано этому воспрепятствовать. 8 октября 1827 года в бухте Наварин соединённый флот союзников оставил турок без средиземноморского флота.

В письме старшему брату Константину 12 ноября 1827 года Николай Павлович писал, что «в этом деле мы не являемся ни греками, ни турками, но настойчиво продолжаем прилагать все наши усилия, чтобы заставить прекратить эту позорную борьбу с той и с другой стороны; мы желаем лишь порядка и спокойствия». Впрочем, он добавлял: «...очень возможно... что следствием этого явится война»<sup>1</sup>.

Главным виновником наваринской катастрофы турецкий султан вскоре официально объявил Россию. В его воззвании («беян-наме») от 8 декабря 1827 года говорилось, что «наипаче двор Российский есть непримиримый враг народа мусульманского и Оттоманской империи»<sup>2</sup>. Аккерманская конвенция была объявлена недействительной, до конца сыгравшей свою роль «мирной передышки»<sup>3</sup>. Все мусульмане призывались к священной войне — джихаду. Русских подданных стали изгонять из турецких владений, Босфор был закрыт для российских торговых судов, в Персию полетели предложения отказаться от мира с Николаем и продолжить войну. В январе известия о разрыве отношений

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 107.

<sup>2</sup> Там же. С. 387.

<sup>3</sup> Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века. М., 1978. С. 87.

достигли Петербурга. Николай решил уже весной начать военные действия. Константин Павлович из своей резиденции наместника в Варшаве недовольно ворчал: «...иметь нам войну нет никакой <...> пользы. Начать оную весьма легко; как же будет конец, одному только Богу известно».

Четырнадцатого апреля 1828 года была обнародована официальная Декларация о войне. Но в ней Николай сразу же объявил о своём стремлении к миру. Русский император заранее сообщал условия будущего соглашения, среди которых было и «умиротворение Греции». Умеренность российских требований подчеркивала отсутствие завоевательных амбиций. В Декларации Николай противопоставлял свою позицию позиции султанского «беянаме»: «Россия, вопреки разглашениям Порты, не имеет ненависти к сей державе, не умышляет её разрушения... Россия не имеет и видов честолюбия; довольно предметов для заботливой попечительности её правительства в обширных странах, ему подвластных»<sup>1</sup>.

Двадцать пятого апреля русская армия перешла турецкую границу. В тот же день 32-летний Николай наконец-то отправился к войскам — на «свою» войну. Скакал он быстро, без остановок, и уже 7 мая копыта царских коней стучали по мосту через пограничную реку Прут. К полуночи того же дня царь был в лагере войск, осаждавших крепость Браилов. На следующий день в честь прибытия императора были отпущены в крепость все взятые к тому времени турецкие пленные — и к тому же награждены деньгами...

Очевидец приезда императора увидел его та-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 387.

ким: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкою, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный, взгляд быстрый, голос звонкий, подходящий к тенору, но говорил несколько скороговоркой. Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но видна была какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и всё в нём выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена, и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью. В физическом отношении он был превосходнее всех мужчин из генералитета и офицеров, каких только я видел в армии, и могу сказать по истине, что в нашу просвещённую эпоху величайшая редкость видеть подобного человека в кругу аристократии»<sup>1</sup>.

Военный опыт для Николая начался с обычной для тех краёв лихорадки. Только поправившись, 13 мая, император отправился на осадные батареи. В тот день Николай впервые попал под неприятельский обстрел — его еле уговорили отойти в безопасное место.

Вместе с Николаем к войскам прибыла вся его ставка — настоящая «кочевая столица» России, вместе с зарубежными посланниками и наблюдателями. Армейские офицеры прозвали её «Золотой Ордой»: настолько необычным было сочетание блестящего шитья пёстрых мундиров и белого полотна необозримых палаточных лагерей. Одновременно лагерем стали две Главные квартиры — государя императора и командующего Петра Хрис-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 125—126.

тиановича Витгенштейна (генерал-фельдмаршала, героя войн с Наполеоном, в 1813 году занявшего место умершего Михаила Илларионовича Кутузова). Руководство боевыми действиями тоже раздвоилось: диспозиции войскам начинались словами: «По соизволению его императорского величества генерал-фельдмаршал приказал...» или: «Генерал-фельдмаршал с высочайшей его императорского величества воли приказать изволил»<sup>1</sup>...

Николай словно купался в вольной прифронтной жизни: то уезжал в тыл, встречать супругу и сопровождать её в Одессу, то принимал бежавших когда-то за Дунай запорожских казаков, то осматривал легендарный Измаил, то инспектировал флот. Его переезды на расстояния в несколько сотен вёрст шокировали его личную охрану и особенно неизменно сопровождавшего царя Бенкендорфа. Шефа жандармов и одновременно коменданта Главной императорской квартиры порой охватывал ужас при мысли, с какой незначительной свитой пробирается император «по пересечённому горами и речками краю, где предприимчивый неприятель, имевший на своей стороне ещё и ревностную помощь жителей, может напасть на нас и одолеть благодаря численному перевесу». В одну из поездок Николай повелел мчаться из Одессы к армии вообще без охраны. За царской коляской спешил лишь одинокий фельдъегерь, и только позже добавился незначительный конвой. Бенкендорф и много лет спустя вспоминал про тот переезд: «И теперь дрожь пробегает по мне...», тогда как Николай «незнакомый со страхом... спокойно спал... или вёл...

---

<sup>1</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 391.

живую беседу, как бы на переезде между Петербургом и Петергофом»<sup>1</sup>.

Между тем наступательный порыв армии затихал. Дневные переходы, с учётом неспешных сборов Главной императорской квартиры и ожидания царского соизволения выступать, составляли порой всего три версты в сутки. Витгенштейн, утомлённый ролью «посредника» между царём и войсками, всё чаще сказывался больным. В войсках свирепствовали эпидемии (потери от болезней превышали боевые почти в десять раз). От жары и бескормицы начался падёж лошадей и волов. Армия застряла в треугольнике мощных турецких крепостей Шумла, Силистрия, Варна. Один офицер писал домой: «Что мы под Шумлюю делаем?.. едим, пьём, спим, на карты глядим и в карты играем, один или другой в лихорадке трясётся, рассуждаем и, что самое новое занятие, — редуты строим»<sup>2</sup>.

В какой-то момент заговорили о неблагоприятном исходе кампании, даже вспомнили о неудачном Прутском походе Петра Великого. На одном из военных советов императору объявили об опасности пребывания при армии, на что Николай отреагировал решительно: «Если бы Провидение не предохраняло меня от подобного бедствия, если бы я имел несчастье попасть в руки моих врагов, то надеюсь, что в России вспомнят многозначительные слова Сенату моего прапрадеда: “Если случится сие последнее, то вы не должны почитать меня

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 394.

<sup>2</sup> Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 гг. Т.1. Лейпциг, 1862. Автор этих воспоминаний гордился тем, что первым подал А. С. Пушкину идею поехать на турецкую войну.

своим царём и государем и ничего не исполнять, что мною, хоть бы по собственному повелению, от вас было требуемо”».

Тем временем наступали осень и конец кампании, а речь не шла не только о победе, но и значительном успехе, оставляющем стратегическую инициативу за русскими. В письме Константину Павловичу император Николай признавался: «Всё, что касается этой кампании, представляется мне неясным, и я решительно не могу высказать что-либо определённое относительно нашего будущего... я надеюсь, что милостивый Господь поможет нам выпутаться из неё, как он помогал нам в несравненно более трудных обстоятельствах».

«Выпутаться» решили, сосредоточив усилия на овладении черноморской крепостью Варна. Туда пошёл гвардейский корпус, а с моря — Черноморский флот. Из Одессы был вызван генерал-губернатор Михаил Семёнович Воронцов, блестящий организатор и хороший полководец. Он возглавил осаду, подготовил и назначил штурм. Солдаты потом пели:

...Море Чёрное шумит,  
С кораблей огонь палит,  
Стены рушит, турок душит,  
В горах пламенем горит.  
Кто бежит без руки,  
Кто остался без ноги,  
Кто извихан, кто исколот,  
А кто плавает в крови.  
Турки вопят: «Алла!»  
Наши гаркнули: «Ура!»  
Воздух стонет, каждый молит:  
«Боже, жизнь мне сохрани!»

Крепость сдалась, и 1 октября император Николай в сопровождении свиты и иностранных дип-

ломатов приготовился въехать в покорённый город. Офицер-очевидец описывал торжественный момент: «“Музыканты вперёд! — звучным голосом скомандовал Государь. — К церемониальному маршу, пополузводно, сомкнутой колонной, равнение направо, скорым шагом!” И Государь повёл нас в покорённую Варну. Как теперь помню, играли марш из “*Dame Blanche*”, который раздавался в улицах крепости, заваленной трупами людей и животных; христиане бросались на колени перед Государем и кричали нам: “братья, братья”»<sup>1</sup>.

Вид пережившей жестокою осадой Варны заметно портил радостную картину победы. «Нас обдало, — вспоминал Бенкендорф, — таким невыносимым смрадом от бесчисленного множества падали всякого рода и человеческих тел, так дурно похороненных, что у них торчали ноги, а другие едва прикрыты были несколькими лопатами земли. Страшная неопрятность ещё более заражала воздух. Невозможно описать положение, в которое приведён был город бомбардированием. Везде встречались полуразрушенные мечети; дома, пронизанные ядрами или обрушившиеся от разрыва бомб; целые кварталы, обращённые в груды развалин, без всякого почти следа бывших тут прежде зданий». Благодарственный молебен был отслужен среди смерти и развалин, в чудом уцелевшей от обстрелов некогда греческой церкви, стоявшей под конвоем минарета и увенчанной полумесяцем, «очень маленькой, мрачной и построенной во дворе».

Взятие Варны стало мажорным финалом не очень успешной кампании. Война откладывалась до будущей весны. Армия уходила на зимние квартиры, «кочевая столица» возвращалась в Петербург.

<sup>1</sup> Ерошкин В. Мои воспоминания о Турецкой кампании 1826 г. // Русский архив. 1877. Кн. 3. № 12. С. 413.

Это возвращение стоило всех предыдущих военных опасностей. Царь, любивший скорую езду, торопился быть в Петербурге как можно скорее, а Бенкендорф, измученный переживаниями от одиноких переездов по суше, уговорил Николая отправиться из Варны в Одессу морем: попутный ветер обещал короткое морское путешествие. Новенький 84-пушечный линкор «Императрица Мария» и первый черноморский пароход «Метеор» пустились в путь днём 2 октября. Через день море пахнуло резким холодом, небо помрачнело и грянула буря. Шторм был такой, что срывал паруса и не давал никакой возможности ни чинить, ни даже убирать поломанный рангоут. Капитана корабля привязали к мачте — чтобы не смыло во время командования, императора и свиту свалила морская болезнь. Не к Одессе понесло корабль, а к турецким берегам, к Босфору. По легенде, Николая даже переодели простым матросом — в надежде на то, что если он попадёт к туркам, его не узнают. Тридцать шесть часов своевольная стихия мотала корабль по волнам, затем смилостивилась и позволила кораблю встать на одесском рейде. Был третий час ночи, но Николай и не думал перевести дух. Он велел немедленно отправляться в Петербург (только помолился в специально для него отворённом соборе) — в четыре утра они с Бенкендорфом уже катили в коляске прочь из города.

Сам Николай признавался позже, что его торопило какое-то смутное чувство тревоги, хотя и официальный предлог был вполне понятен: любящий сын торопился успеть в столицу к 14 октября, дню рождения матушки Марии Фёдоровны. Он успел — в тот день над Зимним дворцом поднялся жёлто-чёрный императорский штандарт, возвестивший

городу о том, что «государь император изволил возвратиться из турецкого похода в вожделенном здравии». Однако радостным возвращение не стало. Николай узнал, что матушка больна.

Вскоре выяснилось, что болезнь опасна, и доктора начали прибегать к крайним мерам. Эти меры не помогали, и Николаю пришлось выполнить тяжелейшую обязанность: просить Марию Фёдоровну исповедаться и причаститься, то есть фактически дать понять матушке, что она умирает.

«Она исповедовалась в полном сознании, горячо молясь. Какой назидательный и ужасный для всех нас момент! — писал Николай брату Константину в Варшаву. — Я молился один возле неё... я молился за всех нас... Когда это было сделано, она позвала нас к себе и, не имея возможности говорить, взяла нас за руки... Я велел привести всех детей, она крепко поцеловала мою маленькую Адини и двух маленьких, Михаила, и даже улыбнулась. Она не страдала, конечности холодели, и дыхание учащалось... в два с половиною часа... она тихо перестала дышать. Вот мы сиротами!»<sup>1</sup>

Мария Фёдоровна скончалась в ночь на 24 октября 1828 года. 13 ноября огромная похоронная процессия — последняя по старинному церемониалу ещё петровских времён — прошла через Марсово поле и Троицкий мост в Петропавловскую крепость (Николай в связи с этим пожелал, чтобы на его похоронах такой помпезности не было).

После Марии Фёдоровны остался целый ящик уникальных мемуарных бумаг — переплетённые тома дневников-воспоминаний, за годом год, с 1770-х до конца павловского царствования. Эти докумен-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 175—176.

ты Николай сжёг собственноручно — таково было завещание матушки. Никто её записки не прочитал...

В память о Марии Фёдоровне и её заботах последних лет жизни Николай объединил под одним началом все воспитательные и благотворительные учреждения, бывшие под её попечительством. С. Е. И. В. К. приросла новым Четвёртым отделением.

Настала весна 1829 года. У Николая хватило мужества отказаться от новой поездки на «войну» — он словно отдал дань давнему подростковому порыву и ощутил, что заботы императора шире руководства войсками на одном участке фронта (пусть даже самом важном). Честь и лавры победителя достались графу Дибичу, который заменил болезненного Витгенштейна на европейском театре военных действий.

Ещё в начале 1820-х годов (когда Россия готовилась оказать военную помощь восставшим грекам) Дибич разработал смелый и энергичный план. Теперь он получил шанс его реализовать. Вместо бесконечной осады дунайских и черноморских крепостей русская армия двинулась через Балканский хребет — впервые за всю историю войн с Турцией. Во второй половине июня Николай читал восторженный рапорт Дибича: «Государь! Господь благословил усилия храбрых и несравненных войск, которых Вашему Величеству угодно было доверить моему командованию. Балканы, считавшиеся непроходимыми в течение стольких веков, пройдены ими в три дня, и победоносные знамёна Вашего Величества развеваются на стенах Миземврии, Ахиолы и Бургаса, среди населения, которое встречает наших храбрецов, как освободителей и братьев...»

Ещё несколько переходов — и 8 августа при виде идущих на штурм русских колонн бежали защитники Адрианополя (нынешнего Эдирне), считавшегося второй столицей Османской империи и бывшего последним оплотом на пути к Константинополю. Передовые русские отряды доходили до Визы, «старой Византии» в 40 верстах от Константинополя. Английский наблюдатель заметил, что с турецкой стороны характер войны можно было описать возгласом «Спасайся, кто может!». В Петербурге вспылчивые патриоты мечтали, чтобы «пробили поход русские барабаны в Константинополе, и слава для России и Государя была бы вечна»<sup>1</sup>. В Москве «екатерининские старики» вспоминали былое и жалели, что турецкая столица не взята русским войском.

Николай же прекрасно понимал, что Константинополь был запретным плодом. Контроль над черноморскими проливами и, следовательно, Малой Азией, самой удобной дорогой с Запада на Восток, был таким лакомым куском для любой «великой державы», что попытка России его заполучить автоматически объединяла против неё всю Европу. Император буквально умолял Дибича не допускать занятия турецкой столицы. Министр Нессельроде разъяснял: «Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать... Его Императорское величество считает, что положение вещей, существующее в Османской империи, должно быть сохранено самым строгим образом»<sup>2</sup>.

Именно на основании такого взгляда Николая

---

<sup>1</sup> Россия под надзором: Отчёты III отделения. 1827—1869. М., 2006. С. 46.

<sup>2</sup> Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века. М., 1978. С. 94.

2 сентября 1829 года был подписан Адрианопольский трактат, сохранявший европейскую границу империй по реке Прут. Россия при этом получала новые территории на Кавказе (между Кубанью и Грузией), султан признавал русские приобретения в результате персидской войны. Проливы Босфор и Дарданеллы были открыты для беспрепятственного коммерческого судоходства. Турция выплачивала крупную контрибуцию. Важным успехом Николая стало признание автономии Греции, которая уже через год, в 1830-м, стала независимой. Классик марксизма Энгельс, а вслед за ним советская историческая наука признавали, что независимость Греции была обеспечена именно русской армией<sup>1</sup>.

Дибич стал генерал-фельдмаршалом и полным георгиевским кавалером.

А Николай... позволил себе заболеть. Лёгкие недуги император переносил на ногах, но тут, видимо, ослабел настолько, что, выйдя ночью на шум внезапно упавшей вазы, поскользнулся на паркете и упал, ударившись головой о шкаф. Долгое время он пролежал на холодном полу (дело было в конце октября), никем не замеченный<sup>2</sup>. Простуда вылилась в «лихорадку с жаром и воспалительными процессами», да такую, что врачи переполошились. К Николаю не пускали никого, кроме императрицы. Она, с заплаканными глазами, выходила к придворным сообщать новости о ходе болезни и спрашивала, «нет ли чего пересказать для развлечения». Царь страшно исхудал, «во всех чертах его отражались страдание и слабость». Только 18 ноября к нему начали пускать самых приближённых, но и тогда

---

<sup>1</sup> Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века. М., 1978. С. 95.

<sup>2</sup> Медицина и императорская власть в России. М., 2008. С. 42.

им было велено «всемерно стараться не проронить ни единого слова, которое дало бы работать его голове». 8 декабря Николай, ещё худой и бледный, впервые появился в театре, а 10-го сам писал Дибичу: «Милосердие Божье на этот раз сохранило меня жене и детям; чувствую только слабость в ногах, однако я могу сесть верхом и, следовательно, готов на службу»<sup>1</sup>.

К тому времени особый секретный комитет пришёл к мнению, выраженному министром Нессельроде так: «Сохранение Турции более выгодно, чем вредно действительным интересам России... никакой другой порядок вещей, который займёт её место, не возместит все выгоды иметь своим соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынужденное успешною войной подчиниться воле победителя»<sup>2</sup>.

В 1833 году именно в силу «революционных стремлений вассалов» Николай пришёл на помощь султану, когда египетский паша поднял против него восстание. Продвижение египетских войск к Стамбулу создало угрозу османской династии и вообще существованию империи. Ситуацию спасли русский флот, вошедший в Босфор, и русский экспедиционный корпус, буквально загородивший египтянам дорогу на Стамбул. В благодарность султан заключил с Россией Ункяр-Искелесийский договор 1833 года, считающийся наивысшим достижением русской дипломатии в «Восточном вопросе». Фактически Россия и Турция заключили оборони-

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 244—245.

<sup>2</sup> Виноградов В. Н. Двуглавый российский орёл на Балканах. 1683—1914. М., 2010. С. 243.

тельный союз на восемь лет: Россия обязывалась в случае необходимости прийти на помощь Турции «сухим и морским путем», а Турция должна была по требованию России закрывать проход в Чёрное море иностранным военным кораблям. Николай Павлович писал Николаю Назарьевичу Муравьеву: «Странно, что общее мнение приписывает мне желание овладеть Константинополем и Турецкой империей; я уже два раза мог бы сделать это, если б хотел... Мне выгодно держать Турцию в том слабом состоянии, в котором она ныне находится. Это и надобно поддерживать, и вот настоящие сношения, в коих я должен оставаться с султаном».

Впрочем, решённые вопросы автоматически порождали вереницу вопросов нерешённых. Одно только овладение территориями Северо-Восточного Кавказа создавало проблемы борьбы с работоторговлей и набегами горцев, контроля над феодальными и племенными правителями множества народностей, известных в России под общим именем «черкесы». Кроме того, независимость Греции, переход под российское подданство части Грузии и части Армении усиливали надежды остававшихся под властью турецкого султана православных народов (например, Болгарии и Сербии) на покровительство и заступничество русского царя, а это создавало чреватую конфликтами иллюзию «двойного подданства».

### *Глава десятая*

## **ЭПИДЕМИИ И МЯТЕЖИ**

«Мороз и солнце — день чудесный!» 1830 год начинался знаменитым стихотворением Пушкина, просиявшим со страниц литературного альмана-

ха «Царское Село». 1 января в Зимнем дворце был устроен особый «бал с мужиками» — тысячи петербургских жителей заполнили царскую резиденцию. Давка была страшная, полиция следила, чтобы во дворце находилось не более четырёх тысяч человек одновременно, а в залах лакеи, разливающие чай, сами размешивали сахар ложечками — чтобы никто не позарился на «сувенир»!<sup>1</sup>

Возвышенная картина единения с народом: императрица и фрейлины — в сарафанах, мужчины — в полной военной форме. Толпы расступаются перед Николаем и тут же смыкаются за ним. Повсюду гремит музыка, в дворцовой церкви служат молебны. На праздник сходятся до тридцати двух тысяч человек. Во дворце можно оставаться до полуночи, но намного раньше императорская чета удаляется в Эрмитаж, на ужин в окружении куда более скромной компании из пятисот персон...

Через три дня в Зимнем — костюмированный бал: его участники представляют богов и богинь Олимпа, причём богинь изображают мужчины, а богов — женщины. «Старый, исключительно уродливый и подслеповатый» граф Лаваль — в числе трёх граций, толстяк Станислав Потоцкий — «богиня Диана»... Ещё через несколько дней — бал у Нессельроде. Император, по замечанию современников, «великолепен», императрица и великая княгиня «выглядят дивно»: «молодые, красивые, весёлые, смеющиеся»<sup>2</sup>.

«Я не припомню зимы в Петербурге, которая была бы более наполнена балами, празднествами

---

<sup>1</sup> Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 173.

<sup>2</sup> Фикельмон Д. Дневник. 1829—1837. Весь пушкинский Петербург. М., 2009. С. 87—88.

и удовольствиями, — писал Бенкендорф генерал-фельдмаршалу Дибичу. — Мы наслаждаемся здесь истинною радостью, в целой Европе — внушительным положением, а внутри — спокойствием и доверием к правительству... Теперь мы свободны от каких-либо помех, сильнее более чем когда бы то ни было в мнении всех народов; ничто не мешает отдаваться с последовательностью улучшениям, новым реформам, в которых нуждается Россия. Это будет прекрасным плодом четырёх лет войны и напряжения, которыми началось царствование нашего повелителя»<sup>1</sup>.



<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 246, 247—248.

Бенкендорфу вторит в своём дневнике супруга австрийского посланника (и внука М. И. Кутузова) 25-летняя светская львица Долли Фикельмон: «В прежнее царствование нравы были строже, удовольствия, особенно в последние годы, были так редки, что на всей общественной жизни лежал отенок большей серьёзности, большей степенности. Сейчас всё постепенно становится более розовым, более радостным. Императрица — само счастье, веселье, призыв к всеобщему развлечению. Император, молодой, красивый, окружён дамами, которые ловят его взгляды, жаждут их. Восхищение, галантность, смех и танцы ныне стали девизом». Впрочем, следом благоразумная Долли записывает и предостережение: «Это только начало, посмотрим через два года, чем сие обернётся для общества»<sup>1</sup>.

Предостережение стало сбываться весной, когда появились неприятные вести о подступившей к южным границам холере. В апреле страшная и непонятная болезнь была принесена из-за тёплых морей в Молдавию и Бессарабию, чуть позже — на нижнюю Волгу.

Болезнь иного рода начала своё распространение на другой имперской окраине, в Царстве Польском. В мае 1830 года Николай прибыл сюда на открытие первого в его царствование сейма — польского парламента. Цесаревич Константин называл это конституционное учреждение «нелепой шуткой», да и сам император в частной беседе признался, что хотя и понимает, что такое монархическое и что такое республиканское правление, однако «не может взять в толк, что такое конституционное правление». Он видел в нём «непрерывное жонгли-

<sup>1</sup> Фикельмон Д. Дневник. 1829—1837. Весь пушкинский Петербург. М., 2009. С. 93—94.

рование, для осуществления которого нужен фокусник». Особенно поразила Николая просьба одного из польских министров о деньгах для покупки парламентских голосов: тот считал вполне нормальным сулить и давать деньги, должности, награды и обещания ради привлечения на свою сторону большинства<sup>1</sup>. Однако внешне все приличия соблюдались, и в своей речи 16 мая Николай объявил, что «с неподдельным удовольствием видит себя окружённым представителями народа» и что «поправки, которые они найдут нужным сделать к проектам законов, будут встречены благоприятно»<sup>2</sup>.

Одновременно за фасадом торжества конституционализма уже звучали ясные голоса оппозиции. Сопровождавший Николая Бенкендорф отмечал, что в Царстве Польском становятся всё недовольнее самовластием Константина, что надежды поляков на перемены к лучшему исчезли, что даже многие русские из окружения цесаревича приходили доверять главе Третьего отделения «свои жалобы и общий ропот». Да и сама палата депутатов не проявляла особенного желания к «конструктивному сотрудничеству». Николай чувствовал себя в Польше вдвойне неловко — и за себя, и за своего неуживчивого старшего брата. Константин управлял Польшей как хотел — то есть никак.

В итоге встреча конституционного монарха с народными избранниками закончилась, как замечает Бенкендорф, «миролюбиво, но довольно холодно». Холодность была обоюдной — поляки разуверились в том, что Николай обуздает Константина. Неудивительно, что надежды их всё больше обращались к собственному Тайному военному обществу.

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 529.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 262—263.

В июле, по окончании манёвров под Красным Селом, Николай повелел устроить особенно роскошные балы с приглашением дипломатического корпуса. «Никогда ещё императорские празднества не были так великолепны и оживлённы, — писал французский посол Бургоэн. — Потом уже, сближая числа, можно было видеть, что во время этих самых празднеств происходили в 800 милях оттуда кровавые июльские дни»<sup>1</sup>. В те дни Париж был покрыт баррикадами и над ними развевались трёхцветные знамёна, напоминавшие о временах Робеспьера и Дантона. Восставшие штурмовали Лувр, и командующий королевскими войсками маршал Мармон писал королю Карлу X: «Это уже не волнения. Это революция!»

Революция пробушевала «три славных дня», и в итоге Карл X отрёкся от престола. 28 июля (9 августа по европейскому календарю) 57-летний Филипп Орлеанский присягнул на верность конституционной хартии. Он стал королём Луи Филиппом — королём, выбранным и провозглашённым парламентом. То есть, с точки зрения Николая, «настоящим».

Проблему, вставшую перед европейскими правителями, объяснил в своём дневнике историк Погодин: «Что сделают дворы? Вот узел. Признать Орлеанского значит признать власть народа. Не признавать — так война, и кто ручается за успех?»<sup>2</sup>

Николаю поначалу показалось, что «Франция намеревается снова броситься в революционные

---

<sup>1</sup> Воспоминания барона Бургоэна, французского посланника при С-Петербуржском дворе с 1828-го по 1832 год // Отечественные записки. 1864. Т. 157. С. 22.

<sup>2</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. III. СПб., 1890. С. 100.

случайности», а значит, возвращается эпоха больших европейских потрясений, эпоха опустошительных, сродни Наполеоновским, войн. Так смотрел на вещи и Константин. Он писал из Варшавы в привычном пессимистическом тоне: «Мои мрачные предвидения оправдались, начинается новая эра, и мы отброшены на 41 год назад. Сколько трудов, сколько крови, сколько сил потрачено только для того, чтобы привести к торжеству принципы, которые составляют основу принципов наших врагов»<sup>1</sup>. Вдобавок вскоре Бельгия, воспользовавшись ситуацией во Франции, провозгласила свою независимость от Нидерландов. Николаю пришлось определяться с тем, какова должна быть его политика в Европе. Чтобы разобраться с собственными мыслями, он написал — исключительно для себя — записку-исповедь («*Ma confession*»), в которой приводил в порядок представления о внешнеполитической ситуации.

«Географическое положение России, — начинал «Исповедь» император, — до такой степени благоприятно, что в области её собственных интересов ставит её в почти независимое положение от происходящего в Европе; ей нечего опасаться; её границы удовлетворяют её; в этом отношении она может ничего не желать, и, следовательно, она ни в ком не должна возбудить опасений...» Политику Австрии и Пруссии Николай считал не соответствующей духу Священного союза 1815 года, призванного гарантировать мир в посленаполеоновской Европе. Эти страны слишком многое делали ради своей выгоды против общей (как её понимал Николай). Они, например, не договариваясь с Россией,

---

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. 132. СПб., 1911. С. 34.

признали нового французского короля, возведённого на трон революцией; признали независимость Бельгии от Нидерландов. «Господи Боже, неужели это союз, созданный нашим бессмертным монархом?!» — восклицал Николай.

Российский правитель сделал печальный для себя вывод: после революций 1830 года Россия занимает в Европе «положение новое, одинокое», «но почётное и достойное». Император решил так: «В минуту опасности нас всегда увидят готовыми лететь на помощь союзникам, которые снова вернулись бы к прежним воззрениям, но в противном случае Россия никогда не принесёт в жертву ни своих денег, ни драгоценной крови своих солдат». Священный союз, по мнению Николая, должен сохраняться не ради частных политических споров, а «для торжественного мгновения, которого никакая человеческая сила не может ни избежать, ни отдалить — мгновения, когда должна разразиться борьба между справедливостью и силами ада. Это мгновение близко, подготовимся к нему, мы — зная, вокруг которого в силу необходимости и для собственного спасения вторично сплотятся те, которые трепещут в настоящем времени»<sup>1</sup>.

Уходил в небытие прежний принцип Священного союза «вмешиваться, не спросясь». «Мы признали самый факт независимости Бельгии, — говорил Николай, — потому что его признал сам нидерландский король». Точно так же русский император признал французского короля после того, как это сделали в Лондоне, Берлине и Вене. «Это решение есть горькая пилюля, которую я обязан проглотить», — писал Николай Константину. При этом

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 291—294.

он сильно опасался, что революционная Франция вновь отправится завоевывать соседние территории — дабы исправить «несправедливость» Парижского мирного договора 1815 года (вернувшего Францию в донаполеоновские границы) за счёт Пруссии и Австрии. Николай, как прежде Александр, верил в то, что «силы зла», начав революцию в одной стране, не преминут «экспортировать» её в соседние страны и по всему миру.

Но совсем другая большая беда обрушилась на империю.

Двадцать восьмого августа министр внутренних дел Арсений Закревский доложил Николаю, что холера вторглась в Центральную Россию. Эта «индийская зараза» неотвратимо поднималась по Волге: от Астрахани к Царицыну, от Царицына — к Саратову. Города и веси пропахли хлоркой — самым доступным средством борьбы с болезнью. О холере тогда знали мало, не могли даже решить — заразна ли она, путали с чумой и бороться пытались по примеру чумных эпидемий: заставы, карантин, окуривания. Помогало это плохо, и Закревский был вынужден признаться царю: «Язва-холера пожрала уже множество народа, а быстрое распространение ея по разным направлениям угрожает дальнейшими бедствиями»<sup>1</sup>. Николай направил Закревского в Саратов — главнокомандующим по борьбе с нашествием холеры. Но Саратов быстро оказался «в тылах» наступающей эпидемии. К середине августа холера воцарилась в Казани, а потом прогнала знаменитую Нижегородскую ярмарку («Бедная ярманка! Она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!» — А. С. Пушкин).

---

<sup>1</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. III. СПб., 1890. С. 197.

В двадцатых числах сентября холера и смерть появились в Москве. Из города началось массовое бегство жителей: в первые недели, пока город не оцепили, каждый день за заставы выезжало по нескольку тысяч человек. Мужики, возвращавшиеся из Москвы, кричали встречным путникам: «Мор!»

На общем паническом фоне совершенно потрясающим оказалось обращение императора Николая, присланное московскому генерал-губернатору князю Дмитрию Владимировичу Голицыну: «Я приеду делить с вами опасности и труды». «Родительское сердце не утерпело, — напишет растроганный Михаил Погодин. — Европа удивлялась Екатерине Второй, которая привила себе оспу, в ободрительный пример для наших отцов. Что скажет она теперь, услышав о готовности Николая делить такие труды и опасности наравне со всеми своими подданными?»

Утром 29 сентября 1830 года Николай стоял в Успенском соборе Кремля и внимал слову Филарета, митрополита Московского: «Цари обыкновенно любят являться царями славы, чтобы окружить себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас, как царь подвигов... чтобы трудности препобеждать. Такое царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца твоего, и милосердно хранит тебя...»

«Нельзя описать восторга, — сообщает Погодин, — с которым встретил его народ, тех чувствований, которые изображались на всех лицах: радость, благодарность, доверенность, преданность...» Умный либеральный скептик, князь Пётр Андреевич Вяземский, тогда же записал в дневнике: «Тут есть

не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке. <...> Здесь нет никакого упоения, нет славолубия, нет обязанности. Выезд царя из города, объятаго заразою, был бы, напротив, естественен и не подлежал бы осуждению, — следовательно, приезд царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уже не близь царя близь смерти, а близь народа близь смерти!»<sup>1</sup>

Александр Сергеевич Пушкин, отделённый от Москвы полутысячей вёрст и четырнадцатью карантинами, отозвался на поступок Николая восклицанием «Каков государь! Молодец!», а потом и стихотворением «Герой»:

Клянусь: кто жизнью своей  
Играл пред сумрачным недугом,  
Чтоб ободрить угасший взор,  
Клянусь, тот будет небу другом,  
Каков бы ни был приговор...

Срочно вызванный из отпуска Бенкендорф оставил подробные воспоминания о пребывании Николая в Первопрестольной: «Холера... с каждым днём усиливалась, а с тем вместе увеличивалось и число её жертв. Лакей, находившийся при собственной комнате государя, умер в несколько часов; женщина, проживавшая во дворце, также умерла, несмотря на немедленно поданную ей помощь. Государь ежедневно посещал общественные учреждения, презирая опасность, потому что тогда никто не сомневался в прилипчивости холеры. Вдруг

---

<sup>1</sup> *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. Т. IX. М., 1884. С. 142.

за обедом во дворце, на который было приглашено несколько особ, он почувствовал себя нехорошо и принуждён был выйти из-за стола. Вслед за ним поспешил доктор, столько же испуганный, как и мы все, и хотя через несколько минут он вернулся к нам с приказанием от имени государя не останавливать обеда, однако никто в смертельной нашей тревоге уже больше не прикасался к кушанью. Вскоре затем показался в дверях сам государь, чтобы нас успокоить; однако его тошнило, трясла лихорадка, и открылись все первые симптомы болезни. К счастью, сильная испарина и данные вовремя лекарства скоро ему пособили, и не далее как на другой день всё наше беспокойство миновалось...»

Николай провёл в Москве восемь дней — все в постоянной деятельности: «Государь лично наблюдал, как по его приказаниям устраивались больницы в разных частях города, отдавал повеления о снабжении Москвы жизненными потребностями, о денежных вспомоществованиях неимущим, об учреждении приютов для детей, у которых болезнь похитила родителей; беспрестанно показывался на улицах; посещал холерные палаты в госпиталях и только, устроив и обеспечив всё, что могла человеческая предусмотрительность, 7 октября выехал из своей столицы»<sup>1</sup>. По дороге император и свита подали ещё и пример законопослушности, проведя 11 дней в Твери, в карантине. (Всего в карантинах на Московском тракте находилось до двенадцати тысяч душ<sup>2</sup>.)

Двадцатого октября Николай прибыл в Царское Село, 25-го — в Петербург. Император привёз с со-

---

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 348—349. В публикации ошибочно указано 7 сентября.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1645. Л. 51 об.

бой просьбу короля Нидерландов о помощи: ещё в Москве пришли неутешительные новости о победе революции в Бельгии и готовности французов использовать свои войска для поддержки нового государства в войне против Нидерландов. Николай говорил, что он «не против Бельгии, а против революции, которая всё приближается». Он заручился поддержкой Пруссии в деле борьбы за сохранение «старого порядка» в Европе и подготовил шестидесятитысячную армию для вторжения. Дипломатический циркуляр трёх держав Священного союза напоминал Франции о их праве поддерживать оружием порядок в Европе и уничтожать во всякой стране общего врага, то есть революцию<sup>1</sup>. Франция в ответ стала готовить свои вооружённые силы. Надвигалась угроза общеевропейской войны.

Всё переменяла начавшаяся 17 ноября 1830 года революция в Польше. Восстание готовилось давно, а угроза того, что русские войска наводнят Польшу перед походом на запад, ускорила решимость заговорщиков. Польские офицеры подняли восстание в Варшаве. Цесаревич Константин чудом избежал смерти — в какой-то момент его отделяла от убийц только дверь кабинета, закрытая на задвижку, — и бежал куда глаза глядят. (Можно ли представить, заметил Вяземский в дневнике, чтобы Николай бежал из Петербурга 14 декабря 1825 года?<sup>2</sup>)

Через неделю Николай читал отчаянные письма старшего брата: «Вот мы, русские, у границы, но, великий Боже, в каком положении, почти босиком; все вышли как бы на тревогу, в надежде вернуться

---

<sup>1</sup> Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. Ростов н/Д., 1995. С. 271—272.

<sup>2</sup> Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. IX. М., 1884. С. 150.

в казармы, а вместо сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имеют лишь то, что на них надето... Я сокрушён сердцем; на 51 1/2 году жизни и после 35 1/2 лет службы я не думал, что кончу свою карьеру столь плачевным образом. Молю Бога, чтобы эта армия, которой я посвятил шестнадцать лет жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признав своё заблуждение прежде, чем против неё будут приняты понудительные меры. Но это было бы слишком хорошо для века, в котором мы живём, и я сильно сомневаюсь в осуществлении моих желаний».

Николай отозвался на восстание предложением о примирении — со всеми, кто «возвратится к долгу». «Ещё не поздно изгладить минувшее; ещё есть время предупредить бесчисленные бедствия, — гласил его Манифест от 12 декабря. — Кто не замедлит отречься от преступного, но минутного завлечения, того Мы не смешаем с упорными в злодействе. Обитатели Царства Польского! Внемлите увещевания Отца, повинуйтесь велению Царя вашего»<sup>1</sup>. Константину же он писал: «Моё положение тяжкое, моя ответственность ужасна, но моя совесть ни в чём не упрекает меня в отношении поляков, и я могу утверждать, что она ни в чём не будет упрекать меня, я исполню в отношении их все свои обязанности, до последней возможности; я не напрасно принёс присягу, и я не отрешился от неё; пусть же вина за ужасные последствия этого события, если их нельзя будет избежать, всецело падёт на тех, которые повинны в нём! Аминь»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Полный свод законов Российской империи. Собрание второе. Т. 5. Отделение второе. СПб., 1831. С. 487.

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 302—303.

В семейном архиве князя Паскевича сохранилась «Солдатская песня» некоего «Сиянова», сочинённая на злобу дня:

Взбеленясь от злого нрава,  
Царства русского жена  
Расходилась вдруг Варшава —  
Бунтовщица издавна...  
Захотелось ей развода,  
Быть чтоб полной госпожой,  
Да разводы, брат, не мода,  
На Руси у нас святой<sup>1</sup>.

Николай, хотя и готовил войска к выступлению, ещё пытался погасить конфликт при помощи тех поляков, на которых, как ему казалось, можно было положиться. Не признавая официально нового польского диктатора, поддержанного сеймом, — Иосифа Хлопицкого, — он, тем не менее, начал переговоры с его представителями, прибывшими в Петербург. Встречи были частными, в Аничковом — а не в Зимнем — дворце. Там император в сердцах выговаривал одному из посланников, Езерскому: «Ведь вам же хорошо было! Конституцию, которую я застал, я уважал и хранил без изменения. Приехав в Варшаву на коронацию, я сделал столько добра, сколько мог сделать. Быть может, и было что-то нехорошее, но я тут ни при чём. Надлежало войти в моё положение и иметь ко мне доверие. Я желал, чтобы всё было хорошо, и желание своё, в конце концов, осуществил бы... Наконец, я не могу оправдать революции, нападение на дом моего брата с намерением лишить его жизни...»

Николай думал, что Польша восстала толь-

---

<sup>1</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 4. СПб., 1894. С. 121.

ко против дурного управления Константина и его сподвижников, и ещё надеялся водворить порядок, поскольку оставался коронованным польским королём. В первые дни восстания даже иронизировали: «Польский король Николай воюет с русским императором Николаем».

Но восставшие исправили эту ошибку. 13 (25) января 1831 года они объявили Николая низложенным: «Всему миру известно наше терпение. Обещанные под присягой двумя владыками и столь часто попираемые свободы освобождают обе стороны и польский народ от верности. Сказанные, наконец, самим Николаем слова, что первый же выстрел с нашей стороны всегда будет сигналом к гибели Польши, не оставили нам никакой надежды на исправление нанесённых обид, не оставили нам ничего, кроме благородного горя. Таким образом, народ польский, на сейме собранный, заявляет: он является независимой нацией и имеет право тому корону польскую отдать, кого её достойным сочтёт, на кого рассчитывать будет, кто приведённый к присяге веры твёрдо и без ущерба соблюдёт обещанные присягой свободы».

Польские деятели восстания требовали не справедливого управления, а восстановления границы России и Польши там, где она проходила до 1667 года (а значит, присоединения к Польше Украины до Днепра, включая Киев).

На «Постановление о детронизации» Николай ответил манифестом:

«13-го сего месяца, среди мятежного противозаконного сейма, присваивая себе имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствование наше и дома нашего прекратилось в Польше и что трон, восстановленный императо-

ром Александром, ожидает иного монарха. Сие наглое забвение всех прав и клятв, сие упорство в зломыслии исполнили меру преступлений; настало время употреблять силу против не знающих раскаения, и мы, призвав в помощь Судию дел и намерений, повелели нашим верным войскам идти на мятежников...»<sup>1</sup>

Вслед за объявлением манифеста сотысячная армия под командованием Дибича-Забалканского вступила в пределы Царства Польского.

И пошли с крестом, молитвой  
Мы мятежницу карать...

*(Из «Солдатской песни», 1831)*

Через месяц, в середине февраля, русские войска были готовы вступить в Варшаву. Сражение у стен польской столицы, при Грохове, было почти выиграно Дибичем, но в решающий момент наступление русских войск, готовых ворваться в Варшаву «на плечах» отступающего противника, было неожиданно для всех остановлено. Такой осведомлённый человек, как Бенкендорф, считал, что Дибича остановил Константин, который пожалел своих бывших подданных-поляков и именем старшего брата императора приказал «прекратить резню»<sup>2</sup>. Момент был упущен, Дибичу пришлось перегруппировывать и отводить войска, а «резня» только продлилась на многие месяцы.

Возмущённый и потрясённый Николай писал Дибичу: «Потеря 8 тысяч человек и никакого ре-

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 310—311.

<sup>2</sup> Портфель графа А. Х. Бенкендорфа // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 355. См. также: Кучерская М. А. Константин Павлович. М., 2005. С. 267—268.

зультата! <...> Я во всех ваших распоряжениях не усматриваю ничего такого, что бы давало надежду на сколько-нибудь удачное окончание кампании...»<sup>1</sup> Жёсткими и холодными стали и письма Николая Константину, бросившему армию после Гроховского сражения: «До сих пор мне ничего не оставалось, как представить вам полную свободу принять то или иное решение и восхищаться вашими решениями... Теперь положение дел изменилось. Дальнейшее ваше пребывание в армии было бы неприлично, и что ещё важнее, оно было бы опасно. Оставайтесь там, где вы находитесь теперь». Константин просился в армию, Николай его не пускал...<sup>2</sup> Фельдмаршала Дибича ждала отставка, Константина — приличествующая великому князю опала. Однако оба они избежали монаршего гнева самым печальным образом. И того и другого, с разницей в две с половиной недели (29 мая и 15 июня), унесла на тот свет холера.

В Польшу помчался спаситель-Паскевич. Он прибыл к войскам в ночь с 13 на 14 июня и немедленно начал готовить наступление. И именно 14 июня, в воскресенье, в Петербурге появились два первых больных холерой.

Через два дня в столице началась эпидемия. Один из очевидцев событий Александр Васильевич Никитенко записал в дневнике: «Холера, со всеми своими ужасами, явилась... Повсюду берутся строгие меры предосторожности. Город в тоске. Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности». В Петербурге болели тысячи, из которых

---

<sup>1</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 4. СПб., 1894. С. 2, 7.

<sup>2</sup> *Кучерская М. А.* Константин Павлович. М., 2005. С. 269—270.

умирал каждый второй. При этом столица днями изнывала от страшной жары. Как записывал Бенкендорф, «духота в воздухе стояла нестерпимая. Небо было накалено, как бы на далёком юге, и ни одно облачко не застилало его синевы, трава поблела от страшной засухи; везде горели леса, и трескалась земля»<sup>1</sup>. А ночами... «При красном мерцающем свете смолящих факелов, с одиннадцати часов вечера тянулись по улицам целые обозы, нагруженные гробами, без духовенства, без провожающих, тянулись за городскую черту на страшные, отчуждённые, опальные кладбища».

Двадцать первого июня Николай на всякий случай набросал своё завещание. В тот же день в столице страхи и страсти вырвались в народное возмущение. Тайна холерной заразы толкала доведённых до отчаяния жителей искать понятных объяснений. Люди не верили в способности докторов. Их били, считая «отравителями». Медицинские кареты ломали, чтобы «освободить» больных. Искали злоумышленников, возможно, поляков: поймав человека с подозрительным флаконом, заставляли тут же пить содержимое. Содержимым часто были хлорка или уксус, рекомендованные как спасительные средства дезинфекции... Василия Перовского, адъютанта Николая, отправленного из Петергофа в столицу «на разведку», чуть не убили за то, что при нём был флакон одеколona.

Пиком эпидемии стал холерный бунт на Сенной площади Петербурга 22 июня (Сенная считалась в то время «форумом русских рабочих»<sup>2</sup>). Там толпа

---

<sup>1</sup> Портфель графа А. Х. Бенкендорфа // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 359—360.

<sup>2</sup> Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 397.

устроила жестокий погром больницы. Бенкендорф рассказывал об этих печальных событиях так: «Все этажи в одно мгновение наполнились этими бешеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больных, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самым бесчеловечным образом умертвили нескольких врачей. Полицейские чины, со всех сторон теснимые, прятались или ходили между толпами переодетыми, не смея употребить своей власти»<sup>1</sup>. Войска были поставлены «под ружьё» и окружили площадь, но в дело не вступили. Император Николай примчался из своего петергофского карантина и смог остановить погромы силой своего нравственного авторитета.

Потомки пытались говорить о каком-то гипнотическом влиянии императора, упрощали сцену до анекдота: мол, император рывкнул «На колени!» — и все опустились *перед ним* на колени, и бунт кончился... Но сохранились слова, которыми император убедил и утихомирил многотысячную толпу: «Обратясь к церкви Спаса, он сказал: “Я пришёл просить милосердия Божия за ваши грехи; молитесь Ему о прощении; вы его жестоко оскорбили! Русские ли вы? Вы подражаете французам и полякам; вы забыли ваш долг покорности мне... За ваше поведение в ответе перед Богом — я! Отворить церковь: молитесь в ней за упокой душ невинно убитых вами!”»<sup>2</sup>.

Очевидец событий, князь Меншиков, подтверждает случившееся: царь не гипнотизировал толпу, он призывал её к покаянию — через собственный

---

<sup>1</sup> Портфель графа А. Х. Бенкендорфа // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 358.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2271. Л. 40—40 об.

пример («В ответе — я!»). В описании Жуковского, сделанном по рассказам очевидцев, народ опустился на колени в невольном порыве: когда царь «обнажил голову, обернулся к церкви и перекрестился», то обернувшаяся с ним «толпа, по невольному движению, пала ниц с молитвенными возгласами»<sup>1</sup>. Не просто на колени, а ниц, то есть лицом к земле, но не перед императором, а *перед Богом!*

Моральное воздействие императора было подкреплено полицейскими мерами. Как записал в дневнике московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков, получавший описания событий от брата Константина: «До 2000 человек взято и посажено в крепость крикунов, бывших в суматохе на Сенной, многие из них и невинны, до сего времени следственная комиссия... не приступила ещё к делу, отчего все родственники заключённых, и особенно взятых по одному токмо подозрению, ропщут»<sup>2</sup>.

Порядок в городе был восстановлен, но с холерой боролись ещё долго. Лишь в середине июля Николай сообщил новому польскому наместнику Паскевичу: «Здесь всё тихо, и в порядке... Болезнь, слава Богу, столь же скоро исчезает, как страшно скоро разлилась»<sup>3</sup>.

Холера бросилась на Новгородские военные поселения и там привела к бунту, стоившему русской армии больше жизней, чем штурм Варшавы. Как писал в своих записках Бенкендорф: «Холера и слухи об отраве послужили... лишь предлогом. Во-

---

<sup>1</sup> Жуковский В. А. Сочинения в стихах и прозе. СПб., 1901. С. 887.

<sup>2</sup> Из дневника московского почт-директора А. Я. Булгакова / Публ. С. Шумихина // Независимая газета. 1999. 21 мая.

<sup>3</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 339.

енные поселяне дали волю давнишней своей ненависти к начальству и бросились с яростью на офицеров и врачей... всякий, кто не мог спастись скорым бегством, был беспощадно убиваем»<sup>1</sup>. Восставшие отправили к Николаю депутации с докладами об истреблении «изменников и отравителей». Николай, оставив супругу на последнем сроке беременности «и в смертельном беспокойстве по поводу этой отважной поездки», бросился к бунтовщикам. Правда, к его приезду бунт удалось потушить. Император «предстал перед собранными батальонами, запятнавшими себя кровью своих офицеров. Лиц ему не было видно: все преступники лежали распростёртыми на земле, ожидая безмолвно и трепетно монаршего суда. Государь приказал вывести из рядов главных виновников и предать их немедленно военному суду. Всё было исполнено с слепой покорностью»<sup>2</sup>.

В день возвращения императора в Царское Село случилось радостное событие — 27 июля Александра Фёдоровна родила Николаю третьего сына. Его нарекли Николаем и тем как бы закрепили преемственность нового для дома Романовых имени. (Сыном великого князя Николая Николаевича тоже будет великий князь Николай Николаевич — с приставкой «младший»; в Первую мировую войну он будет главнокомандующим русской армией.)

«После всех испытанных напастей, — заметил Бенкендорф, — это радостное событие было первым проблеском и как бы началом новой, лучшей эпохи в его жизни. В прошедшем всё было омрачено печальями и бедствиями, над будущим висела, ка-

---

<sup>1</sup> Портфель А. Х. Бенкендорфа // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 360.

<sup>2</sup> Там же. С. 361.

залось, такая же чёрная туча. Война в Польше, бунт в западных губерниях, страшная смертность в столицах, мятеж на Сенной и в военных поселениях — всё это мало обещало хорошего. И вдруг всё изменилось; с каждым курьером стали приходить одна за другой добрые вести»<sup>1</sup>.

Одной из самых приятных вестей стало принесённое князем Суворовым, внуком легендарного полководца, известие о взятии Варшавы. Польская столица была обложена войсками Паскевича в начале августа. Главнокомандующий передал осаждённым обращение Николая I, в последний раз обещавшего амнистию при условии добровольной сдачи оружия и подчинения императорской власти. Депутаты сейма отвергли предложение: «Польяки подняли оружие за национальную независимость в тех пределах, какие издревле отделяли их от России; народное правление ожидает извещения... в какой мере Его Величеству Императору благоугодно исполнить их желание».

Русские полки шли на штурм Варшавы с песнями (к примеру, такой: «Ах, на что было огород городить, ах, на что было капусту садить...»). 26 августа, в годовщину Бородинского сражения, Варшава пала. Это совпадение дало название пушкинскому стихотворению «Бородинская годовщина», вызвавшему столько споров и среди друзей, и среди потомков:

Сбылось — и в день Бородина  
Вновь наши вторглись знамена  
В проломы падшей вновь Варшавы;  
И Польша, как бегущий полк,  
Во прах бросает стяг кровавый —

---

<sup>1</sup> Портфель А. Х. Бенкендорфа // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 362.

И бунт раздавленный умолк.

.....  
Сильна ли Русь? Война, и мор,  
И бунт, и внешних бурь напор  
Её, беснуясь, потрясали —  
Смотрите ж: всё стоит она!  
А вокруг её волнения пали —  
И Польши участь решена...

Двадцать шестого сентября прекратилось последнее организованное сопротивление польских мятежников. Паскевич стал светлейшим князем Варшавским. «Ах, зачем я не стоял за тобой по-прежнему в рядах тех, кои мстили за честь России; больно носить мундир — и в таковые дни быть прикованным к столу, подобно мне несчастному», — писал растроганный Николай своему «отцу-командиру»<sup>1</sup>.

Пришёл октябрь 1831 года. «Бедствия, целый год тяготевшие над Россией, миновали, — писал Бенкендорф. — Не было больше ни войны, ни бунтов, ни холеры. Государь, прежде разделив с Москвой угрожавшую ей опасность, пожелал теперь снова видеть древнюю столицу в ту минуту, когда с восстановлением мира и спокойствия исчезли все опасения»<sup>2</sup>. Он прибыл в Кремль 11 октября. Здесь, в Оружейной палате, к подножию трона Александра I были брошены трофейные польские знамёна и хартия, некогда пожалованная Александром Царству Польскому. «Покойница Конституция» — назвал её Николай и приказал хранить в особом ковчеге «как памятник великодушию нашего Александра I и польской благодарности...»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> *Шербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 4. СПб., 1894. С. 141.

<sup>2</sup> Портфель А. Х. Бенкендорфа // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 364.

<sup>3</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 355.

Заодно на арсенальном дворе Кремля было сожжено 1578 из двух тысяч печатных экземпляров той «русской конституции», которую мятежники нашли в архивах русской варшавской администрации, перепечатали и пытались распространять. Этот проект Уставной грамоты готовился в последние годы либеральных порывов Александра и тогда же осел в бумагах императорского представителя в Польше Николая Николаевича Новосильцева. Николай был более чем недоволен тем, что поляки распространяют конституционные идеи близких к брату Александру либералов. «Печатание этой бумаги, — признавался он Паскевичу, — крайне неприятно; на 100 человек наших молодых офицеров 90 прочтут, не поймут и презрят, но 10 оставят в памяти, обсудят — и главное не забудут. Это пуще всего меня беспокоит... Вели... стараться достать елико можно более экземпляров сей книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мне...»<sup>1</sup>

Манифест 14 февраля 1832 года «О новом порядке управления и образования Царства Польского» гласил: «Злосчастия миновались: Царство Польское, снова Нам подвластное, успокоится и процветёт среди восстановленной в оном тишины, под сенью бдительного Правления». По повелению императора Николая Польша лишалась Конституции 1815 года, парламента, армии и вообще становилась частью России с губерниями вместо традиционных воеводств. На её территории была расквартирована армия Паскевича, которая и в последующие мирные годы именовалась «действующей»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 359.

<sup>2</sup> См., например: РГВИА. Ф. 14013. Военно-походная Канцелярия Главнокомандующего Действующей армией генерал-фельдмаршала Паскевича.

Польское восстание стало для Николая наглядным примером того, к чему приводят парламент и конституционная монархия. В завещании сыну Александру, написанном в 1835 году (когда доносили, что на царя во время его поездки в Германию готовится покушение), император прямо велел: «Не давай никогда воли полякам; упрочь начатое и старайся довершить трудное дело обрусевания сего края, отнюдь не ослабевая в принятых мерах»<sup>1</sup>. Полякам в том же году было сказано: «При малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою её снова... Поверьте, господа, принадлежать России и пользоваться её покровительством есть истинное счастье»<sup>2</sup>. И тем не менее в 1835 году Николай обратился к киевскому губернатору Александру Дмитриевичу Гурьеву (сыну министра финансов): «Ты знаешь, что я после польского возмущения до поляков небольшой охотник; но если по предубеждениям и по страсти я увлечён буду на принятие каких-нибудь мер несправедливости против них, то обязанность твоя немедленно предохранять меня»<sup>3</sup>.

### *Глава одиннадцатая*

## **«ЛЯГТЕ, ГОРЫ! ВСТАНЬТЕ, БЕЗДНЫ!»**

В 1833 году даже по замиренной Польше Николай мог спокойно проехать в сопровождении одного только графа Бенкендорфа да фельдъегеря, которому полагалось быть при государевой особе для

<sup>1</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 214.

<sup>2</sup> Там же. С. 215.

<sup>3</sup> *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб., 1883. С. 358.

обеспечения постоянной «правительственной связи». На почтовых станциях, правда, стояли небольшие казачьи пикеты; но, как отмечал Бенкендорф, император «брал прошения от поляков, с ними разговаривал и не принимал ни малейших мер предосторожности, как бы среди верного русского народа». В коляске глава Третьего отделения держал на всякий случай пару заряженных пистолетов, но они ни разу не пригодились. В таком поведении Николая не было особой бравлады. Оно отражало принятие божественной предопределённости человеческой судьбы. «Я знаю, что меня хотят зарезать, — написал он однажды Паскевичу, — но верю, что без воли Божией ничего не будет, и совершенно спокоен»<sup>1</sup>.

В 1833 году в русской жизни наступил период относительного спокойствия, и Николай снова вернулся к созидательной деятельности. «Дай Бог, чтобы мне удалось упорядочить благосостояние России», — написал он Паскевичу<sup>2</sup>. Император видел Россию будущего «идушей смело, тихо, по христианским правилам к постепенным усовершенствованиям, которые должны из неё на долгое время сделать сильнейшую и счастливейшую страну в мире»<sup>3</sup>.

Круг забот Николая показывает, насколько несправедливо отношение к нему как человеку, увлечённому только военным делом, к тому же внешней его стороной. Такая точка зрения не только существовала когда-то — она существует и сейчас.

---

<sup>1</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 212.

<sup>2</sup> Письма императора Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832—1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 457.

<sup>3</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 216.

«Главная проблема Николая была в том, что он считал себя солдатом не меньше, чем императором», — пишет, например, современный британский историк<sup>1</sup>. Нет, всё-таки — прежде всего императором, сама природа власти которого заставляла быть «разносторонним специалистом», вникать в важнейшие государственные проблемы: в области законодательства, просвещения, экономики... Либеральные историки пытались утверждать, что после 1831 года «первый, квази-реформаторский период царствования Николая Павловича кончился», что «оставив всякие попытки преобразований существующих государственных учреждений, император Николай... как бы нашёл самого себя. Взяв отныне новый, строго консервативный курс, он уже не допускал от него никаких уклонений»<sup>2</sup>. Однако внимательное рассмотрение деятельности императора в 1830—1840-е годы показывает, что под его руководством в жизни России происходило немало серьёзных перемен.

В первой половине 1830-х годов Михаил Сперанский закончил работу над составлением Свода законов Российской империи. За выпуск в свет более шестидесяти увесистых томов систематизированных законов и указов он получил графский титул и десять тысяч рублей ежегодной выплаты. Торжественный момент награждения Сперанского высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного будет запечатлён на памятнике императору Николаю на Исаакиевской площади в Петербурге как один из важнейших символов царствования («Император, встав со своего места, изволил

---

<sup>1</sup> *Trevor Royle. Crimea. Palgrave MacMillan, 2004. P. 8.*

<sup>2</sup> *Корнилов А. С. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 159.*

подойти к графу Сперанскому, выразив в лестных выражениях свою благодарность ему за совершение сего труда, снял с себя знаки Ордена Св. Андрея и, целуя графа Сперанского, возложил их на него»<sup>1</sup>).

Огромная архивно-бумажная работа Сперанского завершила собой необходимый подготовительный этап: «светило российской бюрократии» сделало видимой грань между самодержавием и беззаконием. Либеральная оппозиция (например, в лице Виссариона Белинского) получила возможность требовать «введения по возможности строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть». Дело обновления законодательства досталось следующему поколению, но оно было подготовлено.

Сам Сперанский не собирался останавливаться. Он предполагал опереться на проделанную работу и создать новое Уложение, которое представляло бы собой законодательство улучшенное и переосмысленное в соответствии с практикой. Но недаром Николай, некогда инструктируя Балугьянского, говорил: «Смотри, чтоб Сперанский не наделал таких же проказ, как в 1810 году!»<sup>2</sup> (год, когда в России стараниями Сперанского мог бы появиться парламент). Стремление к «мудрости охранительной», следование карамзинской идее не столько улучшать, сколько упорядочивать, привели Николая к мысли не торопиться с третьим этапом. Он сам позднее, обращаясь к наследнику, подытожит смысл своего царствования: «Во всю свою жизнь я имел

---

<sup>1</sup> РНБ. Ф. 637. Ед. хр. 772. Л. 5 об.

<sup>2</sup> Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Часть пятая. Сперанский при императоре Николае I-м. Корректурa с исправлениями Корфа и А. Ф. Бычкова // РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 495. С. 10 (306). Эту фразу императора передал Корфу (со слов М. А. Балугьянского) сам Сперанский.

только одно желание — это покончить со всем жестоким и тягостным, что я должен был сделать для счастья моей страны, чтобы тебе оставить царствование лёгкое»<sup>1</sup>. В определённом смысле — выполнить всю грязную работу, чтобы расчистить площадку для постройки нового.

Жестоким и тягостным оказалось, среди прочего, дело развития системы образования. Одной из важнейших причин смертельно опасного для России декабрьского бунта 1825 года Николай считал слабость и неустроенность системы образования. «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, недостатку твёрдых познаний должно приписать сие свойство мыслей, источник буйных страстей, свою пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нрава, а конец гибель», — гласил императорский манифест, изданный по окончании дела декабристов. Таким образом людям, как Александр Сергеевич Пушкин, начальник южных военных поселений и управляющий Одесским Ришельевским лицеем генерал Иван Осипович Витт, литератор Фаддей Венедиктович Булгарин, чиновник и писатель Алексей Алексеевич Перовский, было высочайше «предложено» составить записки о проблемах воспитания и путях их решения.

В отзыве на записку Пушкина «О народном воспитании» Николай высказал свою точку зрения: «Правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлëкшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную

---

<sup>1</sup> *Зайончковский А. М.* Восточная война. 1853—1855. Т. 1. СПб., 2002. С. 100.

тоlikое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание»<sup>1</sup>.

Наиболее соответствующими представлениям императора о системе образования и воспитания стали записки и отчёты сенатора и президента Академии наук Сергея Семёновича Уварова. Именно его Николай поставил во главе Министерства народного просвещения. В марте 1833 года при вступлении в должность Уваров распорядился разослать по учебным округам циркуляр, подчёркивающий, что новая идеология деятельности вверенной ему отрасли освящена именем императора: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединённом духе Православия, Самодержавия и народности». Так родилась формула царствования, окрещённая позже либеральным историком Александром Николаевичем Пыпиным «уваровской триадой». Православие, самодержавие, народность — это, по словам Уварова, «истинно русские охранительные начала, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества». Они способны поставить «умственные плотины» на пути потоков европейских либеральных идей и стать своей самобытной идеологией.

*Православие*, выдержавшая многие испытания вера предков, объединяет русский народ морально и духовно. Это ощущение внутренней общнос-

---

<sup>1</sup> Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л., 1978. С. 462.

ти целого народа возвышает, по мнению Уварова, Россию над Западной Европой, где христианство расколото, по меньшей мере, на протестантов и католиков, где велико число атеистов и тех, кто к вере предков безразличен. В эпоху императора Николая I представлялось, что русская история, пережив периоды оторванности от Европы (начиная с монгольского ига до Петра) и подражательности Европе (до победы над «двунадесятью языками» в 1812 году), вступила в счастливую эпоху мирового лидерства.

*Самодержавие*, неограниченная власть монарха, по мнению Уварова, оправдано тем, что оно со времён, по меньшей мере, Екатерины является сильным, человеколюбивым, просвещённым, осознаёт и осуществляет все необходимые государственные улучшения. Император Николай был убеждён, что «Россию наиболее ограждает от бедствий революций то обстоятельство, что у нас со времён Петра Первого всегда впереди нации стояли её монархи»<sup>1</sup>. Эта идея, высказанная императором в 1830 году, позже будет звучать и у мыслителей совсем другого склада ума. В 1832 году Пётр Чаадаев запишет: «Везде правительства следовали импульсу, который им давали народы, и поныне следуют оному, между тем как у нас правительство всегда шло впереди нации и всякое движение вперёд было его делом»<sup>2</sup>. В 1833-м и Александр Пушкин отметит в наброске статьи: «Со времён возведения на престол Романовых, от Михаила Фёдоровича до Николая I, правительство у нас всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 344.

<sup>2</sup> Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 520.

следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно. Вот что и составляет силу нашего самодержавия»<sup>1</sup>. Ответственный только перед Богом, но перед самим Богом, самодержавный государь является защитником, судьёй и опекуном всех подвластных ему людей и народов. Именно он отстаивает идею справедливости и не оставляет места раздорам, поскольку стоит и над сословиями, и над отдельными, даже самыми влиятельными лицами.

*Народность* означала то ощущение национальной самобытности, которое могло как выродиться в «квасной патриотизм» («мы лучше других»), так и развиться в чувство национальной гордости («мы не хуже других»). В словаре Даля народность — это «совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого», в нынешнем научном лексиконе — «этнокультурное самосознание».

Образование в николаевскую эпоху складывалось в систему, базирующуюся на двух принципах. Первый принцип — правительственный контроль, позволявший направлять образованные силы туда, куда больше всего требуется государству. Ради его осуществления Уваров предлагал «собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частию без надзора, все элементы, принявшие направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитие умов потребностям государства, обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем». Новый Университетский устав 1835 года значительно ограничил автономию университетов, существовавшую с 1804

---

<sup>1</sup> Пушкин: Исследования и материалы. Т. 4. М.; Л., 1962. С. 222.

года, и ввёл более строгий государственный контроль со стороны попечителей (часто генералов). Даже в частном образовании вводилась государственная аттестация домашних учителей.

Однако правительственный контроль означал и правительственную ответственность. В 1833—1839 годах финансирование российского образования повышалось за счёт снижения военных расходов! В николаевской империи поднимали жалованье учителям, ремонтировали и строили учебные здания (сохранился «уваровский» стиль гимназических построек), отправляли студентов учиться за границу. «Надобно ездить за границу, — говорил Николай I, — и учиться у иностранцев на пользу отечества, но учиться доброму, а не худому»<sup>1</sup>. Лучших выпускников университетов направляли на несколько лет на стажировку в Европу (чаще всего в Берлин, но иногда и в Париж) — с условием, что затем они будут преподавать в российских университетах. Среди таких студентов — будущие легенды русской науки: историк Тимофей Николаевич Грановский, хирург Николай Иванович Пирогов...

Вторым принципом было сохранение сословных барьеров в образовании, что сохраняло неизменность общественного устройства и поддерживало старую идею служения сословий к всеобщей пользе — но каждого на своём месте. Система: уездное училище—гимназия—университет «сужалась» кверху, постепенно отсекая возможности обучения для «нижних» социальных слоёв. Уже на уровне уездных училищ доступ на эту лестницу образования был закрыт крепостным крестьянам. Для поступле-

---

<sup>1</sup> *Божерянов И. Н.* Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897. С. 157.

ния в гимназию «средним сословиям» требовались специальные разрешения «от обществ, к которым они принадлежат». В университет дорогу сужала намеренно поднятая плата за обучение.

Народность требовала особой символики, и в том же 1833 году по поручению императора Николая был создан знаменитый русский гимн «Боже, царя храни!». «Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войск, годный для народа — от учёного до невежды», — вспоминал автор музыки гимна Алексей Фёдорович Львов<sup>1</sup>. По его просьбе стихи к музыке сочинил (точнее подобрал, выбрав из своего прежнего стихотворения «Молитва русского народа») Василий Андреевич Жуковский.

Очевидец вспоминает первое исполнение гимна в московском Большом театре декабрьским вечером 1833 года: «Тишина, царствовавшая в огромном здании, дышала величием, слова и музыка так глубоко подействовали на чувства всех присутствовавших, что многие из них прослезилась от избытка волнения. Все безмолвствовали во время исполнения нового гимна; видно было только, что каждый сдерживал ощущение своё в глубине души; но когда оркестр театральный, хоры, полковые музыканты числом до 500 человек начали повторять все вместе драгоценный обет всех русских, когда Небесного Царя молили о земном, тут уже шумным восторгом не было удержу; рукоплескания восхищённых зрителей и крики “Ура!”, смешавшись с хором, оркестром и с бывшею на сцене духовую музыку, произвели гул, колебавший как бы самые стены театра... По единодушному всеоб-

---

<sup>1</sup> Львов А. Ф. Записки // Русский архив. 1884. № 4. С. 241.

Молитва Русского народа.

Боже, Царя храни!  
Сильный, дерзавый,  
Царствуешь ли славу хвалить;  
Царствуешь ли страхъ взыгнать,  
Царь православный.  
Томе, Царя храни!

Мухоморовъ

щему требованию зрителей народная молитва была повторена несколько раз».

Николаевский принцип «идти смело, но тихо» заметно проявился в том, какими темпами Россия продвигалась по пути транспортной революции. В николаевскую эпоху и шоссе — обычные дороги со специальным покрытием — были новшеством. Их начали строить только в 1817 году и строили в среднем по 34 версты в год. Первое шоссе от Петербурга до Москвы было открыто в 1834 году. И в том же 1834-м австрийский инженер Франц Герстнер воодушевился идеей постройки в России железных дорог. В 1835-м Николай уже читал докладную записку энтузиаста: «Нет такой страны в мире, где железные дороги были бы более выгодны и даже не-

обходимы, чем в России, так как они дают возможность сокращать большие расстояния путём увеличения скорости передвижения»<sup>1</sup>. Реакция Николая: «Убеждён, как и прежде был, в пользе сего дела»<sup>2</sup>. Противников железных дорог было много, начиная с министра финансов Егора Францевича Канкринна и главноуправляющего путями сообщения графа Карла Фёдоровича Толя. Доводы против выдвигались самые разные, даже фантастические: что, мол, зимой дороги будет заметать на несколько месяцев, что на дрова для паровозов переведут все леса, что перегруженные вагоны будут быстро ломать рельсы, что дорога «испортит нравственность», что непобедимость России — в бездорожье... Потребовалось высочайшее повеление даже для того, чтобы построить «экспериментальную» железную дорогу от Петербурга до Царского Села и Павловска. И вот — 30 октября 1837 года: «Шестьдесят вёрст в час, страшно подумать... Между тем вы сидите спокойно, вы не замечаете этой быстроты, ужасающей воображение; только ветер свистит, только конь пышет огненной пеною, оставляя за собой белое облако пара. Какая же сила несёт все эти огромные экипажи с быстротою ветра в пустыне; какая сила уничтожает пространство, поглощает время? Эта сила — ум человеческий!»<sup>3</sup> Император Николай был среди первых 256 пассажиров первой железной дороги — он ехал в экипаже, поставленном на отдельную платформу.

<sup>1</sup> История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб.; М., 1994. С. 33.

<sup>2</sup> Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 6.

<sup>3</sup> Санкт-Петербургские ведомости. 1837. 31 октября. Цит. по: История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб.; М., 1994. С. 38.

Эксперимент был успешным, и тем не менее все проекты по созданию сети железных дорог тормозились в Комитете министров и лично графом Толем. И это при том, что уже было сделано прямое указание императора начать изыскания по строительству железных дорог в Центральной России и в Польше (Варшава—Вена)<sup>1</sup>. Несколько лет тянули, взвешивали «за» и «против», посылали за границу изучать опыт...

Только в феврале 1842 года император подписал Указ о постройке «на счёт казны» магистрали Петербург—Москва. В речи перед купечеством он объяснил своё решение так: «Мне надо было бороться с предрассудками и с людьми; но когда я сам убедился, что дело полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу делали одно нарекание: что он на конце России и далёк от центра империи; теперь это исчезнет; через железную дорогу Петербург будет в Москве, а Москва в Кронштадте».

Думой сильного владыки,  
Волей Бога самого  
Совершайся, труд великий,  
Света знаний торжество!

Лягте, горы! Встаньте, бездны!  
Покоряйся нам, земля!  
И катися, путь железный,  
От Невы и до Кремля.

(С. П. Шевырёв<sup>2</sup>)

### *Легенда третья. Палец императора*

*Эту историю, кажется, знают все: император Николай, недовольный затянувшимися изысканиями лучшего маршрута для прокладки железной дороги*

<sup>1</sup> Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 16—17.

<sup>2</sup> Москвитянин. 1842. № 3. Ч. II. С. 7.

*Петербург—Москва, взял линейку и резко прочертил по карте прямую: «Вот так пойдёт дорога!» Лишь в одном месте «высочайший карандаш» якобы наскочил на царский палец, и у реки Мсты линия дала сильный изгиб.*

*На самом деле изгиб этот появился только в 1881 году. К тому времени стало ясно, что выгоднее и безопаснее пустить поезда в обход, нежели заставлять их надрываться и тратить по два часа на преодоление затяжных подъёмов и спусков перед огромным оврагом речки Веребьи<sup>1</sup>. Через сам овраг до этого был переброшен уникальный для своего времени деревянный мост в девять пролётов, очень длинный и самый высокий в империи (более 50 метров). По иронии истории, именно этот самый уникальный Веребьинский мост, вокруг которого якобы сделал крюк карандаш императора, изображён на одном из барельефов памятника Николаю I в Петербурге.*

*Возможно, источником легенды стала инструкция Николая начальнику северной «дирекции» строительства магистрали П. П. Мельникову, убедившему царя строить дорогу без захода в Новгород: это удлиняло её на 80 вёрст и сильно увеличивало расходы на строительство и эксплуатацию. «Дорогу устроить по прямому направлению», — дал указание император. Прямо — то есть «всего лишь» без захода в Новгород.*

*В XXI веке, в эру мощных двигателей и сверхскоростных поездов, железнодорожники вернулись к прямой линии. С 2001 года дорога Москва—Петербург снова пошла через Веребьинский овраг; «палец императора» был разобран.*

---

<sup>1</sup> Об открытии Веребьинского обходного пути на Николаевской ж. д. 17 сентября 1881 г. // РГИА. Ф. 446. Оп. 28. Д. 2.

Строительство шло дольше запланированного, хотя работу ускоряли выписанные из Америки паровые экскаваторы. 22 августа 1850 года в Москве, на юбилее коронации, Николай спросил руководившего строительством Клейнмихеля: «Когда же я приеду на коронацию по железной дороге?» Генерал немедленно отрапортовал: «Через год, ваше величество!» — и весь следующий год провёл в чрезвычайном напряжении. Тем не менее 19 августа 1851 года императорская семья отправилась на 25-летие коронации по только что построенной дороге. У Веребьинского моста царь вышел из поезда — то ли пройти полюбоваться уникальным сооружением, то ли «на всякий случай». Поезд тронулся — и тут же забуксовал на рельсах. Попытка «поддать пару» ни к чему не привела... Оказалось, местное начальство «подготовилось» к выходу царя из вагона и приказало покрасить непрезентабельные заржавевшие рельсы густым слоем масляной краски. Сделано всё было в последний момент, и краска не просохла. Пришлось срочно посыпать рельсы песком и золой. Царь на юбилей успел. А вскоре после празднования, ещё не выехав из Москвы, повелел приступить к строительству железной дороги из Петербурга в Варшаву — «немедленно и в возможной скорости»<sup>1</sup>.

Противник железнодорожного строительства министр финансов Канкрин вовсе не был непроходимым ретроградом. Министра можно назвать одним из героев войны 1812 года — именно благодаря его деятельности финансы России выдержали такую гигантскую катастрофу, как наполеоновское нашествие. Канкрин учил наследника

---

<sup>1</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 561.

престола: «Основное условие хорошего финансового управления заключается в том, чтобы содействовать благосостоянию народа путём увеличения национального богатства. Богатый народ даёт больше доходов; обременять бедного податями всё равно, что срубить дерево, чтобы снять с него плоды». Именно с именем Канкрин связывается серьёзная финансовая реформа, приведшая в порядок расстроенное денежное хозяйство империи (унаследуй Александр II такие финансы, какие были до преобразований Канкрин, ему было бы не до Великих реформ).

Николаю I достался внешний долг России в 102 миллиона рублей серебром. К тому же прежнее правительство всю печатало бумажные ассигнации (их прозвали «сладкий яд государства»), стоимость которых постоянно падала, и торговля несла заметный урон. Канкрин же говорил: «Правительства, прибегающие к выпуску бумажных денег, подобны юношам, увлекающимся азартной игрою». С одобрения Николая 1 июня 1839 года министр финансов подчинил бумажные деньги полновесному серебру: «Серебряная монета впредь будет считаться главной монетой обращения. Ассигнации будут считаться второстепенными знаками ценности, и курс их против звонкой серебряной монеты навсегда остаётся неизменным, считая рубль серебра в 3 руб. 50 коп. ассигнациями». Затем ассигнации стали изымать из обращения, а взамен были выпущены кредитные билеты («кредитки»), которые можно было свободно обменивать на серебро. Канкрин следил, чтобы количество находящихся в обращении кредиток в определённой пропорции соответствовало государственному запасу серебра (примерно шесть к одному).

Народ массово понёс на обмен надёжные, но тяжёлые и неудобные серебряные монеты. Через три года в хранилищах Петропавловской крепости накопилось почти на 200 миллионов рублей металла. Это было крупнейшее в мире собрание резервного капитала. 15 процентов этого «госрезерва» (30 миллионов) Канкрин выдал в качестве кредитов для оказания помощи сельскому хозяйству и промышленности. Через некоторое время и оставшиеся деньги заставили работать на страну, частично разместив вклады в фондах Франции, Англии, Голландии. Известный немецкий политэконом Фридрих Лист писал в 1841 году: «Достаточно просмотреть последние отчёты русского департамента торговли, чтобы убедиться, что Россия, благодаря принятой ею системе Канкринина, достигла благоденствия, и что она гигантскими шагами подвигается по пути богатства и могущества...»

«Вот что он оставил России в наследство, — пишет биограф министра, — благоустроенные финансы, твёрдое металлическое обращение, вексельный курс, оказывавшийся в пользу нашего отечества. Россия была в финансовом отношении могущественною державою, кредит которой нельзя было подорвать. И всё это было достигнуто без сколько-нибудь значительных займов, почти без повышения налогов, единственно в силу железной воли, необычайной бережливости и дарований одного человека, ставившего благо народа выше всего и умевшего ему служить»<sup>1</sup>.

Благодаря финансовой реформе Канкринина появился на свет и дожил до наших дней такой знаковый всем Сберегательный банк. В 2011 году он отпраздновал свой 170-летний юбилей.

---

<sup>1</sup> *Сементковский Р. И. Е. Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность.* СПб., 1893 (серия «ЖЗЛ»). [http://az.lib.ru/s/semantkowskij\\_r\\_i/text\\_1893\\_kankrin.shtml](http://az.lib.ru/s/semantkowskij_r_i/text_1893_kankrin.shtml)

## СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 30-й день Октября 1841 года. съ 1-го Марта 1842 года открыто дѣйствіе Сберегательной Кассы, при Санктпетербургской Сохранной Казнѣ, учрежденной на правилахъ, изложенныхъ въ Высочайшии утвержденномъ 30-го Октября Уставѣ Сберегательныхъ Кассъ въ Россіи. Главныя основанія дѣйствія сей Кассы суть слѣдующія:

1) Сберегательная Касса учреждается для приѣма небольшихъ суммъ на сохраненіе съ приращеніями процентовъ, для доставленія чрезъ то недостаточнымъ всякаго званія людямъ средствъ къ сбереженію, вѣрнымъ и выгоднымъ образомъ, малыхъ остатковъ отъ расходовъ, въ запасъ на будущія надобности.

2) Суммы, вносимыя въ Сберегательную Кассу, не подвергаются секвестру ни за казенныя, ни за частныя взысканія, и за цѣлость ихъ отвѣтствуетъ Сохранная Казна собственными своими капиталами.

Подчинённые любили пародировать немецкий выговор Канкрин: «Нет, патушка, нелься». Эта его характерная фраза звучала и при императоре. Николай ценил министра финансов за умение отстаивать свою точку зрения и полностью ему доверял. Егор Францевич даже получил привилегию курить (сигару или трубку с крепким «кнастером») в присутствии государя, который сам не курил и терпеть не мог, когда курили при нём<sup>1</sup>.

С сигарою в зубах, в исканье целей важных,  
Дум нечернильных полн и мыслей небумажных, —

писал о министре финансов Владимир Бенедиктов.

Для того чтобы аргументированно спорить с Канкриным, Николай сам взялся за изучение финансового дела, и, судя по его сохранившейся переписке с Егором Францевичем о деталях финансовой ре-

<sup>1</sup> *Божеянов И. Н.* Граф Егор Францевич Канкрин. СПб., 1897. С. 106.

формы, он выступал не как дилетант, а как «настоящий практик и учёный финансист»<sup>1</sup>.

Когда в 1840 году 67-летний Канкрин попросил у Николая об отставке по болезни (он пережил апоплексический удар), император ответил: «Ты знаешь, что нас двое, которые не можем оставить своих постов, пока живы: ты и я». Ещё четыре года Канкрин восседал на «огненном стуле министерства финансов», а получив отставку по болезни, прожил только год. Егор Францевич умер в начале сентября 1845 года, за чтением сочинения Коха по политэкономии. Вдова пригласила на чтение его завещания нескольких уважаемых людей: это был лучший способ опровергнуть слухи о мздоимстве министра. Действительно, завещание Канкринина не содержало никаких фантастических сумм и объектов недвижимости. Оно полностью соответствовало уровню и должности Канкринина<sup>2</sup>. Даже один из авторов едких прижизненных эпиграмм на него, Сергей Александрович Соболевский, в дальнейшем сожалел о том, что рифмовал расхожие сплетни...

Право, образование, финансы — всё менялось и совершенствовалось при личном участии Николая Павловича. Почему же либеральные историки начала XX века вроде Александра Александровича Корнилова отказывались признавать преобразовательную деятельность императора в 1830—1840-е годы? Возможно потому, что они искали преобразования (в соответствии с требованиями своей эпохи) прежде всего в

---

<sup>1</sup> Там же. С. 204.

<sup>2</sup> *Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848)*. М., 1963. С. 285—286.

политической сфере, оценивали деятельность императора по степени привлечения к решению государственных задач «всей интеллигенции страны» в противовес «административной системе»<sup>1</sup>, ожидали от традиционного общества, основанного преимущественно на сельском хозяйстве, резкой трансформации, «прыжка» в общество индустриальное.

Сам Николай, работавший в окружении людей, которых трудно назвать ретроgrадами и консерваторами (Сперанский, Уваров, Канкрин, не говоря о Киселёве, Воронцове и «либеральных бюрократах», о которых ещё пойдёт речь<sup>2</sup>), понимал, насколько трудно вести Россию по пути даже «постепенных усовершенствований». Как писала дочь Дмитрия Блудова: «Скажут, дурно исполняется всё это, медленно идёт вперёд; но в исполнение не он приводит, а мысль ему принадлежит»<sup>3</sup>. Взросление наследника Александра убедило Николая в том, что «нужно думать о будущем», а не только ремонтировать настоящее, нужно готовить работу поколения, которое придёт на смену. Вот почему он начал говорить: «Это сделает сын мой, а я уж стар, чтобы вводить изменения»<sup>4</sup>. Вот почему столько внимания он уделил воспитанию Александра Николаевича, как будущего «профессионального императора».

---

<sup>1</sup> *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 193. Первое издание курса вышло в 1912 году.

<sup>2</sup> См. также: W. Bruce Lincoln. *In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats. 1825—1861.* Northern Illinois Univ. Press, 1982.

<sup>3</sup> *Графиня А. Д. Блудова.* Император Николай Павлович. 1850 // Император Николай Первый. М., 2002. С. 594.

<sup>4</sup> Цит. по: Русский архив. 1886. № 6. С. 610.

*Глава двенадцатая*  
**ВОСПИТАНИЕ НАСЛЕДНИКА**

Старший сын, можно сказать, сделал Николая императором. Ведь именно его рождение — рождение первого внука императора Павла — показало Александру I, по какой линии пойдёт дальше наследование российского престола. Россия испытала редкий шанс: получить императора, профессионально подготовленного к своей высочайшей «должности».

Наставник для шестилетнего Саши был выбран лично Николаем, тогда ещё великим князем. В подчинённой ему школе гвардейских подпрапорщиков он обратил внимание на ротного командира капитана Карла Мердера, некогда гусарского офицера, спасшего своего полкового командира в трагическом Аустерлицком сражении и получившего тогда тяжёлое ранение. Мердер был воспитанником Первого кадетского корпуса, а потом долгие годы служил там воспитателем. Он дорожил своей работой, изучал педагогическую литературу и не только любил детей, но и умел их воспитывать («Он был знаток детства», — отмечала А. О. Смирнова-Россет<sup>1</sup>). Николай бывал в Школе подпрапорщиков ежедневно — и сделал свой выбор, хотя и удивил им петербургскую публику.

Выбор оказался очень удачным. Едва научившись писать, «маленький Саша» вывел: «Люблю Мердера моего». Как вспоминала сестра Александра Ольга Николаевна: «Он <Мердер> не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал Семье».

<sup>1</sup> *Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 195.*

Жуковский отзывался о Мердере с восхищением: «В данном им воспитании не было ничего искусственного; вся тайна состояла в благодетельном, тихом, но беспрестанном действии прекрасной души его... Его питомец... слышал один голос правды, видел одно бескорыстие... могла ли душа его не любить добра, могла ли в то же время не приобрести и уважения к человечеству, столь необходимого во всякой жизни, особливо в жизни близ трона и на троне...» К тому же на страже авторитета Мердера стоял сам Николай. Однажды, узнав о резком ответе сына на замечание воспитателя, он вспылил: «Уходи! Ты недостойн подойти ко мне после такого поведения; ты забыл, что повиновение есть долг священный и что я всё могу простить, кроме неповиновения»<sup>1</sup>.

Однако не военному, даже такому преданному и авторитетному, как Мердер, было поручено общее руководство образованием наследника. Сам Николай говорил в 1826 году: «Я хочу воспитать в моём сыне человека прежде, чем сделать из него государя»<sup>2</sup>. Для достижения такой цели был приглашён давний друг семьи поэт Василий Андреевич Жуковский.

Жуковский стал учителем юного Александра Николаевича вследствие цепочки случайностей. Как знаменитый поэт, «певец во стане русских воинов», он был приглашён в просвещённое окружение императрицы Марии Фёдоровны. По её рекомендации, уже как преподаватель русского языка, он в 1817 году вошёл в окружение будущей императрицы, супруги Николая Александры Фёдоров-

---

<sup>1</sup> *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1996. С. 59.

<sup>2</sup> Там же. С. 13.

ны, и приобрёл в глазах царственного семейства учительский авторитет. Летом 1826 года Жуковский был приглашён — поначалу временно — дать восьмилетнему Саше несколько начальных уроков.

Опыт оказался удачным, и Жуковскому была поручена разработка подробной программы образования «Монарха великой империи». Император Николай внимательно просмотрел программу — и утвердил. Идеи Жуковского об «образовании для добродетели», о том, чтобы военные игры проходили только во время каникул и «не вмешивались в остальное учёные», о необходимости дать наставнику (то есть Жуковскому) «и право, и полную свободу действовать» нашли полное одобрение самодержца. Николай изменил только два положения: отменил преподавание латинского языка (вспомнив, как сам мучился с ним в детстве) и отказался от идеи создания «потешного полка» по примеру молодого Петра. Вместо «потешных» он повелел определить Александра в число кадет Первого кадетского корпуса, но к занятиям приступить только через два года (когда Саше исполнится 11 лет). В 1833 году сам Николай, вспомнив свои подростковые учебные увлечения, разработал для наследника план изучения военных наук: не мелочных подробностей вроде парадов и смотров, но фортификации и артиллерии: «Хотелось бы мне видеть его занимающимся этим делом, как я им занимался в его лета».

Работать с наследником должны были преподаватели, уже имевшие педагогический опыт и авторитет. Многие из них обрели мастерство в знаменитом пансионе пастора Муральта, ученика одного из классиков педагогики — Песталоцци. В феврале 1828 года Николай собрал специальный комитет, обсуждавший, кому поручить преподавание на-

следнику. «Для истории, — сказал он, — у меня есть надёжный человек, с которым я служил в Инженерном училище, — Арсеньев. Он знает дело, отлично говорит и сыну будет полезен». Критерии Николая по отношению к Константину Ивановичу Арсеньеву — чистый, честный, надёжный, знающий дело — были применены и при отборе других кандидатов.

Воспитывая человека прежде, чем правителя, Жуковский действовал достаточно самостоятельно. Он был убеждённым противником доминирования военного образования в воспитании человека и государя. «Воинственные игрушки не испортят ли в нём того, что должно быть первым его назначением? — писал он императрице. — Должен ли он быть только военным, действовать в сжатом горизонте генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда будем смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность? Государыня, простите моим восклицаниям: но страсть к военному ремеслу стеснит его душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве — казарму. Мы видели плоды этого: армии не составляют могущества государства. Если царь занят одним устройством войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14 декабря. Не думайте, государыня, что я говорю лишнее, восставая с таким жаром против незначашего, по-видимому, события. Нет, государыня, не лишнее! Никакие правила, проповедуемые учителями в классах, не могут уравниваться в силе с впечатлениями ежедневной жизни».

Учителя, подобранные Жуковским, действительно заслуживали звания учителей. Они были такими, как обучавший Александра словесности Пётр Плетнёв, литератор, один из ближайших дру-

зей Пушкина (ему посвящено первое отдельное издание IV и V глав «Евгения Онегина»<sup>1</sup>). Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала про Плетнёва: «С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мари он поддерживал её воображение, Сашу — в доброте сердца, и всегда обращался с подрастающими как со взрослыми... Из всех наших преподавателей он был тем, который особенно глубоко указывал и разъяснял нам ту цель жизни, к которой мы готовились».

Николай и сам старался принимать участие в воспитании сына. По вечерам он любил поиграть с Александром и его друзьями в «военные игры», а императрица бросала жребий — у кого из молодых людей император будет «начальником штаба». Игры приводили всех собравшихся в неопишуемый восторг. Именно для наследника придумал Николай «штурм» петергофских каскадов юными кадетами, ставший традиционным с июля 1829 года. Это действие начиналось с того, что кадеты выстраивались внизу, в парке, у фонтана «Самсон». Затем по команде Николая «раз-два-три!» они с криками «ура!» бросались вверх, навстречу потокам воды, падали, овладевали уступами бьющих фонтанов и добирались до грота, где сама императрица раздавала первым подарки. Среди весело барахтающихся в воде кадетов — и среди первых при штурме! — был и наследник Александр.

Испытанием и Александру, и его учителям стало личное присутствие императора и императрицы на годовых экзаменах в начале 1829 года. Наградой Жуковскому и Мердеру были слова Николая после одного из таких экзаменов: «Мне приятно сказать

---

<sup>1</sup> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава IV и V. СПб., 1828.

вам, что я не ожидал найти в сыне моём таких успехов. Всё у него идёт ровно, всё, что он знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей; примите мою искреннюю благодарность»<sup>1</sup>.

Были и награды материальные: Жуковский получил пожизненную ренту в три тысячи рублей; Мердер в 1828 году стал генерал-майором, в 1829 году получил орден Святого Георгия (официально — «за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах»). К сожалению, этот замечательный воспитатель-наставник юного Александра совсем немного не дождал до совершеннолетия своего лучшего ученика. Он скончался в марте 1834 года в Риме, куда уехал на лечение.

А в апрельский пасхальный день 1834 года шестнадцатилетний Александр Николаевич принёс присягу в качестве наследника престола.

«Когда открыто было Евангелие, — вспоминал московский митрополит Филарет, — и государь император подвёл к оному государя наследника для присяги, государь наследник произнёс <присягу> твёрдым голосом, с выражением, изображающим внимание к произносимым обетам. Но когда он дошёл до окончательных выражений сего акта, заключающих в себе молитву, глубокое чувство и слёзы остановили его. Собирая дух и возобновляя усилие, он довершил чтение изменённым, трогательно зыблущимся голосом. Сердце родительское подверглось чувствам сыновним. Государь император обнял государя наследника, целовал его в уста, в очи, в чело, и величественные слёзы августейшего родителя соединились с обильными слезами августейшего сына. Засим государыня императрица при-

---

<sup>1</sup> Записки К. К. Мердера // Русская старина. 1885. Т. XLV. Вып. 3. С. 535—536.

няла возлюбленного первенца своего в матерние объятия, и взаимные лобзания и слёзы вновь соединили отца, мать и сына. Когда занятие сим восхитительнейшим зрелищем и мои собственные слёзы, наконец, оставили мне возможность обратить внимание на присутствующих, я увидел, что все были в слезах»<sup>1</sup>.

День присяги стал днём совершеннолетия, и Николай начал постепенно вводить сына в курс государственного управления. В том же 1834 году последовало высочайшее повеление цесаревичу присутствовать на заседаниях Правительствующего сената. В 1835-м Александр стал членом Синода, дабы, как заметил Николай, «приобретал сведения, потребные и по сей части для его высокого назначения». Тогда же Николай призвал знаменитого правоведа Михаила Сперанского, некогда, по выражению Пушкина, «гения блага» александровского царствования. «Мы предоставили Вам, — писал впоследствии император, — приучать юный ум <наследника> вникать в истинное свойство нашего законодательства, соображать постановления оно-го с потребностями края и тщательно наблюдать их действие на благосостояние и нравственное достоинство народа. Вы совершенно оправдали наш выбор». В награду Сперанский получил алмазные знаки ордена Святого Андрея Первозванного.

Годы после присяги стали годами практического учения и высшего образования наследника. Николай одобрил курс наук, в который входили математика, физика, география, история всеобщая и русская, языки русский, французский, немецкий, английский и польский, политэкономия, диплома-

---

<sup>1</sup> *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1996. С. 73.

тия, право и непременно высшие военные науки — фортификация, артиллерия, тактика, стратегия, военная история. Завершением и итогом «годов учения» стали весенние экзамены 1837 года и следом — путешествие по России. Жуковский назвал его «обручением наследника с Россией». «Пусть, — говорил он императрице, — это похоже на такое чтение книги, при котором великий князь ознакомится только с оглавлением. Зато он получит общее понятие об её содержании».

Проделав тысячи вёрст, побывав даже в Сибири, в Тобольске, Александр вновь встретился с отцом на кавалерийских манёврах в херсонских степях. Оттуда их общий путь лежал в Одессу. Из Одессы пароход «Северная звезда» понёс императора и наследника к Севастополю, где Черноморский флот в полном составе и во всей красе маневрировал перед монархом в открытом море.

На следующий год Николай отправил сына в новое путешествие — на этот раз за границу. К образовательной цели здесь добавилась и другая, не менее важная: наследник должен был выбрать себе невесту. Ни Николай, ни Жуковский не вмешивались в выбор (он и так был неширок) — они скорее с трепетом следили за ходом событий.

Выбор был сделан в Дармштадте: Александр увлёкся пятнадцатилетней принцессой Марией, младшей дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского. («Она как раз ела вишни, и в тот момент, когда Саша обратился к ней, ей пришлось сначала выплюнуть косточку в руку, чтобы ответить ему. Настолько мало рассчитывала она, что будет замечена...»<sup>1</sup>)

---

<sup>1</sup> Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 261.

Однако, как замечал Жуковский, Александр «и в деле сердца предпочёл держаться того, что будет решено государем, и следовать своему чувству только тогда, когда оно будет согласовано с одобрением». О том, что император согласен с выбором сына, возвестил салют в 101 выстрел, прозвучавший 4 апреля 1840 года в Петербурге. Он был дан в честь официальной помолвки наследника престола.

Минул год с небольшим, и в Большой церкви Зимнего дворца наследник вступил в брак с Марией Гессенской, наречённой при принятии православия Марией Александровной. Ещё через год Николай Павлович крестил первую внучку — Александру, а ещё через год — первого внука, Николая. Император был в Варшаве, куда старый, ещё неэлектрический, телеграф отмахал буква за буквой радостную новость о продолжателе мужской линии царского рода. Николай в слезах радости бросился на шею графу Алексею Фёдоровичу Орлову: «Лёшка, Лёшка, Бог дал Саше сына!» — и почти тотчас же написал приказ о производстве пятидесяти полковников в генералы.

У колыбели Николая Александровича Николай Павлович повелел трём сыновьям опуститься на колени и поклясться в верности будущему императору<sup>1</sup>. (К сожалению, этот несостоявшийся Николай Второй, на которого будет возлагаться столько надежд, сторит от чахотки в 22 года.)

Император видел в Марии удачную пару для сына. «Папá, — вспоминала Ольга Николаевна, — с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера... Это, по его мнению, уравновешивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 235, 238.

<sup>2</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 276.

Удачная женитьба наследника, создание «малого двора», который рано или поздно станет «большим», появление на свет императорских внуков — всё для Николая было знаком божественного предрасположения. Он всё больше привлекал Александра к управлению страной. Со дня женитьбы Александр становится полноправным (то есть с правом голоса) членом Государственного совета, с 1842 года — полноправным членом Комитета министров. В 1841—1843 годах на время лагерных сборов наследнику, как генерал-лейтенанту, вверяли в командование дивизию, а в 1844-м он стал командующим всей гвардейской пехотой.

Император ввёл сына в работу важнейших комитетов того времени: Финансового, Кавказского, Комитета по строительству Санкт-Петербургско-Московской железной дороги и Комитета по строительству постоянного моста через Неву. Наконец, во второй половине 1840-х годов император Николай доверяет своему наследнику тайные дела: председательство в двух особых, секретных комитетах. Государственной тайной было обсуждение мер «к улучшению участи крепостных крестьян». Александр председательствовал в Комитете 1846 года, обсуждавшем в узком кругу записку министра внутренних дел Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России» («Не подлежит никакому сомнению, — писал в ней Перовский, — что освобождение крестьян или уничтожение крепостного права было крайне желательно, как мера вполне человеческая и христианская»<sup>1</sup>). В итоге и этот Комитет, и Комитет 1848 года сделали только небольшие шажки к изменению положения крес-

<sup>1</sup> *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб., 1888. С. 136.

тьянства, но сам факт участия в них будущего Царя-Освободителя весьма примечателен. В 1849 году, когда не стало и дяди наследника Михаила Павловича, Александр, уже «полный генерал», занял его место командующего гвардией, стал начальником всех военно-учебных заведений.

Тридцать первого августа 1842 года Николай впервые возложил на сына часть настоящих императорских обязанностей: он вручил ему «решение дел» по всем высшим и центральным учреждениям и ведомствам империи на время своего «отсутствия из Петербурга». Опыт оказался удачным и вошёл в обычай в последующие годы. Николай с удовольствием удостоил цесаревича «достопамятной грамотой»: «Возвратясь ныне, по благословению Божию, удостоверился я, что надежды мои увенчались, к утешению родительского моего нежно Вас любящего сердца. В вящее доказательство моего удовольствия, жалуем Вас кавалером ордена... Владимира 1-й степени, коего надпись польза, честь и слава, укажет и впредь Вам, на что промысел Всевышнего призывает Вас для России»<sup>1</sup>. На следующий год, уезжая по делам в Берлин, Николай прямо указал военному министру Чернышёву на наследника: «Если я не вернусь, то вот вам командир»<sup>2</sup>.

В общем, как заметил обстоятельный биограф Александра II, «с каждым годом досуги цесаревича сокращались, и время его всё более и более поглощалось обширной и разнообразной государственной деятельностью»<sup>3</sup>. Император Николай застра-

---

<sup>1</sup> *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1996. С. 134.

<sup>2</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 250.

<sup>3</sup> *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1996. С. 133.

ховал государство от неожиданности, вроде той, что случилась в конце 1825 года. Когда настанет неизбежный момент «смены караула», отец передаст дела сыну со спокойной уверенностью.

...В старой эпиграмме времён Павла I говорилось:

Не все хвали царей дела.  
Что ж глупого произвела  
Великая Екатерина?  
— Сына!

Эпоха Великих реформ подобной эпиграммой разразиться не могла: даже последовательные критики Николая Павловича не могли не признать, что император и его эпоха «произвели» и воспитали профессионального императора, одного из самых выдающихся преобразователей России — Александра II Освободителя.

### *Глава тринадцатая*

## **ЧТО СКРЫВАЛИ «СЕКРЕТНЫЕ КОМИТЕТЫ»?**

«Нашему времени достался в удел — в награду или наказание, покажет время, — вопрос самый привлекательный и самый опасный... я разумею вопрос о свободе». Так начиналась не речь на тайной сходке постдекабристской оппозиции. Так начиналось «Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Николая Павловича», произнесённое 25 июня 1832 года архимандритом Иннокентием в Киево-Печерской лавре. И продолжалось в том духе, что именно «августейший виновник настоящего торжества» «для того, кажется, и воздвигнут Промыслом не в другое, а в наше время, дабы среди

треволнений всемирных быть верховным блюстителем истинной Свободы народов и Царей»<sup>1</sup>.

По стечению обстоятельств именно в 1832 году закончил свою работу Комитет 6 декабря — в некотором роде «приготовительный» к решению главного вопроса о свободе в России XIX века: свободе миллионов крестьян от крепостной зависимости. Комитет не разработал каких-либо законодательных актов по крестьянскому вопросу, однако всерьёз обсудил (и передал на рассмотрение императору Николаю) записку М. М. Сперанского о последовательных мерах по улучшению положения крепостных. Идея Сперанского о том, что нужно сначала устроить быт казённых крестьян, а потом по их образцу «привести крепостных крестьян в то же положение, какое будет определено для казённых», была поддержана Комитетом<sup>2</sup>. И отложена до лучших времён.

Новый поворот сюжета последовал в 1834 году. Именно тогда в Петербург приехал после обустройства дел на южных границах России один из самых энергичных и одарённых деятелей николаевской эпохи — Павел Дмитриевич Киселёв. «Как сейчас вижу его таким, каким он был, когда вернулся, — вспоминала великая княгиня Ольга Николаевна, — красивый мужчина лет около сорока, с выразительными глазами, очаровывающий собеседника, о чём бы он ни говорил. Совершенно независимый в своих взглядах, всегда полный блестящих идей, образованный и в то же время всегда готовый научиться ещё чему-нибудь, он даже в разговорах с Папá, который с ним очень считался, со-

---

<sup>1</sup> Николай I и его время. Кн. 2. М., 2000. С. 57.

<sup>2</sup> *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб., 1888. С. 8—9.

хранял свою независимость... С этих пор в течение пятнадцати лет он оставался всегда дорогим гостем нашего дома. В разговорах с глазу на глаз Папа любил противоречия, даже охотно вызывал на них, и он особенно любил свободную манеру Киселёва в разговорах»<sup>1</sup>.

Беседа с Киселёвым о его отчёте по делам управления в Дунайских княжествах, Николай вдруг заметил:

— Меня особенно заинтересовало одно место: это то, в котором ты говоришь об освобождении крестьян; мы займёмся этим когда-нибудь; я знаю, что могу рассчитывать на тебя, ибо оба мы имеем те же идеи, питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают и который их пугает.

Затем Николай указал на заполненные папки-«картонками» полки его кабинета:

— Здесь я со вступления моего на престол собрал все бумаги, относящиеся до процесса, который я хочу вести против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи...

В воспоминаниях, написанных в 1864 году, Киселёв добавляет детали к картине этой встречи: «При вечернем разговоре... Император Николай Павлович изволил мне сказать, что занимаясь подготовлением труднейших дел, которые могут пасть на наследника, он признаёт необходимейшим *преобразование* крепостного права, которое в настоящем его положении более остаться не может. “Я, — продолжал Государь, — говорил со многими из моих сотрудников и ни в одном не нашёл прямого сочувствия; даже в семействе моём некоторые (Кон-

<sup>1</sup> Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 207.

стантин и Михаил Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на то, я учредил комитет из 7 членов, для рассмотрений постановлений о крепостном праве. Я нашёл противодействие... Я вижу, ты этим делом занимался и тем положил основание к будущему довершению этого важного преобразования; помогай мне в деле, которое я почитаю должным передать сыну с возможным облегчением при исполнении, и для того подумай, каким образом надлежит приступить без огласки к собранию нужных материалов и составлению проекта или руководства к постепенному осуществлению мысли, которая меня постоянно занимает, но которую без доброго пособия исполнить не смогу.. Я неопытен, но твёрдо уповаю на *внушение* Всевышнего, который нас просветит и направит”».

Киселёв был настолько впечатлён этим разговором, случившимся «в минуту откровенности» государя, что запомнил и день, и время беседы: 9 мая 1834 года, между половиной девятого и десятью часами вечера<sup>1</sup>.

Ещё через два года Николай сказал Киселёву: «Ты будешь мой начальник штаба по крестьянской части»<sup>2</sup>.

О том же самом в отчёте за 1834 год указывало информационно-аналитическое ведомство Бенкендорфа: «В 1834 году было много примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все такие случаи... происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу.. Могут явиться неблагоприятные обстоятельства: внешняя война, болезни,

---

<sup>1</sup> *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф Киселёв и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 2, 208—209.

<sup>2</sup> Там же. С. 13.

недостатки; могут явиться люди, которым придёт пагубная мысль воспользоваться сими обстоятельствами ко вреду правительства и тогда провозглашением свободы из помещичьего владения им легко будет произвести великие бедствия. Благомыслящие люди ожидают, что бдительное правительство наше не упустит из вида сие важное для спокойствия России обстоятельство. Они понимают всю трудность дела и с какою крайнею осмотрительностью надлежит в сём случае действовать, дабы не возбудить пагубного между крестьянами волнения, ибо крестьянин наш не имеет точного ещё понятия о свободе и волю смешивает со своевољством... Впрочем, высшее наблюдение имело обязанность указать лишь на сие обстоятельство, важное для будущего счастья России; но какими мерами может быть достигнута благотворная цель уничтожения крепостного права, это подлежит уже соображениям мудрого правительства»<sup>1</sup>.

«Какими мерами» не знало тогда не только «высшее наблюдение» Бенкендорфа. Средства для улучшения состояния крестьянства ещё надо было изыскать. Так в марте 1835 года и появился «Секретный комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» во главе с одним из самых добросовестных высших чиновников — графом Илларионом Васильевичем Васильчиковым. Комитет выработал общую политику по отношению к разным категориям крестьян — «установление для крестьян верного и со всею осторожностью размеренного перехода от одной степени на высшую и, так сказать, нечувствительного возведения их от состояния крепостного до состояния

---

<sup>1</sup> Россия под надзором. 1827—1869. М., 2006. С. 116—117.

свободы», — но разрабатывать конкретные шаги не торопился. Для членов Комитета «поспешность, необдуманное распоряжение и даже одно имя свободы, рано произнесённое, могут иметь последствия гибельные»<sup>1</sup>.

Тем не менее Киселёв добился признания идеи «двуединой» реформы крестьянства, которую наметил ещё Сперанский в Комитете 6 декабря. Сначала государство должно было провести обустройство подчинённых ему государственных крестьян (а это почти 40 процентов всех крестьян России), а затем, используя полученный опыт, обустроить и владельцев частных крестьян по испытанным образцам.

А между тем осведомлённое «высшее наблюдение» графа Бенкендорфа продолжало предупреждать: «Весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же». Третье отделение приводило «мнение людей здравомыслящих» о необходимости подготовки отмены крепостного состояния. «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, — докладывал Николаю Бенкендорфу, — и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться пока начнётся снизу от народа. Тогда только мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, с этим все согласны»<sup>2</sup>.

На проведение реформы государственных

---

<sup>1</sup> *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб., 1888. С. 22—23.

<sup>2</sup> Россия под надзором. 1827—1869. М., 2006. С. 202—203.

крестьян ушли 1837—1841 годы. Казённые крестьяне получили больше свободы в местном самоуправлении, Киселёв был пожалован графским титулом и награждён высшим орденом Святого Андрея Первозванного. Теперь он стоял во главе Министерства государственных имуществ, созданного императорским повелением специально для его проекта.

Увы, в самом проекте реформы содержались противоречия, обусловившие в дальнейшем её изъяны. Принцип расширения крестьянской правоспособности соседствовал с принципом казённого попечительства, и постепенно бюрократическая опека взяла верх над движением к гражданской свободе. Чиновничье бремя над государственными крестьянами не ослабло, а усилилось. 20 января 1843 года Николай читал в ежегодном отчёте «высшего наблюдения»: если «прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трёх заседателей», то «ныне на счёт крестьян живут десятки чиновников». Если «прежде правосудие, или, точнее сказать, расправа шла скорее», то «теперь жалоба обиженного крестьянина, пока достигнет (если достигнет) до палаты Государственных имуществ, должна пройти через три инстанции... Таковое мытарство только разорительно для крестьянина»<sup>1</sup>. Благие намерения верховной власти — Николая, Киселёва — в очередной раз оказались бессильны против бюрократии, тех «ста тысяч столоначальников», которые, по выражению императора Николая, реально правили страной.

В деятельности киселёвского министерства и всех «Секретных комитетов» видна одна из характерных особенностей николаевской внутренней

---

<sup>1</sup> Россия под надзором. 1827—1869. М., 2006. С. 298.

политики — политики эпохи традиционных обществ: император действовал так неторопливо, будто время застыло, как Нева зимой. Николай не раз высказывал свой принцип: «Ничего наудачу не начинать, и лучше откладывать до времени, когда успех несомненен; словом, так вести дело, чтобы сделав шаг вперёд, отнюдь назад не идти»<sup>1</sup>.

Но рано или поздно нужно было переходить от государственных крестьян к владельческим. Секретный комитет, обратившийся к их положению, собрался по повелению Николая 16 ноября 1839 года. Желание императора ради всеобщего спокойствия «всё дело сохранить в совершенной тайне» привело к созданию названия-маскировки: «Комитет о повинностях в казённых имениях западных губерний». Николай потребовал от Комитета улучшить старый, 1803 года, «Закон о вольных хлебопашцах». Он хотел облегчить условия, при которых помещики могли бы — при наличии собственного желания! — освобождать крепостных. Более того, император предложил ввести для помещичьих имений «инвентари», то есть государственную опись «всех совокупных вещей, необходимых для ведения хозяйства» — первый шаг для будущего справедливого дележа имущества при планируемом «разводе» помещиков и крестьян. Высочайшая резолюция на отчёте о заседаниях Комитета гласила: «Ежели от сего будет некоторое стеснение прав помещиков, то оно касается прямо блага их крепостных людей и не должно отнюдь останавливать благой цели правительства»<sup>2</sup>.

Материалы Комитета показывают, что импе-

---

<sup>1</sup> АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. V.

<sup>2</sup> *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф Киселёв и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 312.

ратор считал тогда возможным только освобождение крестьян за выкуп и без земли<sup>1</sup>. Землю они в дальнейшем получали бы в аренду, в обмен за определённые повинности. Важнейшим основанием освобождения крестьян — объявлял Николай Комитету свою позицию — должно быть «собственное желание помещиков на увольнение крестьян». Изложив свою точку зрения, император стал ждать итогов дискуссий в Комитете. Итогом стал Указ об обязанных крестьянах 1842 года. В нём сумма векторов политических мнений сложилась в идею о том, что крестьянин может получить и землю, и волю — но только исключительно с согласия его помещика и за обязанность выполнять определённые повинности. Киселёв назвал этот указ «предисловием или вступлением к чему-нибудь лучшему или обширнейшему впоследствии времени».

Подводя итоги работы Комитета, Николай начал со ставшей знаменитой фразы: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, ещё более гибельным... Но если настоящее положение таково, что не может продолжаться, а решительные к прекращению оного меры, без общего потрясения, невозможны, то необходимо, по крайности, приуготовить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей и, не устрасаясь пред всякою переменю, хладнокровно обсудить её пользу и последствия... Всё должно идти постепенно и не может и не должно быть сделано разом или вдруг»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 122—123.

<sup>2</sup> *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф Киселёв и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 254—256.

Именно в 1842 году Николай почувствовал, насколько взаимосвязаны попытки реформирования общественного устройства страны. Как вспоминала Ольга Николаевна: «Папа непременно хотел облегчить участь солдат и дать крестьянам крепкие руки и свободный труд. Для этого он проектировал сбавить на 15 лет 25 лет солдатской службы, как это учредил Пётр Великий. Ему отвечали, что свободному солдату не место подле крестьянина ввиду того, что всё земледелие зиждется на системе барщины, которой солдат никогда не подчинится. Папа сказал Саше: “Я могу умереть со дня на день; я не хочу тебя обременять делом, которое так затруднительно и неразрешённо и к тому же тебе не по душе”. Долго обсуждали этот вопрос, пока наконец не пришли к заключению, что нужно образовать нечто вроде прусского ландвера (подготовка военнослужащих запаса. — *Д. О.*). Однако ввиду наших аграрных условий это было преждевременным решением и привело к образованию пролетариата, до тех пор неизвестного в России. Никто не хотел брать ночным сторожем или на какую-нибудь другую работу людей, которые каждый момент могли быть призваны. Громадные расстояния в нашей стране, потеря времени, вызванная необходимыми формальностями, и многое другое сделали почти невозможным для этих отпущенных на свободу людей найти себе службу»<sup>1</sup>.

К середине 1840-х годов Николай всё ещё верил, что сможет «возбудить добрую волю помещиков», что Указ об обязанных крестьянах получит широкое распространение. В 1847 году, принимая в своём кабинете депутацию смоленского дворянства, он

---

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 290—291.

объявил: «Я говорю с вами, как первый дворянин в государстве; но крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии, утвердившемся у нас почти не по праву, а обычаем чрез долгое время, не может считаться собственностью, а тем более вещью; следственно моё желание... чтобы дворянство помогло мне в этом деле, столь важном для развития благосостояния отечества нашего, постепенным переводом крестьян из крепостных в обязанные... ибо я убеждён, что такой переход должен предупредить крутой перелом». В общественных кругах передавали концовку речи Николая ещё более резкой: «Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиною, что у нас нет торговли, промышленности».

Делегаты оказались крайне смущены таким заявлением и ответили как можно более дипломатично и обтекаемо: «Как поручение наше ограничивается только изъявлением верноподданнической признательности... то и не смеем учинить что-либо в предмете столь важном от своего лица собственно, а потому испрашиваем теперь Вашего высочайшего соизволения посоветоваться, по прибытии в губернию, с губернским предводителем»<sup>1</sup>.

Насколько дворянство было подвержено увещаниям императора, понятно из скромных цифр: за всё время из тридцатимиллионной массы крепостных помещики отпустили менее двадцати пяти тысяч душ «обязанных крестьян». Ответ смоленского дворянства Николаю был верноподданническим и обтекаемым: «Дворянство... верное своему Государю, готово содействовать деятельно и усердно всеми зависящими от него средствами благотворным намерениям правительства... Если же никто из по-

---

<sup>1</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 278.

мещиков не воспользовался правом, предоставленным Указом <об обязанных крестьянах>, то на это существуют причины, от них не зависящие». Среди причин указывались «низкое нравственное и умственное состояние народа, не имеющего понятия о свободе в смысле гражданском, а понимающего его как вольность... народа, не признающего, что земля есть собственность помещиков... но убеждённого, что земля есть Божья; убеждения такие грозят гибелью государству». Дворянство считало, что предложенный императором перевод крестьян разрушит хозяйственные отношения, разорит и дворян, и самих крестьян<sup>1</sup>.

Гораздо больше радости и оптимизма было в либеральных кругах. Виссарион Белинский общал обо всей истории со смоленским дворянством в Париж Петру Анненкову (а значит, ещё и эмигрантам Михаилу Бакунину и Александру Герцену) как главную политическую новость: «В правительстве нашем происходит большое движение по вопросу об уничтожении крепостного права. Г<осударь> и <мператор> вновь и с большею против прежнего энергиею изъявил свою решительную волю касательно этого великого вопроса. Разумеется, тем более решительной воли и искусства обнаружили окружающие его отцы отечества, чтобы отвлечь его волю от этого крайне неприятного им предмета. Искренно разделяет желание г<осударя> и <мператора> только один Киселёв»<sup>2</sup>...

Анненков вспоминал, что именно тогда, в середине 1840-х годов, «крестьянский вопрос пытался впервые выйти у нас на свет из тайных пожеланий и сек-

<sup>1</sup> Там же. С. 282.

<sup>2</sup> *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12. М., 1956. С. 435, 442.

ретного канцелярского его обсуждения: составлялись полуофициальные комитеты из благонамеренных лиц, считавшихся сторонниками эмансипации, принимались и поощрялись проекты лучшего разрешения вопроса, допускались, под покровительством министерства имуществ, экономические исследования, обнаружившие несостоятельность обязательного труда, и проч. Всё это движение, как известно, продержалось недолго, обессиленное сначала тайным противодействием потревоженных интересов, прикрывшихся знаменем консерватизма, а затем окончательно смолкшее под вихрем 1848 года, налетевшим на него с берегов Сены, который опустошал преимущественно у нас зачатки благих предначертаний»<sup>1</sup>.

Предложенные Николаем «инвентари», то есть «Правила для управления именными по утвержденным для оных инвентарям», Киселёв начал аккуратно вводить в юго-западных губерниях Российской империи с мая 1847 года. Это был опыт государственного регулирования отношений между помещиками и крепостными для их возможного использования во всероссийском масштабе. «Правила» определяли количество земли, которую помещики должны были предоставлять крестьянам для работы, устанавливали размеры крестьянских повинностей...

за 1848 годъ.	
<b>НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ.</b>	
Въ 1848 году, по собраннѣмъ полнѣишю свидѣнїямъ, народонаселеніе С. Петербурга заключало въ себѣ жителей:	
Мужскаго пола.....	321,362
Женскаго — .....	157,075
Всего.....478,437	

<sup>1</sup> Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 344.

Вмешался революционный 1848 год. Он, быть может, и не охладил интереса Николая к крестьянскому вопросу, но отодвинул его на второй план. Ведь вопрос этот оставался для императора подчинённым идее прочности государственной власти, стабильности империи, остающейся опорой порядка для всей Европы — тем более среди бури европейских революций 1848—1849 годов.

В личных разговорах император по-прежнему говорил, что не желал бы умереть, не завершив этого «великого начинания», но что для этого ему нужно хотя бы десять мирных лет. «Три раза начинал я это дело, — жаловался Николай Киселёву в 1854 году, — и три раза не мог продолжать, видно, это перст Божий». Сыну Александру он скажет в том же году: «Я не доживу до осуществления моей мечты; твоим делом будет её закончить». Министр Александр Егорович Тимашев, увековеченный Алексеем Константиновичем Толстым в «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева», отвечая на вопрос: «Откуда явилась у императора Александра Второго мысль освободить крестьян?» — совершенно ясно объяснял: «Мысль эта унаследована от его державного родителя, который во всё время своего царствования имел постоянно в виду упразднение крепостного права. Император Николай своим светлым умом сознавал всю громадность этой реформы и потому считал необходимым соблюдение постепенности...»<sup>1</sup> Примечателен также и тот факт, что второй сын императора Николая, Константин, едва став председательствующим Главного комитета по крестьянскому делу, немедленно от-

---

<sup>1</sup> К истории раскрепощения помещичьих крестьян. Показания генерал-адъютанта А. Е. Тимашева // Русский архив. 1887. № 6. С. 260.

правился в Петропавловский собор — и «над могилою нашего бесценного Папа́ долго и усердно молился о ниспослании... сил свыше». Молитва «в этом святом месте», как он сам вспоминал, помогла ему собраться с силами. Это было в самый канун освобождения крестьянства, 10 октября 1860 года<sup>1</sup>.

### *Глава четырнадцатая* **ДВОРЕЦ И КОТТЕДЖ**

Жуковский удивлялся ещё в александровское царствование: насколько заметно менялось выражение лица Николая, тогда великого князя, когда он входил в покои супруги, на свою частную территорию. Там он переставал быть официальным лицом, и знаменитый николаевский огненный взгляд, — словно обжигающий подчинённых, — становился тёплым взглядом мужа и отца. «Когда за ним закрывались ворота нашего Летнего дворца, — вспоминала уже в 1830-е годы Ольга Николаевна, — все заботы государства и власти оставались позади, и он предавался только радостям семейной жизни. В то время это ещё было возможно, оттого что телеграф и железная дорога не перекрещивались с жизнью; почта из-за границы приходила только по средам и субботам, мы были ограждены от неожиданностей, которые в наше время так изнашивают нервы и характер».

На домашней половине Николай чаще всего носил любимый старый мундир без эполет, с протёршимися рукавами от работы за письменным сто-

---

<sup>1</sup> 1857—1861. Переписка Императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем. Дневник Великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 123, 272.

лом. В холодные дни кутался в старую военную шинель, ею же укрывался, когда спал на походной кровати. При этом Николай был щепетильно чисто-плотен и менял бельё всякий раз, когда переодевался. Единственная роскошь, которую император себе позволял, — шёлковые носки, к которым привык с детства<sup>1</sup>.

Два Николая будто отражены в двух архитектурных шедеврах царствования.

Официальный Николай — это парадный Большой Кремлёвский дворец архитектора Константина Андреевича Тона, грандиозный символ российской государственности, величественное, хотя и несколько громоздкое сооружение. В нём властвует император, «Отец Царства, Глава народа, Хозяин России, Державный домовладелец» (все эпитеты — из газеты «Московские полицейские ведомости», вышедшей в дни освящения дворца)<sup>2</sup>.

«Хотите ли вы видеть Европейского императора? — вопрошал историк Михаил Петрович Погодин. — Идите в новый Дворец: залы Андреевская, Александровская, Георгиевская, Владимирская горят как жар! Тысячи и тысячи свеч разливают повсюду чудный свет. Везде золото, серебро, мрамор, шёлк. Какие столпы, какие карнизы, какие потолки, полы, какие украшения! Что за пространства, заключённые в стенах! Взор теряется в их бесконечностях! Богатство, великолепие, сияние, слава! Придворные в блестящих мундирах, высшие чины в лентах, звёздах и крестах, военные с эполетами, аксельбантами, в шарфах, дамы в тончайших тка-

---

<sup>1</sup> Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 203.

<sup>2</sup> *Кириченко Е. И.* Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986. С. 100.

нях с длинными шлейфами... Церемониймейстеры бесконечно проходят и устраивают порядок: *pas en avant, messeurs! Je vous prie de reculer un peu! Encore, encore! De Grace, Mesdames!*<sup>1</sup> <...> Грановитая палата, оставленная в первоначальном своём виде, рядом с новыми залами, изображает разительно древнюю нашу историю сравнительно с новой. Это их прародительница. Под этими тяжёлыми сводами, в этих твёрдых, глубоко в земле, до материка проложенных основаниях, стоит древний русский престол, его же не двигнет никто, кроме Бога, пока святая милость его на нас пребывает»<sup>2</sup>. Восторг подхватывает митрополит Московский Филарет: «Любя жить общей со своим народом и царством жизнью... Государь благоволил, чтобы его дом был и царский и царственный, чтобы в нём ознаменовались Царь и Царство, чтобы это была скрижаль, или каменная книга, в которой можно читать величие настоящего и чтимую память прошедшего в назидание для будущего»<sup>3</sup>.

Освящение дворца, «златоверхое кремлёвское новоселье», свершилось в пасхальную ночь 1849 года. Многолюдный крестный ход шёл из зала в зал, в свете люстр в тысячи огней, в сиянии золота и эмали. Каждый зал и каждая комната окроплялись святой водой. «Это была одна из самых красивых, но и самых утомительных церемоний в моей жизни, — вспоминала Ольга Николаевна, — она длилась с полуночи до четырёх часов утра».

---

<sup>1</sup> Не придвигайтесь, господа! Прошу вас немного отойти. Ещё, ещё. Умоляю вас, дамы! (фр.).

<sup>2</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. СПб., 1896. С. 234—235.

<sup>3</sup> Цит. по: Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986. С. 304.

Созданный для коронаций и больших государственных праздников дворец сохранил своё высокое назначение и в советскую, и в постсоветскую эпоху. Здесь проводили партийные съезды, собирали Верховный совет, принимали Конституцию СССР и чествовали участников Парада Победы 1945 года. Сейчас это творение николаевской эпохи — парадная резиденция президента Российской Федерации.

Непросто выбрать самое показательное архитектурное сооружение царствования — на эту почетную роль могут претендовать и здание Главного штаба, и два Николаевских вокзала, петербургский и московский, и Александрийский столп в Петербурге, и храм Христа Спасителя в Москве, задуманный Александром I, одобренный Николаем I, построенный при Александре II и освящённый при Александре III...

Зато архитектурное отражение неофициального Николая — отца семейства — можно назвать совершенно определённо. Это романтический Петергофский коттедж, творение архитектора Адама Менеласа, «русского шотландца». И если нельзя заглянуть в душу Николая Павловича, то можно заглянуть в его Петергофский коттедж — и многое понять.

На уединённой окраине Петергофского парка, там, где когда-то императрица Анна Иоанновна стреляла подгоняемых егерями зверей прямо с террасы своего охотничьего «темпеля», Николай повелел в 1826 году «строить... сельский домик, или так называемый *котичь* со всеми хозяйственными заведениями, с присоединением парка». Коттедж — то есть английский загородный дом — был построен в модном для того времени «готическом» стиле, с

его романтическими представлениями о Средневековье как об эпохе рыцарей и прекрасных дам. Всё пронизано «готикой»: стрельчатые окна, арки, остроконечные фронтоны, ажурные металлические орнаменты, а внутри — мебель, часы, даже канделябры и рисунки ширм. В окнах — цветное стекло в подражание средневековым витражам. Балконы и террасы — в зелени и цветах, на площадке перед коттеджем — померанцевые деревья, вокруг — цветники и беседки. «Вид от Коттеджа представляется действительно восхитительный: впереди роскошно раскинутый парк, а далее широко расстилающийся залив моря с пароходами и белеющими вдали парусами судов»<sup>1</sup>.

Современники отмечали, что коттедж внешне привлекает не величием, но изяществом постройки, а внутри — не роскошью, а вкусом<sup>2</sup>. Морской кабинет, например, расписан академиком живописи Джованни Батиста Скотти под походный шатёр: стены и потолок будто задрапированы тканью, собранной в складки. Мебель в кабинете — только самая необходимая, в шкафах — собрание морских карт и уставов, на столе — морские приборы: компас, солнечные часы, подзорные трубы. Есть ещё «большой кабинет» со строгой рабочей обстановкой: стол, затянутый зелёным сукном, на нём — чернильные приборы, вокруг — девять стульев. На стенах — два портрета Петра Великого, столь почитаемого Николаем, картины «малых голландцев» XVII—XVIII веков, лично отобранные императором из коллекции Эрмитажа (тоже дань Петру). Остальные портреты и скульптуры в кабинете — семья Николая: родители, братья, сёстры, сыновья и

---

<sup>1</sup> *Гейрот А.* Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 121.

<sup>2</sup> Там же. С. 117.

дочери. Для семьи, а не для императора построен этот дом. Поэтому центр дома — гостиная, с часами в виде Руанского и Реймского соборов, с огромными зеркальными окнами-эркерами, а за ними и вокруг них — цветы и зелень сельского пейзажа. В гостиной, а иногда в салоне (большой приёмной, стены которой украшают романтические пейзажи; любимый художник — Айвазовский) собирается для отдыха узкий круг родных людей — не венценосцев.

В Лондоне Николай говорил одному старому знакомому:

— Вы думаете, что я счастливый человек, так как я то, что люди называют великой особой; но я вам сейчас покажу, в чём заключается моё счастье.

Император открыл шкатулку и показал миниатюрные портреты императрицы и великих княжон.

— Вот,— сказал он, — источник моего счастья: жена и дети. Может быть, этого не следовало бы говорить, но нет в Петербурге красивее девушки, чем моя дочь Ольга...<sup>1</sup>

Главное сокровище Петергофского коттеджа — его хозяйка, императрица Александра Фёдоровна. В её честь дано и официальное название этой царской резиденции — Александрия, и создан особый герб, придуманный романтиком Жуковским: «в лазоревом щите серебряная шпага с золотым эфесом, на коей венки из белых роз». «Белая роза» — «бланш флёр» — давнее прозвище императрицы по имени героини романа Фридриха де ла Мотта Фуке «Волшебное кольцо»<sup>2</sup>, романа, через столетие с лишним

---

<sup>1</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 250—251.

<sup>2</sup> Барковец О. И., Вернова И. В. Императрица Александра Фёдоровна. СПб., 2008. С. 134.

вдохновившего Дж. Р. Толкиена на создание трилогии «Властелин колец»!<sup>1</sup>

Коттедж — дом Рыцаря и его Прекрасной дамы. Именно так строились отношения Николая и его супруги с самого начала их семейной жизни. Вот как увидел эту пару в период её весёлой молодости, в 1823 году, высший свет: «В залу порхнуло прелестное существо. Эта молодая дама была одета в голубое платье и по бокам приколоты маленькими букетами мелкие алые розы, такие же розы украшали её маленькую головку; на затылке три крошечные букли, на шее крупный жемчуг. Она не шла, а как будто плыла или скользила по паркету. За ней почти бежал высокий весёлый молодой человек, который держал в руках соболью палантину и кричал ей вслед: “Шарлотта, Шарлотта, вы простудитесь!” Мы все сказали: “Какая прелесть, кто это такая? Мы будем её обожать”. Дамы сказали: “Это великая княгиня Александра Фёдоровна и великий князь Николай Павлович”»<sup>2</sup>.

Трогательную сцену, произошедшую 15 лет спустя, можно подсмотреть глазами знаменитого композитора Львова, близкого к императорской семье: «Один раз я был приглашён на вечер к императрице, и меня провели в её купальню. Эта маленькая комната, прекрасно убранная, низкий диван, камелёк, мраморная ванная, пушистый ковёр, несколько низких табуреток, одно окно и две двери, одна из которых ведёт на круглую лестницу и прямо в кабинет Государя. Вошел, я увидел на диване императрицу, у ног которой сидели три её дочери

---

<sup>1</sup> *Grange W.* Historical Dictionary of German Literature to 1945. Scarecrow Press, 2011. P. 111.

<sup>2</sup> *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 154, 324.

и наследник. Граф Вельегорский и адъютант граф Толстой стояли у камелька. Слабый свет покрытой лампы освещал комнату. После нескольких минут императрица предложила всем петь гимн “Боже, царя храни!” вполголоса и сама начала первая. В это самое время Государь спускался по лестнице. Услыша пение, он остановился, слёзы покатались из глаз его, наконец, он вошёл, кинулся целовать жену и детей; легко можно вообразить, как мы все были тронуты до глубины сердца, видя истинное счастье семейное в доме царском, а я, конечно, более других был счастлив, что сочинил музыку, которая при подобных минутах была пета»<sup>1</sup>.

Картина запомнилась, потому что была необычной для той эпохи. Даже дочь Ольга Николаевна удивлялась: «Папа, после шестнадцатилетнего брака *всё ещё* влюблённый в Мама... » А это «*всё ещё*» видно и после тридцатилетнего брака — хотя бы за короткими строками телеграмм. Вот три послания Николая императрице из Варшавы в Петербург — а за ними целая история:

24 июня 1849 года, 4 часа 30 минут утра: «Нетерпеливо ожидаю твоего известия — здорова ли ты?»

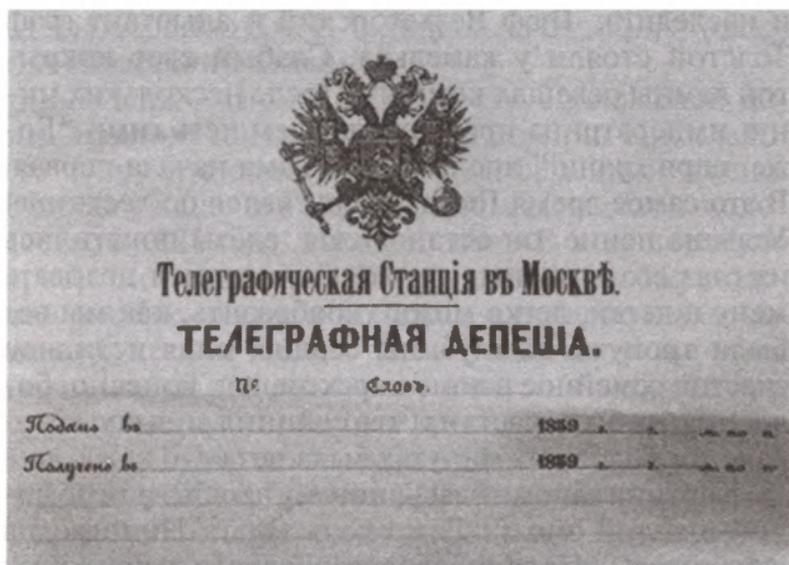
24 июня, 1 час 30 минут пополудни: «От тебя ничего не получаю. Здорова ли ты? Я крайне беспокоюсь».

Наконец, в 6 часов 30 минут вечера, облегчённо: «Я мысленно был с вами за семейным столом и всех обнимал»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Божеянов И. Н.* Жизнеописание императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая Первого. СПб., 1898. С. XVI—XVII.

<sup>2</sup> Делши императора Николая I императрице Александре Фёдоровне и наследнику цесаревичу в 1849 году // Русская старина. 1896. № 6. С. 594—595.



1851 год: «всё ещё», увиденное Модестом Корфом. 24 сентября Николай неожиданно рано вернулся в Царское Село из инспекционной поездки (преодолевая до 480 вёрст в сутки). Император прямо в дорожном сюртуке вошёл в столовую, где уже уселось обедать его семейство. Тут же «императрица вспорхнула, точно птичка, с своего места, и все мы, разумеется, тоже выскочили из-за стола. Пошли семейные объятия, расспросы, точно в частном быту; прибежали немедленно и дети цесаревича и повисли на шее у дорогого дедушки... Впервые случилось мне быть свидетелем такой фамильной сцены в царственном доме, и перед величественною простотою этой картины я едва мог удержаться от слёз»<sup>1</sup>.

Фрейлина Анна Фёдоровна Тютчева устроила царскому роману жёсткий психологический ана-

<sup>1</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 558.

лиз: «Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами... Для императрицы фантастический мир, которым окружило её поклонение всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, весёлых вилл, мир зрелищ и феерических балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантазмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шёлка, кружев и блестящих безделушек существует реальный мир, существует нищая, невежественная, наполовину варварская Россия, которая требовала бы от своей государыни сердца, активности и суровой энергии сестры милосердия, готовой прийти на помощь её многочисленным нуждам... Культ, которым император Николай, а по его примеру и вся царская семья, окружил её, создал вокруг неё настоящий престиж. Кроткая и скромная по натуре, она всё-таки была императрицей, и казалось законным окружать её преданностью, почестями и вниманием, которые император первым спешил ей оказывать»<sup>1</sup>.

Фрейлина слишком категорична. Передавая общую картину, она ошибается в деталях. Например, придумывает неведение Александры Фёдоровны относительно «иной» России. Императрица унас-

---

<sup>1</sup> Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. С. 50—51.

ледовала от Марии Фёдоровны заведование благотворительными заведениями и, сверх того, втайне от окружающих, ежегодно тратила две трети из своих личных сумм на пенсии и пособия неимущим<sup>1</sup>.

Желание Николая защищать свою супругу усиливалось тем обстоятельством, что она была одной из жертв 14 декабря: именно в тот день нервная система императрицы получила сильнейший удар, от которого она до конца не оправилась. Преподаватель Константина Николаевича Август Теодор фон Гримм запомнил «конвульсивные спазмы лица и подёргивание головой», нарушавшие величественность и красоту Александры Фёдоровны<sup>2</sup>.

Болезненность и чрезмерная худоба императрицы воспринимались современниками совершенно по-разному. Приближёнными — с тайным сочувствием. А вот разудалый поэт Тарас Шевченко в 1844 году позлорадствовал на эту тему. В поэме «Сон» он будто бы встречается «с тощей, тонконогой. / Словно высохший опёнок, / Царицей убогой, / А к тому ж она, бедняжка, / Трясёт головою. / Это ты и есть богиня? / Горюшко с тобою...»<sup>3</sup>. Поэма была обнаружена в бумагах поэта после его ареста, рядом с альбомом, содержащим непристойные рисунки, и Николай её прочитал.

История дошла до столичного общества. Критик Виссарион Белинский сообщал Петру Анненкову о том, что Шевченко «написал два пасквиля — один на государя императора, другой — на государыню императрицу. Читая пасквиль на себя, государь хо-

<sup>1</sup> *Божерянов И. Н.* Жизнеописание императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая Первого. СПб., 1898. С. XII.

<sup>2</sup> Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. By A. Th. Von Grimm. Vol. 2. Edinburgh, 1870. P. 145.

<sup>3</sup> Перевод с украинского В. Державина.

хотал, и, вероятно, дело тем и кончилось бы, и дурак не пострадал бы, за то только, что он глуп. Но когда государь прочёл пасквиль на императрицу, то пришёл в великий гнев, и вот его собственные слова: “Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но её-то за что?». Неужели за то, что императрица внесла свои деньги на покупку хрестоматийного портрета Жуковского, продажа которого в Аничковом дворце на лотерее среди царской семьи принесла деньги, на которые крепостной Шевченко был выкуплен на свободу? По приговору следственной комиссии Шевченко был определён рядовым в Оренбургский корпус с резолюцией Николая I: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать». Властитель дум Белинский согласился: «Мне не жаль его, будь я его судьёю, я сделал бы не меньше»<sup>1</sup>.

В те годы, как вспоминала Ольга Николаевна, «здоровье Мама́... трепетало как пламя свечи, грозящей погаснуть». Николай, относившийся к собственным надобностям весьма сдержанно, на здоровье супруги не экономил. В 1845 году он отправил императрицу на долгое лечение в Италию, в Палермо. Тогда по его указанию русское посольство в Неаполе сделало всё, чтобы Александра Фёдоровна чувствовала себя как дома. «...из России выписали печи и печников, которые их ставили, русские пекари выпекали наш хлеб, ничто не должно было напоминать Мама́, что она вдалеке от России, — писала сопровождавшая матушку Ольга Николаевна. — У нас были православная часовня и священник, дьякон и певчие с Родины. Если бы не солнце и то неопишуемое чувство счастья, которое охватывает нас,

<sup>1</sup> *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12. М., 1956. С. 439.

людей севера, при виде моря, света и синевы, можно было бы думать, что мы дома»<sup>1</sup>.

В необыкновенно трепетном отношении Николая к хрупкому здоровью супруги, как это ни парадоксально, кроется причина самого знаменитого «побочного» романа императора.

В октябре 1832 года Александра Фёдоровна родила Николаю четвёртого сына, последнего их ребёнка. Он получил имя младшего из Павловичей — Михаил. Тревоги, предчувствия и переживания накануне этого события были столь сильны, что попали и в светские дневники, и даже в ежегодный отчёт Третьего отделения<sup>2</sup>. Тогда всё обошлось, но каждая следующая беременность могла стать для императрицы роковой, и врачи запретили ей рожать, что для религиозного человека исключало интимную жизнь. Вскоре после этого в жизнь Николая вошла и навсегда в ней осталась молодая Варенька Нелидова, дочь сенатора, племянница той Нелидовой, Екатерины, фаворитки императора Павла.

Бедную сироту, младшую из пяти сестёр, Вареньку в свет вывозили редко. Одним из таких выездов стал зимний бал-маскарад, завершавший череду празднеств накануне Великого поста. (Ровно в полночь Николай подавал сигнал, и трубач трубил отбой: танец прекращался «даже посреди фигуры котильона».) На этот бал Николай по традиции являлся как бы инкогнито, давая возможность

---

<sup>1</sup> Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 248—249.

<sup>2</sup> Россия под надзором. М., 2006. С. 87. В 1832 году Александре Фёдоровне было 34 года; её любимая матушка, прусская королева, скончалась именно в этом возрасте.

окружающим говорить с ним откровенно, будто с «незнакомцем». Особенно императору хотелось узнать о том, «о чём он даже не подозревал, в том числе и о недостатках, которые он мог устранить, и о необходимости кому-то помочь и даже облегчить чью-нибудь участь».

— Какое сходство между маскарадом и железной дорогой? — спросила как-то Николая некая дама.

— Они оба сближают, — не раздумывая, ответил император<sup>1</sup>.

Однако прямолинейные дамские попытки «заигрывать» Николай пресекал по-солдатски грубо. В мемуарах Модеста Корфа сохранилось описание такой сцены на маскараде. Некая «маска» подошла к государю:

— А я вас узнала! А вы, вы знаете, кто я? — кокетливо, с тайной надеждой, что император полюбопытствует, что за храбрая красавица раскрыла его инкогнито, завела разговор незнакомка.

Но в ответ прозвучало:

— Знаю!

— Ну и кто же?

— Дура! — И Николай отошёл прочь<sup>2</sup>.

С Нелидовой случилось совсем не так. Оказавшись рядом с императором, она заинтриговала его рассказами о... его собственной юности. Император захотел узнать, что за осведомлённая незнакомка скрывается под маской и откуда она столько знает. После танцев выяснилось, что зовут незнакомку Варвара Аркадьевна и что её тётушка Екатерина Ивановна, которой в то время было сильно за семьдесят, дружила некогда с Марией Фёдоровной. Она-то и порассказала племяннице о придворной

---

<sup>1</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 209.

<sup>2</sup> Там же. С. 535.

жизни ушедших времён. Варенька понравилась и Александре Фёдоровне, была приглашена ко Двору и стала фрейлиной.

«Она была похожа на итальянку со своими чудными тёмными глазами и бровями. Но внешне она совсем не была особенно привлекательной, производила впечатление сделанной из одного куска. Её натура была весёлой, она умела во всём видеть смешное, легко болтала и была достаточно умна, чтобы не утомлять. Она была тактичной, к льстецам относилась как это нужно и не забывала своих старых друзей после того, как появилась ко Двору. Она не отличалась благородством, но была прекрасна душой, услужлива и полна сердечной доброты... Женщины такого типа нравились деловым мужчинам, как так называемые “душегрейки”».

Постепенно Николай стал всё чаще захаживать к Вареньке после прогулки — пить чай. Начал называть её просто «Аркадьевна». С Нелидовой ему было интересно и весело. Ольга Николаевна вспоминала: «Она рассказывала ему анекдоты, между ними и такие, какие никак нельзя было назвать скромными, так что Папа смеялся до слёз. Однажды от смеха его кресло опрокинулось назад. С тех пор кресло это стали прислонять к стене, чтобы подобного случая не повторилось...»<sup>1</sup>

Шло время, и Нелидовой уже не приходилось по нескольку раз в день пересчитывать 80 ступенек, ведущих из царских покоев в узкий «фрейлинский коридор» на третьем этаже Зимнего дворца. Её переселили на «нижний этаж» Зимнего, туда, где занимали почётные апартаменты графиня Тизенгау-

---

<sup>1</sup> Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 248—249.

зен (камер-фрау Александры Фёдоровны), графиня Баранова (воспитательница детей и внуков императора) и несколько любимых фрейлин императрицы. «Аркадьевна» надела «форму» камер-фрейлины, высшего женского придворного звания, на которое могла рассчитывать: бархатное зелёное с белым платьё, на груди с правой стороны — портрет императрицы, украшенный бриллиантами.

При Дворе трудно скрыть личные отношения, и симпатия Николая к Нелидовой вскоре стала предметом общего обсуждения. Графиня Нессельроде, к примеру, писала своему сыну: «Государь с каждым днём всё больше занят Нелидовой, у которой такое злое выражение лица. Кроме того, что он к ней ходит по нескольку раз в день, он и на балу старается всё время быть близ неё. Бедная императрица всё это видит и переносит с достоинством, но как она должна страдать».

Постепенно двор начал понимать всю необычность такого «треугольника». По словам фрейлины А. Соколовой, «эта связь не могла быть поставлена в укор ни самому императору, ни без ума любившей его Нелидовой... Нелидова искупала свою вину тем, что любила государя всеми силами своей души, не считаясь ни с его величием, ни с его могуществом, а любя в нём человека. Императрице связь эта была хорошо известна...

Она, если так можно выразиться, была санкционирована ею...»<sup>1</sup>.

Александра Осиповна Смирнова-Россет отмечала, что в качестве фаворитки Николая Нелидова «очень умно себя ведёт и очень прилично»<sup>2</sup>, а однажды схвати-

---

<sup>1</sup> Соколова А. Император Николай Первый и «васильковые дурачества» // Исторический вестник. 1910. Т. 119. №. 1. С. 110.

<sup>2</sup> Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 11.

лась в споре со славянофилом Иваном Аксаковым, отстаивая право императора «не только любить Вареньку Нелидову, но и сделать её своей любовницей»<sup>1</sup>.

Очень немногий круг людей знал об отношениях Николая и Варвары Нелидовой. Никакой борьбы партий за влияние на императора, столь свойственной придворному фаворитизму, при Николае быть просто не могло. Это было его личное дело. Его и, отчасти, императрицы. Многие, даже всеведущие, фрейлины долго довольствовались лишь слухами об этом романе.

Нелидова «тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным её... Она была увлечена чувством искренним, хотя и греховным, и никто даже из тех, кто осуждал её, не мог отказать ей в уважении, когда на другой день после смерти императора Николая она отослала в “Инвалидный капитал” те 200 000 р., которые он ей оставил по завещанию, и окончательно удалилась от света, так что её можно было встретить только в дворцовой церкви»<sup>2</sup>. Нелидова хотела навсегда покинуть Зимний дворец, и лично Александр II, по договорённости с матушкой, уговорил её остаться. Варвара Аркадьевна иногда приходила к Александре Фёдоровне почитать — когда та оставалась совсем одна<sup>3</sup>.

Варвара Аркадьевна доживёт почти до конца века, до 1897 года. На её похороны придёт младший сын Николая Михаил, чьё рождение в 1832 году так сильно повлияло на личную жизнь императора.

---

<sup>1</sup> Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 422.

<sup>2</sup> Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. С. 36.

<sup>3</sup> Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Император Николай Первый. М., 2002. С. 489.

*Глава пятнадцатая*  
**«ДО СТЕН НЕДВИЖНОГО КИТАЯ»**

В «Прибавлении» к газете «Северная пчела» от 1 апреля 1830 года Фаддей Булгарин написал: «Говорят, что Пётр Первый составил карту земного шара и разделил её не на четыре известные тогда части света, но на пять: пятая — была Россия. Мысль гениальная: почитать Россию выходящей из границ всех других обыкновенных государств, совершенно оправдывается огромностью, многообразием и историей России».

У «огромности и многообразия» была и обратная сторона, суть которой передал знаменитый генерал Яков Петрович Кульнев: «Люблю Россию! Хороша она, матушка, ещё и тем, что у нас в каком-нибудь углу да обязательно дерутся». В 1830-е годы Польша успокоилась (как может успокоиться вулкан), но по беспокойному южному «фронтиру» русских владений протянулась не горячая точка — целая «горячая полоса» пограничных конфликтов. Постепенно они разрослись до Кавказской войны, ставшей неотъемлемой частью николаевской (и пушкинской, и лермонтовской) России.

Адрианопольский мир 1829 года передал под юрисдикцию России бывший оплот восточной работорговли: Черноморское побережье Кавказа, край, считавшийся в России «диким». Но юрисдикция вовсе не означала контроля. Горцы Северо-Западного Кавказа раньше не считали себя подданными султана; не стали они считать себя и подданными «белого царя». Когда генерал Николай Николаевич Раевский (сын героя Отечественной войны 1812 года) пытался объяснить старейшинам племени шапсугов, что турецкий султан подарил их земли рус-

скому царю, слушавший его старик-горец показал на вспорхнувшую с дерева птичку и сказал: «Дарю тебе её. Возьми, если можешь».

Практически одновременно на Северо-Восточном Кавказе, в Дагестане, чьи феодальные правители формально признавали верховную власть императора, разгорелась настоящая гражданская война. Религиозный лидер Кази-мулла, первый имам Дагестана, призывал считавшегося представителем русского царя шамхала Тарковского (генерала русской службы): «Перестань быть дружным с недостойным русским народом, беспутным и сбивающим других с пути истины; старайся удалить их от наших владений и по мере возможности очистить от них мусульманский край; когда Всевышний Бог наденет на тебя халат чести и величия и утвердит твоё владычество, доколе не совратишься с пути истины»<sup>1</sup>.

Николай прекрасно понимал, что в деле управления многочисленными и весьма несхожими национальными окраинами империи император должен опираться на своих доверенных представителей. Его политика на Кавказе характерна таким подходом. Подбор и поиск доверенных людей, способных встать во главе наместничеств, и наделение их весьма широкими полномочиями — вот принцип, помогавший Николаю справляться с делами империи. Вверяя наместникам управление окраинами, император их инструктировал: «Твёрдая и неперменная воля Моя состоит в том, чтобы верно-подданные Мои, ограждённые законами и учреждениями в общественном, как и в домашнем быту их, воспользовались в самом деле всеми благами

<sup>1</sup> Движение горцев Северного Кавказа в 20—50 гг. XIX века. Махачкала, 1959. С. 106.

последствиями Моих попечений и дарованного им промыслом Всевышнего счастья принадлежать к составу обширного царства Русского»<sup>1</sup>.

Как уже говорилось, «проконсул Кавказа» Ермолов был сменён в ходе персидской войны. Место его занял самый доверенный человек Николая Павловича — Иван Фёдорович Паскевич. Именно ему Николай объяснил цель своей политики: «успокоение Кавказского края и обеспечение оно́го от набегов и грабежей горских хищников»<sup>2</sup>. Едва закончилась турецкая война, император инструктировал наместника: «Славный мир положил конец подвигам армий наших... Кончив таким образом одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»<sup>3</sup>. Это «истребление непокорных» Николаю поминают до сих пор, однако более подробное рассмотрение его инструкций показывает, что главной целью имперской политики была совсем другая. «Цель сия... — пояснял император Николай, — заключается в приобретении границ безопасных со стороны азиатских соседей наших, с тем и средств к большому развитию народной торговли и промышленности. <...> Все частные распоряжения, относительно того края принимаемые, должны клониться к упорочению приобретённых выгод, посредством усмирения полудиких племён Кавказа, постепенного введения как между ними, так и вообще во всём

---

<sup>1</sup> АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 23.

<sup>2</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 3. СПб., 1891. С. 244.

<sup>3</sup> Движение горцев Северного Кавказа в 20—50 гг. XIX века. Махачкала, 1959. С. 58.

Кавказском крае гражданского устройства, раскрытия всех источников промышленности и торговли для обоюдной пользы вновь приобретённых земель и собственно империи так, чтобы со временем первая связывалась с последнею взаимными выгодами и нуждами, представляли единое целое без всяких следов насильственного присоединения»<sup>1</sup>.

Паскевич очень скоро умчался выправлять критическое положение в Польше, а его преемники, к сожалению императора, никак не могли «умиротворить» Северный Кавказ. Верные России феодалыные правители Дагестана теряли своё влияние, вместо них авторитет приобретал независимый религиозный и военный лидер горцев имам Шамиль. К 1837 году ситуация стала настолько критической, что император предпринял большую поездку на Кавказ. Он был впечатлён самим краем, величием его природы и глубиной его исторических истоков (в монастыре у подножия Арарата ему показывали реликвию — кусочек дерева от Ноева ковчега). Но ещё больше император был потрясён открывшейся ему картиной злоупотреблений. Тогдашний наместник, барон Розен, проявил недостаток воли и государственного ума и, по прямому признанию Николая в письме Паскевичу, «был всеми поставлен в дураки». Чиновники и местные правители безнаказанно и бесконтрольно «грабили до крайности; эта зараза своекорыстия достигла и военную часть до невероятной степени». Особенно «отличился» командир Эриванского полка князь Дадиани, зять Розена. Солдаты работали на него, как крепостные. Раздражённый Николай прямо на разводе в Тифлисе повелел сорвать с Дадиани эполеты и флигель-

<sup>1</sup> Движение горцев Северного Кавказа в 20—50 гг. XIX века. Махачкала, 1959. С. 103—104.

адъютантские аксельбанты и с фельдъегерем отправить его в Бобруйскую крепость под суд.

Розен не задержался в наместниках и покинул пост под комментарий Николая: «Бедный Розен... делал по крайнему разумению, но его не переродить и порок его всё портит. Стало <быть>, себя виню, что не умел лучше выбрать»<sup>1</sup>. Удивительная параллель со словами Карамзина, подчёркнутыми Николаем в представленной ему копии «Записки о древней и новой России»: «худой министр есть ошибка государева»<sup>2</sup>.

После личной поездки на Кавказ Николай отошёл от чрезмерно жёсткой политики. Теперь он требовал от новых наместников «управлять, не изменяя ни местных законов, ни обычаев, дань требовать только ту, которая платилась прежним владельцам, и отнюдь ни в чём не обременять жителей; не требовать непременно их содействия для покорения других ближайших. Духовенству оказывать особое покровительство, лаская и награждая их и улучшивая содержание; школы, где есть, тоже покровительствовать, а где нет — устраивать их с строгим и близким надзором»<sup>3</sup>. Только в 1844 году император подобрал управителя Кавказа с достойными такого поста опытом и талантом. Это был генерал-губернатор Новороссии Михаил Семёнович Воронцов.

Этот крупный военачальник и государственный деятель за время своего управления превратил степное Причерноморье в цветущий край, а его центр Одессу — в легендарный торговый порт, четвёр-

---

<sup>1</sup> Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 3. СПб., 1891. С. 180—181.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 54 об.

<sup>3</sup> АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. V.

тый по величине город России (после Петербурга, Москвы и Варшавы). В ноябре 1844 года Николай отправил Воронцову рескрипт: «Считаю нужным избрать исполнителем Моей неперменной воли лицо, облечённое всем моим неограниченным доверием и соединяющее, с известными военными доблестями, опытность гражданского дела, в сём поручении равномерно важных...» Воронцов стал главнокомандующим войсками на Кавказе и наместником с «неограниченными полномочиями»<sup>1</sup>. И хотя умиротворение Кавказа вследствие Крымской войны и смятения-«оттепели» начала Великих реформ растянулось до 1859—1864 годов, главный шаг был сделан именно Воронцовым и в десятилетие правления Воронцова. Он привязал Кавказ к России — не столько военными действиями, сколько умелой гражданской деятельностью, направленной на культурное и экономическое развитие региона. Рескрипты Николая Воронцову в начале 1850-х годов полны благодарности. «Вы вполне оправдали мои ожидания. По части гражданской вашей неутомимой деятельностью и заботливостью сделаны весьма важные преобразования и значительные улучшения, которые должны послужить к благоустройству края и непосредственному благосостоянию всех и каждого, что составляет главнейшее моё желание», — писал Николай 30 марта 1852 года, прибавляя к благодарности присвоение князю Воронцову титула Светлости<sup>2</sup>.

В один ряд с Михаилом Семёновичем Воронцовым можно поставить назначенных Николаем Василием Алексеевичем Перовским и Николаем Николаевичем Муравьёва-Амурского. «У меня давно бродит

<sup>1</sup> АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 1.

<sup>2</sup> Там же. С. 335—336.

в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского, — писал в 1878 году Лев Толстой. — Всё, что касается его, мне ужасно интересно... Это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично... фигура — одна наполняющая картину»<sup>1</sup>.

Перовский пользовался доверием Николая, и деятельность его получала личное одобрение императора, что подтверждают полученные награды и высочайшие благодарственные письма<sup>2</sup>. Доверие императора основывалось на давней дружбе: поручик Перовский сопровождал великого князя Николая в его образовательной поездке по России и по Европе, с 1818 года был его адъютантом. «С великим князем он обращался свободно, даже слишком свободно, что в тогдaшнее время, когда члены царской фамилии ещё не дружились с простыми смертными, было явлением интересным...» — вспоминал сенатор Константин Иванович Фишер. Молодой офицер привлёк симпатии Николая и как друг поэта Жуковского, и как ветеран Отечественной войны. В Бородинском сражении Перовский лишился фаланги указательного пальца и с тех пор всегда носил на нём длинный серебряный наконечник, приделывая к нему иногда и лорнет; злоключения Перовского во французском плену стали канвой для истории плена Пьера Безухова в «Войне и мире» Толстого. На Сенатской площади Перовскому досталось поленом, брошенным из толпы ему в спи-

---

<sup>1</sup> Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 462—465.

<sup>2</sup> См.: Акъюлов А. С. В. А. Перовский — губернатор Оренбургского края: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Уфа, 2002. С. 4, 13.

ну; при осаде Варны в 1829-м он получил турецкую пулю в грудь.

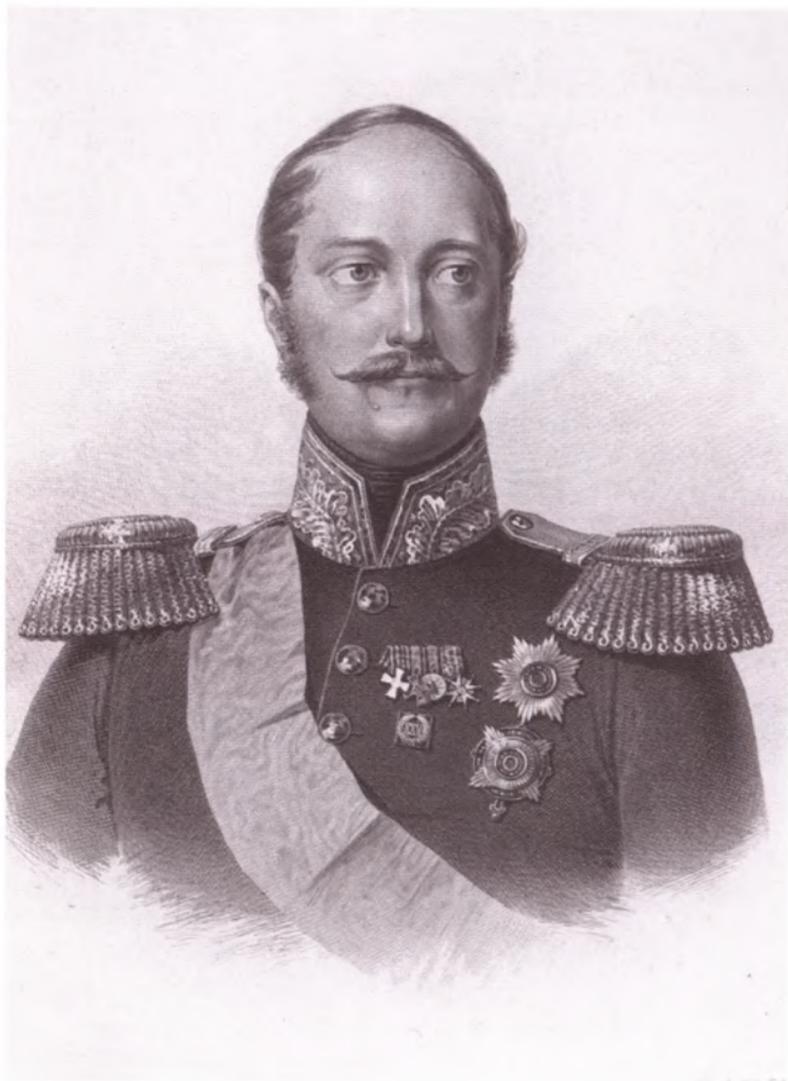
Губернатором Оренбургского края (бывшего в то время в три раза больше Франции<sup>1</sup>) Василий Перовский был назначен в 1833 году, и с этого времени историки начинают говорить о «золотом веке Оренбургского края», об «эпохе Перовского». «Граф Перовский был замечательного ума человек, — писал в «Заметках по истории Оренбургского края» генерал Иван Васильевич Чернов, служивший в канцелярии генерал-губернатора, — многосторонне образованный и знал <многие> иностранные языки... как администратор он был много лучше всех главных начальников Оренбургского края».

На киргизском пограничье, по беспокойству для империи вполне сопоставимом с кавказским, Перовский сделал первые решительные ходы той «Большой игры», которая развернётся между Россией и Британией в Средней Азии. Именно при Перовском начнут стремительно сокращаться тысячи вёрст, разделявших в 1830-е годы азиатские владения двух великих империй<sup>2</sup>. На этих тысячах вёрст господствовали Хива, Коканд и Бухара — среднеазиатские феодальные деспотии, поддерживавшие работорговлю и проводившие агрессивную внешнюю политику. Перовскому приходилось защищать не только российские территории, но живших к югу от них полузависимых от империи казахов (тогда их называли киргизами). В 1839 году Николай одобрил наступательное движение на Хиву — это было ответом на британское вторжение в Афганистан и одновре-

---

<sup>1</sup> *Бларамберг И.* Воспоминания. М., 1978. С. 206.

<sup>2</sup> *Hopkirk P.* The Great Game. On Secret Service in High Asia. Oxford Univ. press, 1991. P. 203—205.



Император Николай I



Н. М. Карамзин



С. С. Уваров

Е. Ф. Канкрин



П. Д. Киселёв





Н. А. Львов



А. Х. Бенкендорф

Николай I награждает М. М. Сперанского за составление  
Свода законов в 1833 году. *Хромофотография с рисунка*  
*А. Кивиенко. 1880 г.*





Памятник Ф. Герстнеру. *Скульптор С. Шербаков. 2007 г.*  
*Витебский вокзал. Петербург*

Николаевский вокзал в Санкт-Петербурге.  
*Архитектор К. А. Тон. 1847—1851 гг.*



П. П. Мельников



Веребинский мост  
Николаевской  
железной дороги.  
*Архитектор*  
*Д. Журавский. 1851 г.*





Символ величия Империи: Большой Кремлёвский дворец.  
*Архитектор К. А. Тон. 1838—1849 гг.*

Парад на Дворцовой площади в честь освящения  
Александровского столпа. *Литография. 1834 г.*



Фонтаны  
Петергофа.  
*Фото*  
*Н. Олейниковой.*  
«Именно  
для наследника  
придумал  
Николай  
“штурм”  
петергофских  
каскадов  
юными  
кадетами...»

Последний  
высочайший  
смотр  
Черноморского  
флота в 1849  
году. *Художник*  
*И. Айвазовский.*  
*1886 г.*





Император Николай I с императрицей Александрой Фёдоровной и сыном Константином. *Литография. 1830-е гг.*

Коттедж в Петергофе.

*Архитектор А. А. Менелас. 1826—1829 гг.*



Великие  
княжны  
Мария  
Николаевна  
и Ольга  
Николаевна.  
*Художник*  
*Т. Нефф.*  
1838 г.



Николай  
с семьёй  
на отдыхе  
в горах.  
*Художник*  
*И. Репин.*  
1907 г.





Наследник Александр  
Николаевич

Александр Николаевич  
с наставником  
В. А. Жуковским  
(слева)  
в учебной комнате





Николай I с цесаревичем Александром в мастерской художника. Картина П. Виллевальде. 1854 г.



Переход князя Аргутинского через Большой Кавказский хребет. Художник Ф. Рубо. 1892 г.

М. С. Воронцов

В. А. Перовский





Николаевск-на-Амуре

Г. И. Невельской



Н. Н. Муравьев-Амурский





А. С. Меншиков

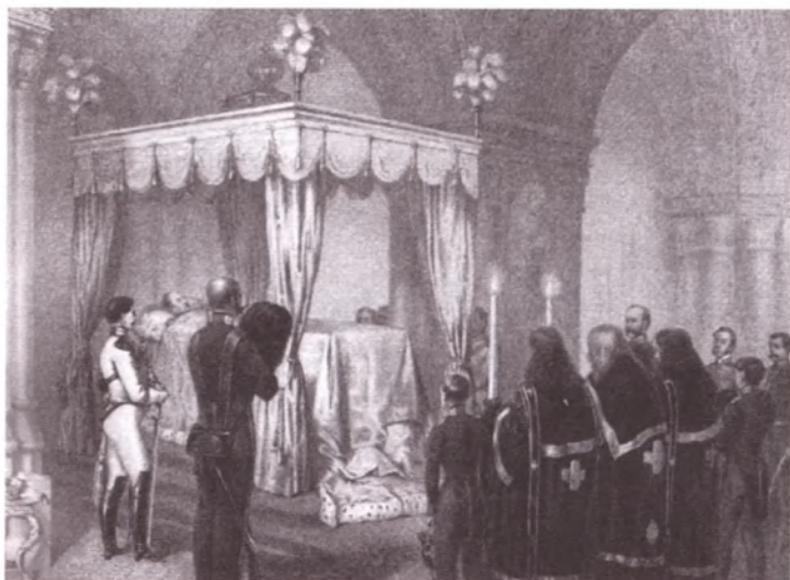
Вид  
на Севастополь.  
*Литография*  
из флорентийского  
альбома «Восточная  
война». 1856 г.





Император Николай на смертном одре.  
*Русский художественный листок В. Тимма. 1855 г.*

Церемония прощания с Николаем I.  
*Русский художественный листок В. Тимма. 1855 г.*





Памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. *Скульптор П. Клодт, архитектор О. Монферран. 1856 – 1859 гг.*

менно попыткой покончить с центром работорговли.

Солдаты пели:

Мы избавим от неволи  
Своих братьев-земляков,  
Закричим мы враз «ура» —  
Тут погибнет вся Хива...

Перовский разработал оригинальный план наступления зимой. Он хотел избежать убийственной жары — но нарвался на убийственный холод. Потеряв более полутора тысяч человек, в основном от холода и болезней, русский отряд отступил в Оренбург.

Впрочем, хивинцы вернули всех русских пленных, в том числе подобранных в степи, а хивинский хан издал фирман (указ) о запрещении не только ловить русских, но и покупать их у разбойников<sup>1</sup>.

Перовский принял всю вину за неудачу похода на себя и отправился в Петербург, чтобы объяснить с императором (при этом выхлопотал у него награды участникам похода). Он представил Николаю подробный отчёт, где подчёркивал, что всё сделанное за девятилетнее управление краем сделано во исполнение высочайшей воли: «Генерал-адъютант Перовский имеет счастье повергнуть на усмотрение Вашего императорского величества несколько удачных исполнений Высоких предначертаний Ваших: многочисленные сословия, угнетённые долговременным беспорядком, устроены; правительственные места губернии по мере возможности улучшены; полицейскими мерами обеспечена безопасность края, не раз возникавшие волнения

---

<sup>1</sup> *Косырев Е. М.* Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 345.

прекращены скоро и прочно; положено начало исследованию естественных богатств и правильному пользованию ими, приступлено к развитию промышленных средств; преобразованы военные силы; устроена линия; приобретено около 6 мил<лионов> плодородной земли; водворено спокойствие в степи; открыты дипломатические сношения с среднеазиатскими ханствами; сделаны опыты к распространению русской торговли в Туране. Но всё это есть только заря полнейшего устройства»<sup>1</sup>.

Последствия турецкой раны и недуги Хивинского похода Перовский залечивал за границей. По возвращении в Петербург он занял место в Государственном совете, но его тянуло на Восток. Однажды Николай обратил внимание на сумрачный и молчаливый вид Перовского:

- Что с тобой, Перовский? Не болен ли ты?
- Скучаю, ваше величество, по своим казакам.
- В Оренбург хочешь?
- Полетел бы хоть сейчас!

Двадцать первого марта 1851 года генерал-адъютант Василий Перовский получил рескрипт о назначении на должность генерал-губернатора Оренбургского и Самарского и командующего отдельным Оренбургским корпусом. Началось новое, на этот раз хорошо рассчитанное и успешное продвижение на юг. Русская граница продвинулась в степи на расстояние от 600 до 1500 вёрст. Казахи Большой Орды вошли в состав империи. В большой исторической перспективе это можно даже назвать, вслед за историком Андреасом Каппелером, «собираанием земель Золотой Орды»<sup>2</sup>. 22 июня 1854 года последо-

<sup>1</sup> РО РНБ. Ф. 571. Д. 13. Л. 81—82.

<sup>2</sup> *Kappeler A. The Russian Empire. Multiethnic history.* Longman, 2001. P. 186.

вал указ императора Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи<sup>1</sup>. К тому времени Перовский взял под контроль кокандскую крепость Ак-Мечеть (ставшую фортом Перовский), укрепился на Сырдарье и пустил по Аральскому морю первые пароходы. Именно Перовский, по мнению потомков, «проложил для России пути в Среднюю Азию»<sup>2</sup>.

\* \* \*

Ещё один уникальный деятель, Николай Николаевич Муравьёв, был поставлен императором в генерал-губернаторы Восточной Сибири и Дальнего Востока. Известный путешественник и этнограф Михаил Иванович Венюков, начинавший службу при Муравьёве, считал, что «для Восточной Сибири “век Муравьёва” был тем же, чем век Екатерины II для всей России и век Людовика XIV для Франции»<sup>3</sup>. «Небольшого роста, нервный, подвижный, — писал о Муравьёве Иван Александрович Гончаров, — ни усталого взгляда, ни вялого движения... Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, борющаяся с препятствиями!»

Такой непримиримый критик николаевской системы, как Михаил Бакунин, лично знавший Николая Муравьёва-Амурского, писал: «Есть в самом деле один человек в России, единственный во

---

<sup>1</sup> Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 годы). Алма-Ата, 1964. С. 407.

<sup>2</sup> П<ётр> Б<артенев>. Граф Василий Алексеевич Перовский // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 374.

<sup>3</sup> Венюков М. И. Граф Н. Н. Муравьёв-Амурский // Русская старина. 1882. № 2. С. 523.

всём официальном русском мире, который высоко себя поставил и сделал себе громкое имя не пустяками, не подлостью, а великим патриотическим делом. Он страстно любит Россию и предан ей, как был ей предан Пётр Великий. Он хочет величия и славы России»<sup>1</sup>.

Блестящий выпускник Пажеского корпуса, Муравьёв участвовал в войнах начала николаевского царствования. Он получил во время службы на Кавказе значительный опыт и пулю в правую руку (до конца жизни раненую руку приходилось время от времени нянчить на перевязи). «Солдат любил, как братьев, а они его тоже любили и уважали, а с офицерами был грубоват, требовал благоразумия и энергии, наипаче своих свитских. Терпеть не мог “точно так” и “не могу знать”».

В тридцать два года Муравьёв стал генералом, в тридцать семь был назначен губернатором в Тулу. Почти сразу же губернатор Муравьёв показал, что может управлять на грани политических возможностей. Он проводил жёсткие ревизии, боролся с истреблением лесов, стремился к расширению и обустройству торговых путей... В 1847 году император Николай получил от губернатора Муравьёва необычное обращение (так называемый «адрес»). Это была «инициатива снизу» об отмене крепостного права «без потрясений в государстве». Воодушевлённые Муравьёвым девять тульских помещиков объявили о том, что «крепостное состояние, постыдное, унижительное для человечества, не должно быть терпимо в государстве, ставшем наряду со всеми Европейскими государствами, заслуживающее справедливый упрёк всего образованного

---

<sup>1</sup> Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828—1871. В 5 т. М., 1935. Т. 4. С. 305.

мира»<sup>1</sup>. Император, как вспоминают современники, «был очень доволен, но повелел продолжать дело с крайней осторожностью и прежде всего добиться большего числа помещичьих подписей под адресом; а как таковых собрать не удалось, то дело кануло в воду». Только государь не забыл «либерала и демократа», то есть попросту «благородного, чело­веколюбивого губернатора»<sup>2</sup>.

Император встретился с Муравьёвым во время очередной инспекционной поездки по России. Судьбоносная встреча произошла под Тулой, в селе Сергиевском, в семь утра (вполне рабочее время для императора). Николай неожиданно «в самых лестных выражениях» объявил губернатору, что видит его блестящую будущность в краю, где дел невпроворот (и нет проблемы крепостного права) — в Восточной Сибири. К тому времени об этом крае уже начинали думать не только как о гигантском ледяном подвале России. Император Николай предложил отменить ссылку в Сибирь: на рапорте томского губернатора высочайшей рукой начертано: «Рассмотреть, нет ли возможности вовсе прекратить ссылку в Сибирь, оставя сие для одних только каторжных»<sup>3</sup>.

Муравьёв был потрясён предложением — настолько оно соответствовало его стремлениям. «Государь заставил меня прослезиться, — писал он брату, — и, покуда он говорил мне обо мне и Сибири, я не нашёл отвечать ему ничем, кроме слёз. Таким об-

---

<sup>1</sup> Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы для биографии. М., 1891. Т. 2. С. 23.

<sup>2</sup> Венюков М. И. Граф Н. Н. Муравьёв-Амурский //Русская старина. 1882. № 2. С. 524.

<sup>3</sup> Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 286.

разом, исполнились все мои живейшие желания: я на поприсе огромном и вдали от всех интриг и пересуд высшего общества и света, — убеждён в неизменности благосклонного ко мне расположения Государя, которое сохранить сумею, если только Бог даст здоровья»<sup>1</sup>.

Свои планы Муравьёв изложил во всеподданнейшем докладе от 8 января 1848 года. Главными он обозначил заботы «об обустройстве ссыльных; о частной золотопромышленности; о выгоднейшем для казны устройстве солеварных и винокуренных заводов; о путях сообщения вообще и в особенности около Байкальского озера; о Нерчинских заводах; об устройстве городских и пограничных казаков; о пограничной нашей линии и сношениях с Китаем; <...> о возможности распространения там православия; об удобнейшем и выгоднейшем сборе ясака; о неудобствах Охотского порта и возможности перенести порт в другое место; о средствах к улучшению сообщений с Охотским морем и Камчаткою».

Возможно, важнейшей и самой насущной стала проблема русских владений на Дальнем Востоке. В Поднебесной в то время хозяйничали англичане, силой оружия навязавшие стране постыдную торговлю опиумом. Вероятность дальнейшего расширения их колоний за счёт дальневосточных земель сильно беспокоила Муравьёва. Он буквально видел, как от английской крепости на берегу Тихого океана ползут вверх по Амуру, даже до Нерчинска и Читы, английские пароходы<sup>2</sup>. «Могу признать, — писал он в Петербург, — что кто будет владеть устья-

---

<sup>1</sup> Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М., 1891. Т. 1. С. 168.

<sup>2</sup> Там же. С. 206.

ми Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере, до Байкала, и владеть прочно; ибо достаточно иметь устье этой реки и плавание по оной под ключом, чтобы Сибирь, и более населённая и цветущая земледелием и промышленностью, оставалась неизменно данницею и подданной той державы, у которой будет этот ключ».

Муравьёв обращался к царю, говоря, что пора предъявить китайцам «виды, основанные на общих пользах обоих государств, для которых никто, кроме России и Китая, не должен владеть плаванием по Амуру...». Николай учредил специальный Комитет по вопросу об Амуре, который постановил: «...желательно, чтобы левый берег устья Амура и находящаяся против него часть Сахалина не были заняты никакою постороннею державою». Отправленная на Амур экспедиция капитана Невельского открыла, что Амур судоходен и устье его ещё не контролирует никакая держава (даже Китай). Он основал первые военные посты у устья Амура, объявив его русской территорией. Один из этих постов получил имя императора — Николаевск, будущий Николаевск-на-Амуре, благополучно переживший с крестильным именем эпоху антимонархических переименований.

Главным противником расширения русских владений стал осторожный граф Нессельроде. Глава внешнеполитического ведомства опасался обострения отношений с Западом, прежде всего с Англией. Невельского («Он поссорит нас с Европой!») предлагали судить за превышение полномочий. Для капитана это означало как минимум разжалование в матросы, «чтобы никому не повадно было делать что-либо по собственному попущению». Недовольство сибирским генерал-губернатором проявля-

ли министр финансов граф Вронченко и военный министр князь Чернышёв. На защиту вставал министр внутренних дел Лев Алексеевич Перовский, старший брат Василия Перовского. Николаю приходилось останавливать интриги высочайшей резолюцией: «Оставить дело это до прибытия в С.-Петербург генерал-лейтенанта Муравьёва».

Энергичный Муравьёв помчался через всю Россию на защиту своего дела. На решающем заседании Особого комитета ему самому грозили кары за превышение полномочий, но защитником генерал-губернатора выступил император. Именно тогда Николай произнёс знаменитую фразу: «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен».

А 20 сентября 1853 года на самой южной точке Сахалина поднялся пост, названный Муравьёвским. Первый начальник Сахалина майор Николай Васильевич Буссе описывал это так: «Матросы построились в две шеренги, и я поднял флаг. Скомандовал: шапки долой! Невельский приказал спеть молитву. Команда запела “Отче наш”, а затем спели “Боже, царя храни”, раздалось трёхкратное “Ура!”, откликнувшееся на корабле, и Сахалин сделался русским владением».

Ещё через четыре месяца, 11 января 1854 года, Николай предоставил генерал-губернатору Муравьёву право «все отношения с Китайским правительством о разграничении восточной нашей окраины вести непосредственно». Об этом был извещён и Пекин, а в штате Муравьёва появились секретарь по дипломатической части и переводчики китайского и маньчжурского языков. Император высочайше разрешил «плыть по Амуру», но подписывая своё разрешение, строго добавил: «Но чтобы и не пахло порохом дымом». Муравьёв выполнил ус-

ловие Николая. Днём 18 мая 1854 года караван русских судов с пароходом «Аргунь» во главе впервые вышел в воды Амура. «Трубачи играли “Боже, царя храни!”». Все встали на лодках, сняли шапки и осенились крестным знаменем. Муравьёв, зачерпнув в стакан воды Амурской, поздравил всех с началом плавания по Амуру; раздалось “Ура!”»<sup>1</sup>.

Венцом деятельности Муравьёва стал Айгунский мирный договор с Китаем, заключённый уже в начале царствования Александра II, в 1858 году. Общая площадь территории, отошедшей по нему к России, составила более 750 тысяч квадратных километров, а вместе с фактически занятыми Приуссурийским краем и Сахалином — более одного миллиона квадратных километров. Эти бескрайние земли Муравьёв обозревает и сейчас — внушительный бронзовый памятник смотрит вдаль с высокого берега Амура в Хабаровске.

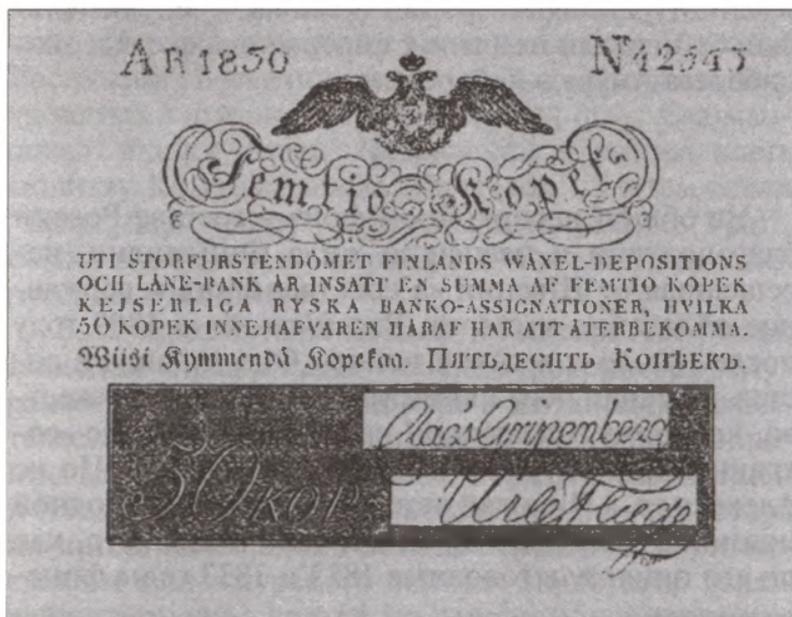
\* \* \*

На общем беспокойном фоне в составе России благополучно и неспешно жила Финляндия, перешедшая от Швеции «в собственность и державное обладание империи Российской» в 1809 году после русско-шведской войны. Она входила в состав империи как автономное Великое княжество, которому Александр I сразу дал обещание «сохранить конституцию и коренные законы». Но не Александр, а Николай остался в финской народной поэзии. Уважение к царю выросло после того, как по его приказу в голодные 1832 и 1833 годы финс-

---

<sup>1</sup> Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Т. 1. М., 1891. С. 371.

ким крестьянам выдавали денежные пособия, привозили хлеб с военных складов в Прибалтике, покупали рожь или раздавали деньги. Ещё раньше, в 1829 году, императорским указом были сняты все недоимки с малоимущих финских крестьян. «Николай Добрый столь возлюбил нас, что по своей чистой любви, по своему кроткому сердцу, послал нам много, много денег, нам, сынам Финляндии, для раздачи бедным; он хочет, чтобы люди здесь, на севере, и впредь могли жить в своих домах, чтобы казна и господа не брали у них имущества под секвестр; чтобы край наш никогда не опустел и дома наши не были распроданы...»<sup>1</sup> Николай писал тогда Паскевичу: «Как бы везде так хорошо думали, куды бы нам легко было».



<sup>1</sup> Перевод Я. К. Грота. См.: *Бородкин М. История Финляндии. Время императора Николая.* Пг., 1915. С. 683.

В те же годы был отстроен и открыт университет в Гельсингфорсе (вместо сгоревшего в 1827 году в Або), а наследник Александр Николаевич сделан его канцлером. Освящение университета в 1832 году стало национальным торжеством, с пушечным салютом и пиром с пышными тостами: «...финские музы могли вступить в свой прекрасный храм...»<sup>1</sup>

На протяжении почти всего николаевского царствования Финляндией управлял генерал-губернатор Александр Сергеевич Меншиков. «Управлял» он, находясь в Петербурге (и даже в Севастополе): число визитов потомка петровского «птенца» на вверенные ему земли можно сосчитать по пальцам одной руки. Финнам такое невмешательство было только на руку. Эпоха Николая считается эпохой пробуждения финского национального самосознания, «весной финляндской жизни»<sup>2</sup>. В 1835 году Элиас Лённрот впервые издал собранный им карело-финский эпос — «Калевалу», а в 1840-м отрывки из него напечатал петербургский «Современник».

В буйном 1848 году даже проевропейски настроенные финны признавали, что Финляндию можно сравнить с гранитным утёсом, о который разбиваются волны революционного шторма Европы<sup>3</sup>.

В нелёгком 1854 году, когда шведский король Оскар вёл переговоры с Францией и Англией о вступлении Швеции в войну против России за плату в виде Финляндии, финский профессор Эммануэль Ильмони обратился непосредственно к шведскому общественному мнению. В письме своим шведским друзьям, письме, которое предназначено

---

<sup>1</sup> Там же С. 122.

<sup>2</sup> Там же. С. XIV.

<sup>3</sup> Цит. по: *Paasivirta Juhani. Finland and Europe. The Period of Autonomy and the International Crises 1808—1914. L., 1981. P. 82.*

было стать достоянием гласности, профессор опровергал клевету о «величайших насилиях, производящихся в Финляндии русским правительством», вроде переселения целых округов вглубь империи и размещения на их месте солдатских семейств, грабежей населения войсками и т. п. «В близкой связи с приведёнными клеветами, — писал профессор, — находится другая, что Финляндия задыхается под страшной тиранией и, чтоб воссоединиться со Швецией, готова к общему восстанию. Это самое радикальное заблуждение, которое только можно себе представить. Я свято могу заверить, что Финляндия считает себя счастливою под русской властью, искренне верна и предана Государю и ни под каким видом не желает превращения в шведскую провинцию. Это довольство имеет своё естественное основание в последовательном росте благосостояния края в течение десятилетий, в спокойном и свободном отправлении религии, культа и законодательства по старому способу, в благодати продолжительного мира и твёрдой веры в благосклонность к краю Государя... Приведённое здесь мнение является общим у нас в высших общественных слоях, среди чиновников, духовенства и преподавателей»<sup>1</sup>.

Течение дел кавказских, среднеазиатских, дальневосточных не переменяло своего направления с воцарением Александра II. Разве что ускорилось. Свершения эпохи Великих реформ на окраинах империи (мир на Кавказе, продвижение в Среднюю Азию, установление границ с Китаем и оформление дальневосточных владений, возможно, и трагичес-

---

<sup>1</sup> *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Николая. Пг., 1915. С. 638—641.

кое Польское восстание 1863 года) были результатом деятельности николаевских наместников и генерал-губернаторов, подобранных и поддержанных императором Николаем Павловичем. Император был сторонником принципа «двигаться не спеша, но уверенно», он верил, что царская династия обладает обеспеченным будущим, знал, что оставит трон Александру, у которого уже подрастают свои наследники, свои Николай и Александр. Это позволяло ему в критический момент «притормозить», «подморозить» Россию в горячие годы европейских революций. Вряд ли император предполагал, что последние годы его царствования получат название «мрачное семилетие»...

*Глава шестнадцатая*  
**«ЖАНДАРМ ЕВРОПЫ»**

Александр I оставил Николаю нечто вроде «внешнеполитического завещания». Его главной заботой была безопасность Европы, в том числе и России, как её составляющей. Перед своей последней поездкой на юг в 1825-м император наставлял преемника: «В Европе повсюду революционное настроение умов. Оно проникло в Россию, хотя и притаилось. Мы должны при помощи Божественного Провидения усугубить свою бдительность и своё рвение. Государи ответственны перед Богом за сохранение порядка и благоустройства среди своих подданных. Тебе, любезный брат, предстоит довершить важное дело, начатое мной основанием Священного союза царей».

Николай трепетно относился ко всему, что счи-

тал завещанием старшего брата, и выполнял заветы Александра с особым старанием. Но при этом его личные черты и взгляды не могли не придавать своеобразия российской внешней политике. Не обладая дипломатическим даром Александра, не умея так тонко, как старший брат, вести политическую игру на европейской шахматной доске, Николай делал упор на военный авторитет России в Европе. «Прямодушие и честность — вот характеристика нашей политики» — Николай отметил эту фразу на полях учебного курса, подготовленного для чтения наследнику, и приписал своей рукой: «и нашей истинной силы» (*et notre véritable force*)<sup>1</sup>.

Прямота внешнеполитических заявлений Николая на фоне общепринятой сдержанности и утонченности европейского дипломатического языка не вызывала восторга Западной Европы. Об этом царя информировал особый внешнеполитический раздел, появившийся в ежегодных «нравственно-политических» отчётах Третьего отделения именно в 1830-е годы. Для его создания ведомство Бенкендорфа использовало зарубежную агентуру, анализировало европейскую прессу, «делало внимательные расспросы всем иностранцам, прибывающим в наши владения». Из этих источников сводилась и ложилась на стол Николая информация о недоброжелательстве к России даже в «родственной» Германии. Там сплелись и «предания старинной политики германских народов», и «зависть, внушаемая величием и силою нашей империи», и агитация против России «партии революционеров», которые «постоянно появляющимися в Англии, Франции и Германии пасквилями,

<sup>1</sup> Сборник ИРИО. Т. XXXI. СПб., 1880. С. 197.

изображая Россию самыми чёрными красками, гнусною клеветою стараются вселить к ней общую ненависть народов... Ненависть эта не может не ослабить нравственное влияние России в сношениях с другими державами»<sup>1</sup>.

Значительную роль в восприятии России, как восточной деспотии, прямо угрожающей свободе европейцев, сыграли тысячи и тысячи эмигрировавших в Европу участников Польского восстания 1830—1831 годов. Радикальный консерватизм Николая пришёлся на эпоху либерализации Европы (Июльская революция во Франции, перемена правления и парламентская реформа в Англии), для которой Россия с её приверженностью Венской системе международных отношений становилась символом «старого порядка». Это заметно повлияло на то, что «расправа над Польшей не была прощена Европой»<sup>2</sup>. В парижском особняке Ламбер князь Адам Чарторыйский, когда-то один из «молодых друзей» императора Александра I и российский министр иностранных дел, а потом председатель правительства восставших, создал «посольство несуществующего государства» и негаснувший очаг распространения неприязни к России. Это был один из центров польских эмигрантов, которые «возжигают искры восстания в Галиции и княжестве Познанском, покушаются умножить в Царстве Польском и Западных губерниях России идеи о новом мятеже и склонить в свою пользу умы значительнейших помещиков того края»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Россия под надзором. М., 2006. С. 246.

<sup>2</sup> *Schiemann T. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. III. Berlin, 1913. S. 256.*

<sup>3</sup> Россия под надзором... С. 348.

В ту эпоху Адам Мицкевич создаёт свой образ «Руси-тройки», подхваченный Александром Герценом и бытующий в литературе по сей день<sup>1</sup>:

Кибитка несётся. Жандарм кулаком  
Дубасит возницу. Возница кнутом  
Стегает наотмашь солдат, свирепея.  
Беги, или кони собьют ротозея...

Исследователь Мартин Малиа в конце XX века признал: «Вторая четверть девятнадцатого века стала веком по преимуществу очернительной западной литературы о России. Именно тогда проявились те негативные стереотипы и суждения относительно России, которые сохранились и до наших дней»<sup>2</sup>.

Символом всей этой литературы стала книга романиста и публициста маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»<sup>3</sup>. Как и многие западные и прозападные публицисты, Кюстин вроде бы целил в самодержавие, а попадал в Россию: «Прощение было бы опасным уроком для столь чёрствого в глубине души народа, как русский. Правитель опускается до уровня своих дикарей подданных; он так же бессердечен, как они, он смело превращает их в скотов, чтобы привязать к себе: народ и властитель состояются в обмане, предрассудках и бесчеловеч-

---

<sup>1</sup> *Мицкевич А.* Собрание сочинений. Т. 3. М., 1952. С. 356. Пер. В. Левина (<http://lib.rus.ec/b/37008/read>). Ср. Тимур Кибиров: «<...> Тройка мчится, тройка скачет / в рыжей жиге по весне, / злого ямщика х..... / злой фельдъегерь по спине...» См.: *Кибиров Т. Л. С. Рубинштейну // Третья модернизация.* 1988. № 7 (<http://emc2.marpl.com/tm/n7/kibirov.html>).

<sup>2</sup> *Malia Martin E.* Russia under Western Eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Harvard Univ. Press. 1999. P. 98.

<sup>3</sup> Первое полное русское издание опубликовано более полутора веков спустя. См.: *Кюстин А.* Россия в 1839 году. В 2 т. / Под ред. В. Мильчиной. М., 1996.

ности. Отвратительное сочетание варварства и малодушия, обоюдная жестокость, взаимная ложь — всё это составляет жизнь чудовища, гниющего тела, в чьих жилах течёт не кровь, а яд — вот истинная сущность деспотизма»<sup>1</sup>.

Правительство было обеспокоено поисками достойного ответа на нашумевшую книгу-памфлет. В России она была немедленно запрещена (и благодаря этому стала одной из самых читаемых в свете в сезон 1843—1844 годов). Сам император Николай, некогда принимавший де Кюстина, благосклонно беседовавший с ним, придерживался особого мнения. Он заметил, познакомившись с книгой: «Вся вина лежит только на мне, ведь я покровительствовал этому негодяю»<sup>2</sup>. Официально же было решено «взирать на всё, что публикуется о России, с совершенным равнодушием... нимало не заботясь ни о каких толках и слухах», поскольку, как заметил в том же 1839 году граф Нессельроде, «русофобия пройдёт, как прошли другие безумства нашего века»<sup>3</sup>.

Мнения частных лиц казались Николаю не заслуживающими особого внимания. В 1835 году Николай наставлял наследника Александра: «Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но *бойся своей совести*»<sup>4</sup>. Презрительное пренебрежение — вот позиция Николая по отношению и к международным, и к домашним говорунам. Характерен анекдот о пьяном мужике, буянившем в трактире. На

---

<sup>1</sup> Кюстин А. Россия в 1839 году. Т. 2. М., 1996. С. 18.

<sup>2</sup> Цит. по: Кеннан Дж. Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». М., 2006. С. 5.

<sup>3</sup> Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006. С. 259.

<sup>4</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 214.

попытку владельца урезонить его тем, что надо уважительно относиться к висящему на стене портрету государя императора, мужик ответил: «Плюю я на тебя и на портрет тоже!» Суд приговорил наглеца к жестокому наказанию, но Николай приговор не утвердил. Его резолюция была такой: «Вместо наказания сказать, что я на него тоже плюю»<sup>1</sup>.

Николай хотел показать, что он «тоже плюёт на Кюстина». Когда прусские родственники советовали: «Вам надо завести орган, предназначенный для того, чтобы опровергать ту клевету, которая, несмотря на цензуру, постоянно подымает голову», его ответ был: «Я никогда в жизни не унижусь до того, что начну спорить с журналистами». При этом император чётко определил свою позицию в этом вопросе: «Хотя я плачу презрением за все личности (то есть личные нападки. — *Д. О.*) ко мне партикулярных лиц, никогда не потерплю, чтобы в лице моём могли обижать Россию даром те, кои представляют правительство»<sup>2</sup>.

Но, даже не стремясь вступать в широкомасштабную «информационную войну» с европейским обществом, Николай готовился сразу к войне с революционной заразой. В 1833 году он поставил главную задачу политики России в Европе: «...строить оборонительную систему против революционных агитаций, направленных к низвержению всего социального порядка, основанного на положительном законе»<sup>3</sup>.

Главные опасения и позицию Николая выразил известный российский дипломат барон Бруннов в курсе лекций для наследника престола: «Оплот, об-

<sup>1</sup> Русская старина. 1898. № 7. С. 39.

<sup>2</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 468.

<sup>3</sup> Цит. по: *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 369.

разуемый Австрией и Пруссией, падёт. Борьба мнений, происходящая на берегах Рейна, перенесётся на наши собственные границы. Словом, Россия, как и в 1812 году, будет вынуждена снова схватиться с Францией; но борьба эта, можно смело сказать, будет опаснее, чем тогда. Придётся не сражаться с врагом в открытом бою, а обороняться от более страшного противника. Мы станем лицом к лицу с революционным духом, глухо подтачивающим державы самые сильные. Существенная польза России требует, чтобы мы держали его в удалении от себя посредством стран, отделяющих нас от очага революции. Поддерживать между нами и Францией нравственную преграду, состоящую из дружественных нам держав и монархий, твёрдо основанных на началах, сходных с нашими, — таков истинный и постоянный интерес России»<sup>1</sup>.

Главная надежда была на союз с дружественными монархиями. Николай добился новых соглашений между Россией, Австрией и Пруссией, восстанавливающих принципы Священного союза (созданного, напомним, после низложения Наполеона, на Венском конгрессе в 1815 году для сохранения установленного мирового порядка). В 1833 году на встрече в австрийском городке Мюнхигреце (ныне чешский Мнихов Градишт) монархи подтвердили свою готовность «поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять её там, где она слабеет, и защищать её там, где на неё открыто нападают»<sup>2</sup>. Было оговорено, что государь любого из договаривающихся государств *имеет право* (но не

---

<sup>1</sup> Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 25.

<sup>2</sup> Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 686.

обязан) *позвать на помощь* соседей в случае внешних или внутренних угроз, а соседи могут удовлетворить *или отвергнуть* просьбу «сообразно собственным интересам и обстоятельствам».

Это было важным отличием от идей 1815 года, где помощь можно было предоставлять «не спросясь»: 18 лет спустя принцип вмешательства был сильно ограничен. Кроме того, сам круг действия союза сузился: из его сферы ответственности выпали Испания, Португалия, Франция, Бельгия. Всё это приводило к тому, что Николай не имел возможности действовать в этих регионах с прежней бесцеремонностью эпохи конгрессов начала 1820-х годов. При всех симпатиях, например, к претенденту на испанский трон дону Карлосу, Николай мог оказывать ему только финансовую поддержку. Когда же встал вопрос о наведении силами французских войск порядка в Испании (где борьба за престол привела в 1830-х годах к гражданской войне), Россия выступила против этого.

Сфера интересов и ответственности трёх монархий была определена так: Австрия брала на себя охрану спокойствия на «Итальянском» полуострове. Пруссия вместе с Австрией отвечала за сохранение порядка в германских государствах. Россия брала на себя охрану Польши и Леванта (то есть Ближнего Востока)<sup>1</sup>.

«“Не тронь меня!” — в этих трёх словах выражалась вся его политика», — отмечал историк дипломатии Сергей Спиридонович Татищев<sup>2</sup>. «Россия за-

---

<sup>1</sup> *Киняпина Н. С.* Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1—2. [http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/PALK\\_OUT.HTM](http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/PALK_OUT.HTM)

<sup>2</sup> *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 26.

дирать никого не будет, но постоит елико возможно за свои права» — вот руководящий внешнеполитический принцип Николая. Тем не менее понятия «обороны», «невмешательства» носили у него заметно расширительный характер — Центральная Европа оставалась зоной жизненных интересов империи, и здесь политика вмешательства считалась продолжением самозащиты.

Так, с согласия трёх держав был сначала оккупирован (в 1836—1841 годах), а затем, в 1846 году, присоединён к Австрии вольный город Краков — для кого-то «последний осколок польской вольности», для кого-то «последний рассадник польского революционного духа», «безопасный притон для всех эмигрантов и революционеров»<sup>1</sup>. Когда в Кракове собрались польские радикальные эмигранты и инициировали восстание, три государства-владельца (Австрия, Россия, Пруссия) польских земель заняли древнюю столицу Польши, отменили там конституционное правление и окончательно передали её Австрии (тайный договор об австрийском протекторате существовал с 1835 года; «Никогда не соглашусь принять их к нам», — писал Николай Паскевичу<sup>2</sup>). Впрочем, предложение Австрии депортировать политических агитаторов — уроженцев Кракова — «в другие части света» император прокомментировал так: «На основании какого права могу я приносить их в дар другим странам, рискуя увеличить число жалких агитаторов, которые там уже имеются?»<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> *Шербаков А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 142.

<sup>2</sup> Там же. С. 143.

<sup>3</sup> *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. IV. Ч. I. Трактаты с Австриею. СПб., 1878. С. 528—529.

Пиком «оборонительно-наступательной» политики Николая стала эпоха революций 1848—1849 годов.

Уже 1 января 1848 года прозорливый австрийский канцлер Меттерних записал в дневнике: «Предстоящий год окажется самым хаотичным из всех, какие мне довелось пережить...»<sup>1</sup> Вскоре полыхнуло восстание в Сицилии, а в феврале в Париже агитационная кампания реформаторов вдруг привела к вооружённому выступлению. Парижские улицы оказались запружены полутора тысячами баррикад, национальная гвардия перешла на сторону восставших, и в три дня монархия «народного короля» Луи Филиппа рухнула.

В Россию известия о начале новой французской революции пришли 22 февраля 1848 года, в день бала у наследника, завершающего Масленую неделю. Среди разных версий самой распространённой и быстро разошедшейся по Европе стала такая:

«Залы были наполнены как блеском огней, так и блеском туалетов; взгляд на беззаботную танцующую массу людей мог породить уверенность, что находишься в вечном царстве мира и счастья. Но вдруг раскрываются двери шумной залы; взоры всех устремляются туда, и через дверь выходит на середину залы император, с сумрачным видом, с бумагой в руке, подаёт знак, музыка обрывается на полутакте, и танцующее общество... замирает в безмолвной неподвижности. После нескольких секунд боязливого ожидания услышали, как государь громовым голосом сказал: “Седлайте своих коней, господа! Во Франции провозглашена республика!”»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Рахмиров П. Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 355.

<sup>2</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 489.

В петербургском обществе показалось, что в мирную обстановку ворвался 1789 год. Этот момент Николай и счёл началом «борьбы между справедливостью и силами ада». Однако его немедленный порыв отправить армию к границам Франции был остановлен разумным доводом: у России нет таких денег, чтобы воевать в Европе. Пример антинаполеоновской коалиции, на который ссылались Николай и его любимый фельдмаршал Паскевич, не годился. Тогда деньги давала Англия, а теперь, уверяли трезвые головы, «не дадут ни гроша».

Пришлось искать компромисс между духом Священного союза и современной политической реальностью. Было решено сдерживать революционный пожар, не давая ему распространяться по Европе. «Я хотел бы оставить французов истреблять друг друга сколько им угодно, — пояснял свой отказ от агрессии Николай, — мы же должны ограничиться тем, чтобы мешать им распутаться, и подавлять всякие попытки революции в Германии»<sup>1</sup>.

Но «попытки к революции» начались в Германии ещё до того, как вести о французской революции достигли Петербурга. С той поры начинается стойкое разочарование Николая в Пруссии, «допустившей» у себя введение конституционного правления. «Старой Пруссии нет, — сетовал Николай, — она погибла невозвратно; нынешняя ни то, ни сё, она что-то переходное, а будущее ужасно. Вот моё убеждение...» Через некоторое время — ещё одно горькое признание Паскевичу: «Мы все поражены как громом. Король теперь слепое оружие демагогов, которые им ворочают, как куклою, и всё его заставят сделать, даже самое подлое»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Красный архив. Т. 4/5. 1938. С. 170.

<sup>2</sup> *Шербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1896; 1899. Т. 5. С. 394; Т. 6. С. 7.

Практически одновременно начались восстания и в Австрии. Уже 15 марта австрийский император был вынужден отправить в отставку самого пламенного европейского консерватора — Клеменса Меттерниха, человека, символизирующего Венскую систему и бывшего для Николая политическим авторитетом. «В глазах моих исчезает вместе с Вами целая система взаимных отношений, мыслей, интересов и действий сообща», — грустно писал император Меттерниху<sup>1</sup>. Вскоре бывший австрийский канцлер вообще был вынужден бежать в Англию, хладнокровно взирающую на невзгоды континентальной Европы.

Третьего апреля русский император писал английской королеве: «Среди катастроф, потрясающих общественный порядок... что ещё держится в Европе? Великобритания и Россия! Не будет ли естественным заключить, что наш тесный союз, возможно, спасёт мир?»<sup>2</sup>

Спасать мир была приготовлена 370-тысячная русская армия. Летом 1848 года она сосредоточилась у западных границ и до поры до времени ожидала развития событий. Весь 1848 год русские дипломаты терпеливо разъясняли манифест царя, истолкованный на Западе как призыв к вооружённому вмешательству. Именно так трактовались в Европе слова: «Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и не щадя себя защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших».

Министр иностранных дел Карл Нессельроде лично растолковывал европейцам, что «Россия не намерена вмешиваться в правительственные пре-

<sup>1</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 275.

<sup>2</sup> The Letters of Queen Victoria. Vol. II. L., 1907. P. 196.

образования, которые уже свершились или последуют... Пусть народы Запада ищут в революциях того мнимого благополучия, за которым они гоняются. Пусть каждый из этих народов по своему произволу избирает тот образ правления, который признает наиболее себе свойственным. Россия, спокойно взирая на таковые попытки, не принимает в них участия, не будет противиться оным; она не позавидует участи сих народов, даже если... из недр безначалия и беспорядков возникла наконец для них лучшая будущность... Не предпринимая никаких неприязненных действий, она будет бдительным оком следить за ходом событий... не станет нападать ни на кого, если на нас самих нападать не будут». Николай объясняет свои намерения Ивану Фёдоровичу Паскевичу: «...не трогая других, но и не позволяя другим трогать себя; в этом вся моя задача»<sup>1</sup>.

Такая русская политика — политика признания права наций на самоопределение — была в Европе новостью. Николай придерживался избранной однажды оборонительной тактики, очертив свою «зону ответственности»: Австрия—Пруссия—Россия.

Одна из европейских карикатур предлагала следующее видение событий. Изображены три бутылки. Первая — с шампанским. Это безумная революционная Франция. Из неё в мощном пенном фонтане вылетает пробка и вместе с ней корона, трон, король, принцы, министры и т. п. Вторая бутылка — с пивом. Это степенная Германия. Из горлышка степенно поднимается пена, вынося наружу королей, гросгерцогов, герцогов и т. п. Третья бутылка — с водкой. Крепко забитая пробка обтянута

<sup>1</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1899. С. 204.

бечёвкой, на ней казённая печать с орлом, внутри — ничто не шелохнётся, полный покой. Это Россия.

И тем не менее весной 1849 года Николай двинул русскую армию в Европу (впервые переброска части войск осуществлялась по железной дороге). Именно тогда совсем юный австрийский монарх Франц Иосиф (тот самый, что через 65 лет начнёт Первую мировую войну!) окончательно осознал критическое положение своей империи. Венгры провозгласили независимость; на их стороне сражались польские отряды, руководимые участниками Польского восстания 1831 года. Можно было ожидать всеобщего польского восстания, пламя которого с большой степенью вероятности могло бы захватить и российскую часть Польши. Поэтому Франц Иосиф, в полном согласии с соглашениями 1833 года и общим духом Венской системы, обратился за помощью к Николаю I. Николай заметил, что «не вмешался бы, ежели бы не видел в мошенниках в Венгрии не одних врагов Австрии, но врагов всемирного порядка и спокойствия»<sup>1</sup>. Он двинул в Венгрию, «на потушение мятежа», опытного главнокомандующего Паскевича. Согласно устному преданию князь получил инструкцию всего из трёх слов: «Не щади каналий!» Увы, это только предание: сохранившаяся обширная переписка Николая и Паскевича по вопросу выбора, выдвижения, снабжения русских войск показывает, как долго и подробно готовилась операция. Правда, есть и «не щади каналий» — но в тексте обширного письма от 23 апреля 1849 года<sup>2</sup>.

Летом 1849 года русская армия спустилась с кар-

---

<sup>1</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1899. С.357.

<sup>2</sup> Там же. С. 289.

патских перевалов в тыл венграм, сражающимся с австрийцами. Теряя солдат не столько от боёв, сколько от холеры, Паскевич устремился в погону за втрое уступавшими в силах повстанцами. Через два месяца венгерская армия капитулировала. Николай, получив известие о сдаче мятежников, «пал на колени и благодарил Бога за то, что Он любит православную Россию». Паскевичу он повелел воздать воинские почести, определённые уставом только императору<sup>1</sup>. Отправляя к австрийскому императору наследника Александра, Николай просил помиловать предводителя восставших — Гёргея, даже отпустить его в Россию. Николай просил простить и нижних чинов венгерской армии, и офицеров. Его просьба была исполнена частично: многие офицеры под разными предлогами были приговорены австрийцами к тюремному заключению и даже расстреляны и повешены<sup>2</sup>.

Кроме военной помощи Россия выделила Австрии субсидию в шесть миллионов рублей. Австрийская империя была спасена от казавшегося неминуемым развала, чтобы всего через пять лет «отплатить» России враждебным нейтралитетом, во многом решившим судьбу Крымской войны. Николай не мог и подумать, что уже в 1850 году австрийский премьер Шварценберг скажет: «Мы удивим мир своей неблагодарностью!»

Именно после событий 1848—1849 годов Российская империя сочла возможным относиться к Австрии и Пруссии, как к «младшим партнёрам» по Священному союзу. На их соперничество в деле объединения Германии Николай смотрел как на опасную затею, чреватую большой войной в Евро-

<sup>1</sup> Там же. С. 176.

<sup>2</sup> Там же. С. 176—178.

пе, к тому же войной между важнейшими союзниками России. Ещё летом 1848 года по распоряжению Николая граф Нессельроде написал ноту, в которой говорилось, что объединение Германии «в том виде, в котором его желала жаждающая нивелировки и территориальных расширений демократия... рано или поздно вовлечёт её в состояние войны с её соседями»<sup>1</sup>. С соседями — то есть, возможно, и с Россией. В 1849 году, ощущая политическую слабость потрясённой восстаниями Австрии, Николай признавался Паскевичу: «Всего более опасюсь я явного разрыва Австрии с Пруссией, ибо оно одно может нас скорее всего завлечь в войну.. Наша роль будет тогда сказать им: “Эй, ребята, не дурачься, а то вот я вас!”»<sup>2</sup>.

Уже в следующем, 1850 году Николай перешёл от слов к делу: личным вмешательством он предотвратил попытки Пруссии занять принадлежавшие Дании герцогства Шлезвиг и Голштейн. Ещё через год по настоянию императора всероссийского был подписан ольмюцкий прусско-австрийский союзный договор. Это на какое-то время сняло напряжение в нараставшем соперничестве двух держав за лидерство в Центральной Европе, возможно, на 15 лет отодвинуло назревавшую между ними войну, но в памяти Пруссии запечатлелось как «ольмюцкий позор». А за Россией окончательно утвердилось прозвище «жандарм Европы».

Не готовый к компромиссам, Николай отстаивал свои внешнеполитические взгляды до конца. В результате к началу 1850-х годов внешняя политика России вызывала неприязнь сразу у четырёх

---

<sup>1</sup> Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814—1878. Т. II. Ростов н/Д., 1995. С. 503.

<sup>2</sup> Там же. С. 191.

крупнейших и влиятельнейших европейских государств:

у Великобритании, соперничество с которой на Востоке (в Турции и Иране) и в Греции начинало определять ход внешнеполитических событий в ближайшие десятилетия;

у Франции, которую Николай считал заразным рассадником революции и нового монарха которой, Наполеона III, отказался признать за равного (ещё в канун 1849 года Николай признавался, что готов терпеть племянника великого императора Франции как президента, но никогда не признает его в качестве монарха, даже если дело дойдёт до войны<sup>1</sup>);

у Австрии, для которой спокойствие славянских провинций и контроль над Балканами были важнее «чувства благодарности» за 1849 год;

у Пруссии, чьим планам встать во главе объединения Германии Россия активно препятствовала.

Так круг друзей стал кольцом соседей.

### *Глава семнадцатая*

#### **«ВРЕМЕНА ШАТКИ — БЕРЕГИ ШАПКИ»**

«Мрачное семилетие». По всей видимости, так эпоху окрестил либеральный литератор Пётр Васильевич Анненков, любивший, судя по его воспоминаниям, эпитет «мрачный». Он писал, что с французской февральской революции 1848 года «начинается царство мрака в России, всё увеличивавшееся до 1855 года»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1899. С. 34.

<sup>2</sup> *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 521.

Европейские революции 1848—1849 годов вызвали состояние, названное современным историком «охранительной тревогой»<sup>1</sup>. Даже либеральный критик Виссарион Белинский «принял известие о революции 48 года в Париже почти с ужасом»<sup>2</sup>. А о «верхах» написал в дневнике Модест Андреевич Корф: «Между нашими, особенно между высшею аристократиею, много трусоватых, которым везде представляются уже возмущения, поджоги, убийства и которые нескрывтно проповедают, что каждому надобно готовиться к последнему часу и к мученической смерти»<sup>3</sup>. Князь Александр Сергеевич Меншиков, например, едва услышав о европейском возмущении, сообщил наследнику Александру о том, что и «у нас идёт явно подкопная работа либерализма»<sup>4</sup>.

Манифест Николая от 14 марта 1848 года объявил о спокойном выжидательном отношении России к европейским беспорядкам: «Не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своём и нашей Богом нам вверенной России. Но да не будет так! <...> Древний наш возглас: за Веру, Царя и Отечество и ныне преудкажет нам путь к победе и тогда... мы все вместе воскликнем: С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!»<sup>5</sup> Но современники увидели в этом манифесте желание Николая «действовать, разить, мощною своею рукой водворить снова везде порядок; ему, так сказать, стыдно и совестно за прочих монархов; а так

---

<sup>1</sup> Шевченко М. М. Конец одного величия. М., 2003. С. 142.

<sup>2</sup> Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 363.

<sup>3</sup> Шевченко М. М. Конец одного величия. М., 2003. С. 122.

<sup>4</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1997. С. 502.

<sup>5</sup> Там же. С. 498—499.

не открылось ещё ни поля, ни прямых предметов действия, то его невольно влекло по крайней мере высказаться»<sup>1</sup>.

По сравнению с революционной заразой даже холера, снова вернувшаяся в Россию, уже не казалась такой опасной. Николая больше заботил карантин нравственный ради предотвращения революционной эпидемии внутри страны. Характерно его письмо в Варшаву Паскевичу в марте 1848 года: «Здесь всё спокойно. Выезды за границу я совершенно запретил, сделай то же у себя; въезд к нам только за личной ответственностью министров и с моего предварительного разрешения, вели то же и в Польше; и в особенности прекрати свободный выезд по железной дороге»<sup>2</sup>. Паскевич отвечал, что и у него тихо: «Что мне сказать о здешних поляках? Не смеют ничего предпринять — не готовы»<sup>3</sup>.

Главным делом в борьбе за спокойствие умов стало усиление контроля над печатью. 27 февраля шеф жандармов граф Орлов сообщал доверенным лицам императора: «По дошедшим до государя императора из разных источников сведениям о весьма сомнительном направлении наших журналов, его императорское величество... собственноручно написать изволил: “Необходимо составить особый комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Комитету донести мне с доказательствами, где найдёт какие упущения цензуры и её начальства, то есть министерства народного просвещения, и которые журналы в чём

---

<sup>1</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 424.

<sup>2</sup> Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1899. С. 201—202.

<sup>3</sup> Русский архив. 1887. № 5. С. 108—109.

вышли из программы”». Комитет собрался почти немедленно. «Призванным» на него редакторам петербургских изданий было объявлено, что «за напечатание либеральных и коммунистических статей они подвергнутся личному взысканию, независимо от ответственности цензуры»<sup>1</sup>.

Со 2 апреля 1848 года этот Комитет, своего рода «цензура в квадрате», стал настолько постоянным, что пережил императора Николая. Комитет распространил свой надзор на все печатные издания. По имени его первого председателя Дмитрия Петровича Бутурлина он был назван «Бутурлинским».

Спустя годы Некрасов напишет в поэме «В. Г. Белинский»:

Но поднялась тогда тревога  
В Париже буйном — и у нас  
По-своему отозвалась...  
Скрутили бедную цензуру —  
Послушав наконец клевет,  
И разбирать литературу  
Созвали целый комитет.

По счастью, в нём сидели люди  
Честней, чем был из них один,  
Фанатик ярый Бутурлин,  
Который, не жалея груди,  
Беснуясь, повторял одно:  
«Закройте университеты,  
И будет зло пресечено!..»

Бутурлин действительно стал символом охранительного фанатизма. В разговоре с Дмитрием Николаевичем Блудовым он предлагал вырезать несколько фраз из акафиста Покрову Божьей Матери,

---

<sup>1</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 504.

написанного в конце XVII века Димитрием Ростовским (в 1757-м прославленным в лике святых), — таких как «Радуйся, незримое укрощение владык жестоких и зверонравных...» или «Советы неправедных князей разори; зачинающих рати погуби».

А однажды Комитет донёс Николаю о резком порицании московского населения в публикации «Северной пчелы», поместившей стихи, высмеявшие чрезмерно восторженный приём танцовщицы Фанни Эльсер («что ноги мечет в потолок»). В них, в частности, говорилось «О греховодница-Москва!» и т. п. На «сигнал» последовал царский собственноручный ответ: «Напечатано с моего дозволения, как полезный урок за дурачество некоторой части московских тунеядцев». «Комитет порядком погонял меня», — «жаловался» Николай Орлову<sup>1</sup>.

Впрочем, и император в профилактике революционной лихорадки иногда доходил до чрезмерности. Однажды Министерство внутренних дел разослало такой циркуляр: «Государь Император, обратив особенное внимание на чрезвычайное распространение употребления зажигательных спичек, усмотреть изволил, что при случившихся в 1848 году пожарах, истребивших в одних городах более как на 12 000 000 рублей серебром обывательских имуществ, поджигатели весьма часто совершали своё преступление посредством спичек. Вследствие сего Его императорское Величество в день 29 ноября 1848 года Высочайше повелеть изволил:

1. Чтобы заведения для выделки зажигательных спичек допускаемы были в одних столицах.

2. Чтобы продажа зажигательных спичек вразнос была вовсе запрещена.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 507—509.

3. Чтобы те из сказанных заведений, которые существуют ныне в губерниях, были закрыты через месяц...»<sup>1</sup>

Тем не менее нравственных поджигателей искали, где только возможно. Автор знаменитого словаря и собиратель фольклора Владимир Иванович Даль прокомментировал происходящее пословицей: «Времена шатки — береги шапки»<sup>2</sup>. Подозрение пало даже на столь, казалось бы, патриотичных в помыслах славянофилов. Николай одно время считал, что в их кругу «под видом участия к мнимому утеснению славянских народов таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!»<sup>3</sup>.

Понадобились основательные объяснения с видными идеологами славянофильства: Иван Аксаков давал письменные показания лично для императора — на них Николаем были сделаны собственноручные примечания и начертана высочайшая резолюция начальнику Третьего отделения графу Орлову: «Призови, прочти, вразуми и отпусти»<sup>4</sup>. Ещё одного славянофила, заподозренного в разжигании розни между прибалтийскими немцами и русскими, Юрия Фёдоровича Самарина, Николай велел продержать 12 дней в заключении (впрочем, весьма мягком, с вином, книгами, баней, питанием по желанию «откуда угодно»), потом призвал прямо

---

<sup>1</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 276.

<sup>2</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888—1910. Кн. 11. С. 365.

<sup>3</sup> Аксаков И. С. Письма к родным. 1844—1849. М., 1988. С. 501.

<sup>4</sup> Там же. С. 497.

в свой кабинет Зимнего дворца. Беседа, записанная Самариным сразу по возвращении, больше напоминала строгое родительское наставление. Николай указывал на вредные последствия самаринских «Писем из Риги», ходивших по рукам в виде «самиздата». Он говорил, что они «ведут к худшему, чем 14 декабря», так как стремятся «подорвать доверие к правительству и связь его с народом, обвиняя правительство в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам... Верю, что вы намерения не имели, но вот к чему вы шли». «Вы хотели сказать, — пояснял Николай, — что со времени императора Петра I и до меня мы все окружены немцами и потому сами немцы...» Угроза «отдать под суд», после которого «вы сами знаете, вы бы сгнули навсегда», постепенно сменилась отеческим: «Дело конченное, помиримся и обнимемся». Самарин только и был переведён из Петербурга в Москву, служить «на глазах родителей»<sup>1</sup>.

Любопытно, насколько часто в это время император исполняет роль строгого, но великодушного судьи. Вот ещё одно замечание Николая 10 июня 1848 года: «Залуцкий взят... Я предаю его суду, а потом прощу»<sup>2</sup>. А самое знаменитое императорское «прощение» навсегда вошло в историю мировой литературы.

По доносу правительственных агентов в ночь на 23 апреля 1849 года начались аресты участников собраний в доме 28-летнего Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского. Дознание показало, что арестованные обсуждали идеи утопического социализма и проблемы внутреннего положения России

---

<sup>1</sup> Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 7. М., 1889. С. XCII—XCIII.

<sup>2</sup> Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 293.

(крепостное право, судопроизводство, цензура), а в более узком кругу вели разговоры о революции, тайных обществах, «ненужности религии», подумывали о руководстве крестьянским восстанием... Это был тот пугавший всех «заговор», которого ждали и всё не могли найти. Страхи высшего общества, вызванные «охранительной тревогой», были вымещены на петрашевцах. Следствие велось до осени, а 27 сентября 1849 года Николай наряду с обычным «здесь всё тихо и спокойно» сообщил Паскевичу: «На днях начинается суд над канальями открытого весной заговора»<sup>1</sup>. «Канальи» были представлены Николаю как «сборище молодых людей, которые, заразившись заграничным учением социализма и гражданского равенства, мечтали о распространении оных в России для произведения политического переворота»<sup>2</sup>.

Из 122 человек, проходивших по делу, 21 (в том числе Фёдор Михайлович Достоевский) был приговорён судом к расстрелу. Николай приговор изменил. 22 декабря 1849 года в Петербурге, на заполненном тысячами зрителей Семёновском плацу, когда первая тройка приговорённых (в том числе Петрашевский) будет облачена в саваны и привязана к столбам, когда в пятнадцати шагах от неё выстроятся солдаты и уже прозвучит команда «прицель!», вдруг (точнее «вдруг») барабаны ударят «отбой» и генерал-адъютант Сергей Павлович Сумароков объявит о высочайшим прощении. Смертная казнь будет заменена каторгой, ссылкой, определением в арестантские роты, в солдаты. Одного из приговорённых, Александра Ивановича Пальма,

---

<sup>1</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 341.

<sup>2</sup> Россия под надзором. М., 2006. С. 428.

освободят прямо на плацу — его только переведут из гвардии в армейскую часть.

Благодаря воспоминаниям, письмам, страстному монологу князя Мышкина в романе «Идиот» мы знаем, какое потрясение пережили Достоевский и его товарищи («десять ужасных, безмерно-страшных минут ожидания смерти»). Мы знаем, что наследник Александр, удовлетворённый избавлением приговорённых от смертной казни, поехал вечером на оперу «Дон Жуан» и остался ею доволен<sup>1</sup>. Что переживал в тот день Николай, мы не знаем.

В ту эпоху «отец-командир» Иван Фёдорович Паскевич оставался чуть ли не единственным действительно близким доверенным лицом Николая. Переписка с ним — неширокое окошко во внутренний мир императора. «Тяжёлое время, но унывать не стану», — признавался Николай «отцу-командиру» в начале весны 1849 года. Жаловался, что помимо внешнеполитических дел («про Францию и говорить не стану — это хаос, вертеп извергов, готовых на всё») много хлопот доставляет внутренний бюджет («Бюджет... крайне тяжёл»; «Не знаю, право, как вывернуться из сметы... Ужасно! Надо везде беречь копейку!»)<sup>2</sup>.

Для того чтобы убедиться, что Россия по-прежнему предана своему государю, Николай принял поездку всей царской семьи в Москву, на празднование Пасхи и освящение Большого Кремлёвского дворца. Толпы встречали царский поезд ещё на подъездах к Первопрестольной. А встреча царя и народа 27 марта 1849 года при высочайшем

---

<sup>1</sup> *Волгин И. Л.* Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года. М., 2000. С. 584.

<sup>2</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 205, 209, 247.

выходе к молебну в Успенском соборе впечатлила многих современников:

«Площадь кишит народом, не видать нигде пустого места и яблоку упасть негде, — Иван Великий по всем ярусам уставлен людьми, — все паперти, крыши заняты, — около стен везде подмости и скамьи. Взоры устремлены на дворец, где с утра подняли императорский флаг, к крыльцу, откуда должен показаться царь. Большой Успенский колокол давно уже благовестит к торжественному молебну. Скоро ли, скоро ли? <...> Съехались все государственные чины. Уже прибыл и митрополит. Всеобщее ожидание. Вдруг.. Трезвон оглушающий, какая-то громовая, торжественная, наполняющая сердце веселием гармония: Царь показался на крыльце.

Вот он, вот он! Головы все открылись. Он поклонился народу; ур...aaa! Ур...aaa! Ур...aaa! Он сошёл с крыльца, — всех выше, всех виднее, — за ним его первый сын, наследник, родившийся в Москве, среди нас, его младшие сыновья... Ура! Ура! Ура! Народ со всех сторон бросается к нему навстречу, загораживает дорогу; ему пройти, кажется, нельзя, но он проходит свободно, и лишь только куда оборотится, везде перед ним сама собой раздвигается улица...»

Автора этой живой картины Михаила Петровича Погодина потрясла реакция группы владимирских плотников, стоя рядом с которыми он наблюдал за царским выходом:

«— Ребята, я остановлю его, — сказал один детина дюжий, в сажень косую в плечах.

— Что ты, — закричали на него прочие, ухватясь за полы.

— Еже ей-ей остановлю, — говорит он, порываясь вперёд.

- Полно, полно, зачем?  
— Скажу: дай насмотреться»<sup>1</sup>.

Николай получил заряд бодрости и оптимизма. Паскевичу в Варшаву полетело письмо: «Здесь нашёл я всё в отличном духе и порядке, так что сердцу отрада, и набираю этим зрелищем новые силы на мою тяжкую юдоль!»<sup>2</sup>

Павел Васильевич Анненков, вернувшийся в Россию из бушующего Парижа, был поражён внутренним спокойствием страны: «Наша тишина была неподдельная, испытанная. Начиная с богатейшего земельного собственника и через весь ряд именитого и заурядного чиновничества до последнего торгаша на улице, все в один голос гордились и радовались тому, что политические бури и ураганы никогда не досягают и никогда не достигнут, по всем вероятностям, наших пределов»<sup>3</sup>.

К концу лета 1849 года революции в Европе пошли на убыль (хотя не пошла на убыль неприязнь к осуждавшей их России). Паскевич спас Австрию, усмирив венгерский мятеж. Николай ждал его с победой в Варшаве.

И там, в Варшаве, прямо на военном смотре 12 августа великий князь Михаил Павлович был поражён апоплексическим ударом. Он потерял способность говорить, не мог двигать ногой и рукой. 16 дней и ночей провёл Николай у постели умирающего младшего брата. У императора страшно болела голова, её беспрестанно смачивали то уксусом, то одеколоном. «Нередко он становился возле пос-

---

<sup>1</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 кн. СПб., 1888—1910. Кн. 10. С. 222.

<sup>2</sup> Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1899. С. 280.

<sup>3</sup> Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 478.

тели на колени и горячо целовал руки больного, которые тот, в болезненном бессилии своём, тщетно старался отнять». Наконец всё было кончено. Николай сказал окружающим:

— Я потерял не только брата и друга, но и такого человека, который один мог говорить мне правду и говорил её, и ещё такого, которому одному я мог говорить правду<sup>1</sup>.

После похорон Паскевичу ушло письмо с признанием: «Утром отдали мы последний долг дорогому брату, и вместе с ним исчезли в могилу 50-летняя дружба, все младенческие и детские и юношеские воспоминания, с ним, моим спутником и товарищем в сей жизни! Что мне говорить тебе про мои чувства; молю Бога, чтобы сподобил и мне кончить так, как он, на службе; посвятись ей с юных лет... Но больно из 4-х остаться одному мне»<sup>2</sup>.

В доверительной беседе наследник Александр говорил: «Что всего ужаснее, это *idee fixe*, преследующая теперь государя, именно, что этой смертью нарушен закон природы, т. е. Михаил Павлович обошёл его в очереди, и, следовательно, и ему уже недолго остаётся жить»<sup>3</sup>.

«Умри Николай в 1850-м году, — написал позже Николай Иванович Греч, — он не дожил бы до пагубной войны с французами и англичанами, которая прекратила жизнь его и набросила на его царствование мрачную тень». Правда, знаменитый журналист думал, что тень эта затмила только взоры современников, что «при свете беспристрастной

---

<sup>1</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 482, 483.

<sup>2</sup> Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1899. С. 338.

<sup>3</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 479.

истории она исчезнет, и Николай станет в ряду самых знаменитых и доблестных царей в истории»<sup>1</sup>.

За что ценили бы императора Николая, если бы он ушел в 1850 году? Ответ можно увидеть в рассуждениях графини Антонины Дмитриевны Блудовой (дочери одного из лучших николаевских министров), написанных как раз тогда, накануне 25-летия царствования Николая:

«Когда же вспомним о всём, что сделано или начато в его царствование, как не отдать справедливость пользе, принесённой им земле Русской в эту четверть века? При нём ни одна война не начата для завоеваний. Однако Греция восстановлена, Сербия поддержана, Молдавия и Валахия устроены, то есть потрясена до основания Турецкая империя. При нём законы наши приведены в ясность, истолкованы, исправлены. При нём и под его покровительством сколько полезных учёных изысканий в России. В деятельности, может быть, слишком большой, но, конечно, не в ленивой небрежности, можно его винить. Сколько новых учебных заведений, сколько стараний способствовать к благосостоянию и просвещению низшего класса народа! Внутренние сношения наши сколько облегчены! Шоссе начаты или назначены по всем краям России; железные дороги им начаты против мнений всех министров, флот им поднят, судоходство им поощряемо. Церковь православная особенно обратила на себя его заботу, как важнейшее, священнейшее сокровище России... И если б исполняли его намерения точно и верно, какие богатые были б плоды!»<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Цит. по: Император Николай Первый. М., 2002. С. 623.

<sup>2</sup> Там же. С. 594.

## РОССІЙСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ДОМЪ.

Его Величество, Благочестивѣйшій Государь Императоръ **НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ**, Самодержецъ Всероссійскій, родился въ 1796 году, 25 Іюня, царствуетъ съ 19 Ноября 1825 года.

Ея Величество, Благочестивѣйшая Государыня Императрица **АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА**, родилась въ 1798 году, 1 Іюля.

Его Императорское Высочество, Благовѣрный Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ**, родился въ 1818 году, 17 Апрѣля.

Ея Императорское Высочество, Благовѣрная Государыня Цесаревна и Великая Княгиня **МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА**, родилась въ 1824 году, 27 Іюля.

Дѣти Ихъ: Сыновья, Его Императорское Высочество, Благовѣрный Государь Великій Князь **НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ**, родился въ 1843 году, 8 Сентября.

Его Императорское Высочество, Благовѣрный Государь Великій Князь **АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ**, родился въ 1845 году, 26 Февраля. Его Императорское Высочество, Благовѣрный Государь Великій Князь

**ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ**, родился въ 1847 году, 10 Апрѣля.

Рубеж 1840—1850-х годов — время подведения итогов, время золотых и серебряных юбилеев. Время торжественных речей и адресов, наград и титулов и одновременно — пора очевидного старения государственной элиты. А река времён ускоряет бег, и уже слышен шум ближайших порогов и водопадов... На полувековом юбилее государственной службы Дмитрия Николаевича Блудова 8 января 1851 года Пётр Андреевич Вяземский выступил со стихами:

Наш бойкий век парит и парит,  
Парами топит он и жжёт.  
Он жизнь торопит, время старит  
И всё кричит: вперёд, вперёд!

Что день, то новое начало,  
Что день — с вчерашним днём разрыв,  
И что всех утром волновало,  
То вечером сдано в архив.

Рядом с юбилеем Блудова — полувековой юбилей государственной службы министра финансов Фёдора Павловича Вронченко, полувековой юбилей службы недавно отставленного Сергея Семёновича Уварова, полувековой юбилей службы фельдмаршала Ивана Фёдоровича Паскевича, полувековой юбилей литературной деятельности Василия Андреевича Жуковского. 25-летие назначения императрицы шефом Кавалергардского полка...

Один из важнейших юбилеев — 22 августа 1851 года — «серебряная свадьба Государя с Россией» («обручение их было 14 декабря», по словам А. Д. Блудовой)<sup>1</sup>. Император отмечал 25-летие своей коронации в Москве. Снова гудели колокола.

<sup>1</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 591.

«Кремль затоплен был народом, на площади свершался парад войскам, мундиры горели; крики, музыка, барабаны смешались, и началась... суета всех служащих и неслужащих, актёров и зрителей»<sup>1</sup>.

Очевидцы торжеств утверждали, будто самодержец был «омрачён, недоволен». Павел Васильевич Анненков «видел императора мрачным и усталым»<sup>2</sup>. Толкования настроения императора были самые разные: якобы он ждал более торжественного приёма и поднесения титулов за 25-летнее царствование (С. М. Соловьёв), просто был утомлён затянувшейся поездкой по наконец-то построенной железной дороге (П. В. Анненков). «Всегда как будто удручён / Заботой о своём народе» (А. Н. Майков).

Ближе знавший императора Модест Андреевич Корф отметил: царь заранее объявил, что едет в Москву не веселиться, а молиться и благодарить Бога, поэтому и не было ни раздачи наград, ни особых празднеств («всего» два бала: по традиции у «последнего московского вельможи» князя Сергея Михайловича Голицына и по чину у военного генерал-губернатора графа Арсения Андреевича Закревского)<sup>3</sup>. Антонина Дмитриевна Блудова передаёт картину, увиденную совсем близко: государь, не хотевший принимать в тот день никаких поздравлений, тем не менее просмотрел парадные отчёты о 25-летних трудах и успехах своих министерств и даже был «невольно тронут» итогами трудов к пользе, чести и славе России.

«Видя его умиление, дочь его подошла тихонько к нему и из-за спины обняла его шею рукою.

---

<sup>1</sup> Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 529.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 555.

— Ты счастлив теперь, — спросила она, — ты доволен собою?

— Собою? — отвечал он и, показав рукой на небо, прибавил: — Я — былинка!»<sup>1</sup>

Иногда император выражался ещё определённое: он говорил, что солдату после 25-летней службы полагается отставка, что и ему бы уже пора... Держали только сила воли и вера: «До того буду тянуть лямку, сколько моих сил и способностей станет, не унывая, но уповая на милосердие Божие, доколь Ему угодно будет, чтобы я продолжал»<sup>2</sup>.

Корф отмечал постоянную, какую-то особенную «мрачность» императора осенью 1851 года. В делах это проявилось в дальнейшем укреплении «карантина» — Николай гораздо строже и разборчивее относился к выдаче разрешений на поездки за границу. Цены на заграничный паспорт выросли до 250 рублей (для отправляющихся на лечение — 100 рублей). Страдали и стар и млад: почтенному богатому курляндцу, просившемуся на воды по нездоровью, император объявил, что он вместо чужих краёв может ехать к отечественным водам. Сын князя Долгорукова просился в отпуск на год для поправления здоровья, как он писал, «совершенно разрушенного». Николай ответил резолюцией: «Уволить от службы».

Правда, «большой свет», то ли жажда запретного плода, то ли демонстрируя свою влияние при дворе, большею частью выехал на зиму 1851/52 года из Петербурга в Париж. В результате в российской столице не было традиционных больших сборищ и празднеств. «Посреди политического шума,

---

<sup>1</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 597.

<sup>2</sup> *Шербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1899. С. 338.

борьбы партий и ожидавшихся беспокойств граф Воронцов-Дашков, графиня Разумовская, князь Радзивилл, Рибопьер и другие учредили свои приёжные дни в запрещённом Париже, как бы у себя дома, в нашем мирном Петербурге»<sup>1</sup>. Там посланцы Петербурга стали свидетелями очередного государственного переворота: его совершил племянник великого Наполеона, Наполеон Малый (*le petit*) — так его тогда называли при русском дворе.

Николай не воспринимал такого «Наполеона» всерьёз. Когда в декабре 1852 года Луи Наполеон был провозглашён императором французов под именем Наполеона III, царь от души смеялся над стихотворением своего любимого комика Каратыгина «Послание к галлам по случаю восшествия на трон Наполеона III», даже просил сделать несколько копий для раздачи родне<sup>2</sup>:

Теперь вы новому властителю так рады...  
Вы головы пред ним решились преклонить.  
Зачем же строили вы ваши баррикады?  
Зачем же огород вам было городить?

Но Наполеону III очень хотелось быть вторым Наполеоном. Более того, императором, который возьмёт у России реванш за 1812 год. Война разразилась в те годы, когда с назначением нового министра просвещения Авраама Сергеевича Норова либеральная профессура увидела «смягчение Николая», почувствовала, как «пахнуло сильной оттепелью» (по словам С. М. Соловьёва). Профессор филологии Иван Иванович Давыдов признался

---

<sup>1</sup> Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 562.

<sup>2</sup> Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909. С. 213.

Михаилу Погодину: «Как чада Авраамьи мы должны радоваться: Господь послал нам начальника по душе и сердцу. От него можем ожидать чего-то полезного и прекрасного»<sup>1</sup>. Но полезное и прекрасное пришлось откладывать на «после войны».

*Глава восемнадцатая*  
**КРЫМСКАЯ ВОЙНА**

«Больной человек Европы» — образ Турции, придуманный не императором Николаем и не в его царствование. Ещё в павловские времена остроумец граф Фёдор Васильевич Ростопчин, тогда кабинет-министр по иностранным делам, увидел в Османской империи безнадёжного больного, «ко-ему медики не хотят объявить об его опасности»<sup>2</sup>. В последующие десятилетия некогда могущественная империя, наводившая страх на всю христианскую Европу, вступила в период «полураспада».

Вплоть до начала 1840-х годов, особенно после Ункяр-Искелесийского договора 1833 года, Россия могла быть довольна результатами политической борьбы за влияние в Турции, однако ни одна из европейских держав не готова была с этим примириться. В 1841 году ради сохранения европейского политического равновесия Николай согласился «наблюдать за поддержанием целостности и независимости империи Оттоманской» совместно с другими европейскими странами. Он даже пошёл на восстановление старого турецкого правила, за-

---

<sup>1</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888—1910. Кн. 12. С. 433.

<sup>2</sup> См.: Соловьёв С. М. Восточный вопрос // Соловьёв С. М. Сочинения: В XVIII кн. Кн. XVI. М., 1995. С. 636.

прещающего любой иностранной державе вводить в Босфор и Дарданеллы военные суда. Больше никогда военные корабли Российской империи не получали права проходить через Черноморские проливы.

Это был явный знак постепенной переориентации Турции от союза с Россией на союз с Англией и Францией. Миром всё больше правила экономика, и страны быстро развивающегося капитализма были куда привлекательнее всё ещё слишком традиционной России. Только английский экспорт в Турцию хлопчатобумажных тканей превышал русский в 43 раза, а в целом английский экспорт в эту страну вырос в течение 1840-х годов в два раза. Понимая, что Россия проигрывает борьбу за решающее влияние на «слабого соседа», Николай всё больше беспокоится от того, что теряет контроль над потенциально взрывоопасным регионом, где падение правительства приведёт к анархии и губительному для всей Европы революционному пожару. Романтическое рыцарство Николая, сама политическая система эпохи традиционных обществ столкнулись с прагматическими устремлениями индустриальных или индустриализующихся держав. Николая беспокоили судьба православных христиан и верность союзу монархов против хаоса революций; британское правительство было озабочено рынками сбыта на Ближнем Востоке и безопасностью торговых путей в Индию.

В 1844 году, во время поездки в Англию, Николай вспомнил старое ростопчинское определение и заявил британцам: «Турция умирает». И потом дополнил: «В России есть два мнения относительно Турции: одни утверждают, что она при смерти; дру-

гие — что уже умерла»<sup>1</sup>. Образ Турции, как «смертельно больного человека», чьё наследство надо заранее поделить, вытеснил прежние идеи поддержания «слабого соседа». В самом начале 1850-х годов все беседы Николая с английским посланником сводились к предложениям поделить в ближайшем будущем развалины Османской империи. Он говорил: «Как бы мы все ни желали продлить существование больного человека (а я прошу вас верить, что, подобно вам, желаю продолжения его жизни), он может умереть неожиданно. У нас нет власти воскрешать мертвецов. Если Турецкая империя падёт, то она падёт, чтобы не подняться более. Поэтому я и спрашиваю вас, не лучше ли раньше подготовиться к этой возможности, чем втянуться в хаос, путаницу и в общеевропейскую войну».

Николай никогда не претендовал на захват всей территории Турции («Мне и Польши достаточно», — говорил он в связи с этим Н. Н. Муравьёву-Карскому). В реальные планы императора входило создание вассальных государств православных народов по примеру Валахии и Молдавии; при этом Египет и остров Крит предназначались Англии, часть территорий — Франции и Австрии. Константинополь Николай предполагал оставить под временным контролем международных вооружённых сил. Удивительным образом события в Турции в 1878 году, а особенно в 1918-м проходили именно по плану Николая. После Первой мировой войны, когда Османская империя распалась, европейские державы-победительницы реализовали «николаевский» план и получили в той или иной степени контроль над образовавшимися государствами.

---

<sup>1</sup> *Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого.* СПб., 1887. С. 584, 588.

В Константинополе расположились англо-французские «силы порядка». А Севрский договор 1920 года (Россия в нём не участвовала) расчленил Османскую империю куда более жестоко, нежели это предполагал Николай Павлович.

Однако для 1853 года план русского императора был неприемлем. Британцы считали, что раздел Османской империи ведёт к слишком очевидной выгоде для Российской империи. Лондон был против, однако его официальные ответы были настолько вежливы и обтекаемы, что Николай решил, будто Англия, по крайней мере, не будет ему мешать. Это была его первая серьёзная ошибка. Вторая — излишняя уверенность в своих постоянных союзниках Пруссии и Австрии. На протяжении трёх лет после революции 1848—1849 годов Николай бесцеремонно вмешивался в борьбу двух этих государств за первенство в Центральной Европе. Эти его действия затмили спасительный Венгерский поход, за который, по мнению Николая, Австрия должна была быть вечно благодарна России. В беседе с английским послом Николай мог даже себе позволить выразиться так: «Говоря о России, я имею в виду и Австрию».

Ещё одна серьёзная ошибка Николая заключалась в убеждении, что союз двух извечных противников — Англии и Франции — невозможен. Вся эпоха Наполеоновских войн прошла под знаком противостояния этих держав. При этом Николай понимал, что воцарившийся в 1852 году во Франции Наполеон III будет жаждать самоутверждения путём военных побед по примеру дяди, Наполеона I. Николай понимал, что Россия — прекрасный объект для реванша за 1812 год как символ поражения нации в Наполеоновских войнах. Николай не

признавал новоиспечённого французского монарха равным себе (как некогда Александр I не признавал Бонапарта) и упорно отказывался называть французского императора в посланиях «братом», как того требовал этикет, а ограничивался обращением «мой друг», чем приводил Наполеона III в бешенство.

Конфликты между православными и католиками по поводу прав на Святые места в Палестине (подвластной Турции территории) фактически отражали конфликт между русским и французским покровителями местных христиан. А поскольку Турция явно отдавала предпочтение католикам и Франции, русский православный царь получил возможность выступить с требованиями восстановления прежних прав и привилегий православной общины в Палестине.

Эти требования зимой 1853 года повезла в Стамбул (на тогдашнем чуде техники — пароходе-фрегате «Громоносец») русская миссия во главе с потомком петровского сподвижника, морским министром князем Александром Сергеевичем Меншиковым. Меншиков вёл переговоры в ультимативном, не терпящем возражений тоне. Он даже позволил себе нарушить дипломатические приличия, показывая, что война России не страшна. Действительно, к 1853 году Николай довёл общую численность своих вооружённых сил до 1 миллиона 365 тысяч 786 человек. В русском флоте было 512 кораблей и 90 тысяч 985 человек<sup>1</sup>. Император говорил: «У меня миллион штыков, прикажу моему министру — и будет два, попрошу мой народ — будет три»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> The Russian Army of the Crimean War. 1854—1856. L., 1991. P. 3, 11.

<sup>2</sup> Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 47.

Меншиков и Николай не знали, что за спиной Турции стоит Англия, и английский посол Редклиф, именовавшийся в дипломатической переписке как «второй султан», дирижирует всем ходом переговоров. При этом внешне Англия поддерживала показной нейтралитет (за это её в России позже прозовут «коварный Альбион»). Одновременно Наполеон III инструктировал своего посла в Стамбуле: французский флот отправлен к турецким берегам для того, чтобы на любую попытку России к началу боевых действий ответить объявлением войны.

Весной 1853 года обе стороны русско-турецких переговоров упёрлись в своих позициях по главному вопросу. Николай требовал законодательно оформить право покровительства русского императора над православным населением Турции — так же, как это было сделано относительно покровительства Франции над католиками. Турция утверждала, что речь идёт о многомиллионном населении, и оформление такого права будет явным вмешательством в турецкие внутренние дела. В мае пароход «Громоносец» с русским посольством отплыл обратно в Одессу. Это означало дипломатический разрыв.

В июне Николай решил «припугнуть» турок. Он приказал ввести русские войска в вассальные по отношению к Турции Дунайские княжества. Он уже оккупировал их в революционном 1848 году, но тогда это было воспринято европейским сообществом и самой Турцией как нормальная мера защиты региона от революции. Теперь это было нарушением границы, а значит, — удобным поводом к войне. «Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной церк-

ви», — официально заявил Николай. А в частном письме раскрывал свои намерения: если турки откажутся от его требований, он пригласит Австрию занять Сербию и Герцеговину, объявит их независимость, «и вероятно будут везде бунты христиан, и настанет последний час Оттоманской империи»<sup>1</sup>.

Всё лето 1853 года прошло в тщетных попытках снять напряжение дипломатическими путями. Уполномоченные представители европейских государств — Англии, Австрии, Пруссии и Франции — заседали в Вене, чтобы найти приемлемые для всех условия урегулирования конфликта. Время шло, русские войска стояли у Дуная, а Турция не соглашалась на признание особых прав для православных.

В начале осени Николай тайно отправился на свидание с молодым австрийским императором. 13 сентября возле Оломоуца его встретил «жидкий белокурый юноша» — 23-летний австрийский император Франц Иосиф. Николай обнял его и расцеловал: он испытывал к молодому австрийскому императору отцовские чувства. Грянула череда смотров, парадов, спектаклей и, главное, переговоров. Из них Николай вынес уверенность в том, что Австрия поможет склонить Турцию к принятию российских требований. Встреча императоров переместилась в Варшаву, потом в Потсдам, где гостей принимал прусский король. Единение трёх монархов казалось столь же прочным, как 40 лет назад, после победы над Наполеоном.

Вера Николая в союзников была неколебима. Он и не подозревал, что в то же самое время Франц

---

<sup>1</sup> История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года). М., 1995. С. 381—382.

Иосиф писал матери: «Наше будущее на Востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желатель-но незаметно для царя Николая, но верно мы до-ведём русскую политику до краха. Конечно, нехо-рошо выступать против старых друзей, но в поли-тике нельзя иначе...»<sup>1</sup>

Свои планы строил и британский министр, а потом и премьер-министр, лорд Пальмерстон: «Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; Прибалтийский край отходит к Пруссии; королевство Польское должно быть восстановлено как барьер между Россией и Германией (не Прусси-ей, а Германией); Молдавия и Валахия и всё устье Дуная отходит Австрии, а Ломбардия и Венеция от Австрии к Сардинскому королевству; Крым и Кав-каз отбираются у России и отходят к Турции, при-чём на Кавказе Черкессия образует отдельное госу-дарство, находящееся в вассальных отношениях к Турции»<sup>2</sup>.

Первого октября Николай вернулся в Царское Село. Там его ждали неутешительные известия. Во-первых, Британия и Франция не согласились с вы-работанными в Вене предложениями о примире-нии и их эскадры вышли к Босфору. Во-вторых, 27 сентября командующий войсками в Дунайских княжествах Горчаков получил жёсткий ультиматум от турецкого командующего Омер-паши: очистить занятые территории в две недели.

В октябре 1853 года турецкий султан объявил о состоянии войны с Россией. Боевые действия нача-лись с того, что в ночь на 16 октября турки захвати-

<sup>1</sup> Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 272.

<sup>2</sup> Николай I и его время. Кн. 1. М., 2000. С. 383.

ли и уничтожили таможенный пост Святого Николая на Кавказском побережье.

Двадцатого октября Николай ответил манифестом о разрыве с Портой: «Тщетно даже главные европейские державы старались своими увещаниями поколебать закостенелое упорство турецкого правительства. На миролюбивое усилие Европы, на наше долготерпение, оно ответствовало объявлением войны и прокламациею, исполненной изветов против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в ряды своих войск<sup>1</sup>, Порта открыла уже военные действия... Россия вызвана на брань, ей остаётся, возложив упование на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы принудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими она отвечала на самые умеренные Наши требования и на законную заботливость Нашу о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом русским»<sup>2</sup>. «Война решена, — писал Николай Паскевичу, — как и когда она кончится, знает один лишь Бог милосердный. Будем ли иметь дело с одними турками или встретимся с англичанами, французами, как бы ни было, пойдём своим путём, готовые на всё, не отступим»<sup>3</sup>.

Так давний Восточный вопрос превратился в Восточную войну. По решающему театру боевых действий её часто называют Крымской, хотя боевые действия велись и на Дунае, и на Кавказе, и на севере в Белом море, и на северо-западе — в Балтийском, и на Камчатке... В России подумывали о

---

<sup>1</sup> Польские эмигранты сражались на стороне Турции на Кавказе.

<sup>2</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 287.

<sup>3</sup> *Шербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 71 — 72.

походе на Индию, и даже у Австралии появились военные заботы: туда проникли небеспочвенные слухи о возможной военно-морской экспедиции русских.

Мы пойдём-ка за границу  
Бить отечества врагов.  
Правой рубим, левой бьём,  
Середину в плен берём!

*(Из солдатской песни о Крымской войне)*

Удачное начало войны — первые победы над кавказской армией турок, выигрыш первого в истории боя пароходов (5 ноября) и последнего в истории сражения парусных флотов (под Синопом, 18 ноября) — порождало в столице «самое воинственное настроение духа». Николай играл со своими младшими сыновьями «в бомбардирование»: по комнате великих князей летали крепкие резиновые мячики, «осаждавшие» закидывали ими «оборонявшихся» за деревянным бруствером. Из-за бруствера мячики летели назад. От частого употребления резина становилась подобной камню, и юный Серж Шереметев запомнил, как Николай «высочайшей рукой» пустил мяч в живот генералу Гогелю, «пока тот о чём-то очень дельно рассуждал». Генерал, увидев, кем пущен мяч, «остался непоколебим», хотя и поморщился.

Не мячики — чугунные ядра летали в ту осень над Дунаем. Турки атаковали русские войска при первой возможности, часто успешно. Когда зима приостановила военные действия, ничего ещё не было решено. Николай засел за разработку плана «всеобщего наступления» на 1854 год: с вторжением в Западную Болгарию, с посылкой десяти тысяч ружей сербам... Главный эксперт — фельдмаршал

Паскевич — назвал мысли императора «новыми и блестящими». Однако появление в Чёрном море англо-французского флота заставило резко скорректировать планы. В дипломатической переписке ещё перебирались варианты мирного исхода, но война Европы с Россией уже была предрешена. «Надо вырвать клыки у медведя! — восклицал лидер палаты общин Д. Расселл. — Пока его флот и морской арсенал на Чёрном море не разрушены, не будет в безопасности... мир в Европе»<sup>1</sup>.

Николай предвидел возможность столкновения с турко-англо-французской коалицией ещё в 1833—1834 годах. Уже тогда в переписке с Паскевичем он изложил свой прогноз на ход будущей войны: «Что они могут нам сделать? Много — сжечь Кронштадт, но не даром... Разве забыли, с чем пришёл и с чем ушёл Наполеон? Разорением торговли? — Но за то и они потеряют... В Чёрном море и того смешнее; положим, что турки от страха, глупости или измены их впустят, они явятся пред Одессой, сожгут её, — пред Севастополем, положим, что истребят его, но куда они денутся, ежели в 29 дней марша наши войска займут Босфор и Дарданеллы!»<sup>2</sup>

Итак, сценарий войны был ясен Николаю ещё в 1830-е годы: Россия будет обороняться в Крыму, держать крупные силы на Балтике и повторит стремительный марш Дибича на Константинополь 1829 года. Правда, к весне 1854-го прежние планы пришлось пересматривать. Дмитрий Милютин, состоявший в то время при военном министре, а в будущем сам военный министр, запомнил огромные почтовые листы большого формата, испещрённые

---

<sup>1</sup> *Виноградов В. Н.* Двуглавый российский орёл на Балканах. 1683—1914. М., 2010. С. 302.

<sup>2</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 472.

карандашными заметками императора — фактически инструкциями командующим.

Николаю важно было думать не только о наступлении, но и об обороне огромного периметра имперских границ. После 1 марта 1854 года, когда пришёл английский ультиматум, фактически означавший объявление войны (формально война была объявлена 16 марта), государю пришлось отправиться укреплять свои балтийские твердыни: Свеаборг, Выборг. Ещё была надежда на идущую в Вене дипломатическую игру графа Орлова. Но именно из Вены пришло самое неприятное известие: Австрия забеспокоилась, как бы русские не начали подстрекать к смуте балканских славян: русская армия уже переправилась за Дунай и снова дошла до Траянова вала.

Николая упрасивали согласиться оставить Дунайские княжества — вот уже и прусский кабинет присоединяется к просьбе австрийского с «дружеским увещанием». Наконец 8 апреля (когда флот союзников уже появился на Балтике, а также и приготовился к бомбардировке Одессы) Пруссия и Австрия заключили военный договор. Они согласились вступить в войну против России в случае отторжения ею от Турции Дунайских княжеств и продолжения наступления русских войск за Дунаем. Вскоре к договору присоединился почти весь Германский союз.

Николай был потрясён — потенциальные союзники вдруг заняли позицию враждебного нейтралитета. Особенно возмутило императора вероломство Австрии: её войска нависли над Дунайскими княжествами в готовности начать боевые действия. Николай с горечью объявил австрийскому послу, что наибольшими глупцами в истории были, по его

мнению, польский король Ян Собесский и он сам, поскольку оба имели несчастье спасти династию Габсбургов<sup>1</sup>.

В конце апреля императорская семья как обычно перебралась в Петергоф. Однако «всё общество петергофское было в невесёлом расположении духа», — вспоминает очевидец. С верхнего этажа «Александррии», как раз из «морского кабинета» Николая, теперь открывался не только романтический вид на Финский залив, но и неприятный вид на англо-французский флот, остановившийся перед русскими минными заграждениями. По сохранившемуся устному рассказу, кожаный диван в кабинете Николая хранил с тех пор заметные царапины — это Николай, пока никто его не видел (как заметила прислуга), в отчаянии царапал ногтями обивку дивана.

Вся надежда Николая была на быстрое и успешное наступление за Дунаем — по давнему примеру Дибича. Спасителем ситуации должен был, по традиции, стать Паскевич (теперь уже семидесятилетний). Николай назначил его командовать войсками на южном и западном театрах военных действий. Но и Паскевич медлил, поскольку боялся как неожиданного удара австрийцев, так и высадки «англо-французского» десанта. Он тянул время, стремился убедить государя вывести войска с оккупированной территории, просить мира и сосредоточиться для обороны границ. Но Николай отреагировал так: «Постыдно бросить всё даром и без причин, и воротиться со стыдом... больно и писать подобное».

Паскевич принялся выполнять наступательный план. 4 мая начал осаду дунайской крепости Силис-

---

<sup>1</sup> Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 272.

трия, но с оглядкой, готовя на всякий случай возможное отступление. Штурм крепости оказался неудачным, в бою погиб полковник Андрей Карамзин, сын историографа, лишился глаза сын графа Алексея Орлова.

Союзники начали высадку войск около Варны — теперь намеченный бросок к Константинополю означал столкновение с англо-французскими войсками. Пришли сведения о том, что к 1 июля будет готова к наступлению и австрийская армия. Николай ещё надеялся успеть с наступлением до этого срока, но военные теоретики присылали неутешительные результаты анализа возможных активных стратегических планов: известный эксперт, барон Жomini, находил их все «неутешительными и опасными». Практика подтверждала выводы теоретиков: остановилась Кавказская армия, отошла, бросив осаду Силистрии, армия Дунайская. Получил сильную контузию турецким ядром и покинул войска фельдмаршал Паскевич.

Император понял, что пора идти на уступки. Он объявил, что готов вывести войска из княжеств, «если только будут даны ручательства, что права христианского населения Турции будут ограждены» (уже без упоминания о русском покровительстве). Он выказал готовность заключить перемирие и вслед за тем вести переговоры о мире. 19 июня, в знак добрых намерений, последовало высочайшее повеление об отходе Дунайского отряда к границам империи. Но из Вены, с арены всё ещё продолжающейся дипломатической борьбы, пришли только сожаления: всё должны решить вступившие в войну Париж и Лондон. А Париж и Лондон уже готовили высадку войск в Крыму..

Вместо победоносного наступления на Конс-

тантинополь русская Дунайская армия к 3 сентября вернулась в пределы России. В Дунайские княжества вошли австрийские «миротворческие силы», создавшие буфер между Россией и Турцией. Рассказывают, что Николай в отчаянии написал на портрете австрийского императора: «Неблагодарный!». Вскоре в Петергофе была поставлена художественная бронзовая группа, подаренная тогда императору Николаю прусским королём. Группа эта состояла из трёх фигур: полулежашего скифа, барса, вонзившего в скифа свои когти, и собаки, ухватившейся за ухо барса и оттягивающей его в сторону. Полагают, что эта группа, присланная прусским королём, имела современный аллегорический смысл: скиф изображал Россию, барс — Австрию, а собака (эмблема верности) — дружественное отношение Пруссии к России<sup>1</sup>.

Первого сентября, когда последние части Дунайской армии возвращались в пределы собственной империи, войска союзников начали высадку в Евпатории, где находились только 740 человек русской слабосильной команды, «пользовавшихся» местными грязями. Через неделю, завершив сосредоточение, противник начал движение к главной базе русского флота — Севастополю. Командующий войсками в Крыму князь Меншиков счёл невозможным атаковать союзников при высадке. Он перекрыл дорогу на Севастополь на высотах за речкой Альма́.

Армии сближались, в Петербурге ждали решающих вестей из Крыма.

И дождались. С ними прибыл адъютант князя Меншикова, потрясённый и напуганный. Он был настолько впечатлён невероятной картиной русского поражения, что «даже после семидневной курь-

---

<sup>1</sup> *Гейрот А.* Описание Петергофа. 1501—1868. СПб., 1868. С. 105.

ерской скачки (а быть может, именно под влиянием этой продолжительной тряски на перекладных) не мог отделаться от испытанного им впечатления» и рассказал о сражении в таком неприглядном, обидном для наших войск освещении, «что Государь рассердился, выбралил его и приказал выспаться»<sup>1</sup>.

Восемнадцатого сентября князь Меншиков ещё обещал, что скоро перейдёт в наступление, но вскоре уже докладывал, что неприятель приступил к осадным работам под Севастополем. В 1837 году Николай говорил: «Милости просим сюда англичан, если они хотят разбить себе нос»<sup>2</sup>. Он и теперь надеялся на такой исход, хотя понимал, что это потребует многих жертв. Когда пришло известие о героической гибели адмирала Корнилова, Николай повелел возвести памятник герою на месте его гибели, назвать его именем севастопольский бастион, оказать вдове «исключительные почести», в том числе выплатить большой пенсион. А в новых донесениях Меншикова звучало всё больше пессимизма. Теперь князь считал, что отстоять Севастополь невозможно. В результате 16 октября Николай подписал особый рескрипт о несдаче Севастополя и отправил в самую горячую точку ещё две дивизии и младших сыновей — Михаила и Николая.

Подчиняясь высочайшей воле, Меншиков приурочил к прибытию великих князей решающее сражение — наступление под Инкерманом. Начало его было обнадеживающим, но итог оказался печальным: отступление, потеря около десяти тысяч человек. Известия об этом граф Левашёв привёз в Гатчину 30 октября — и царской резиденцией овладело подавленное

---

<sup>1</sup> Милютин Д. А. Воспоминания. 1843—1856. М., 2000. С. 283—284.

<sup>2</sup> Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 406.

настроение. Дмитрий Алексеевич Милютин вспоминал, что именно после Инкермана рухнули надежды на успех в Крыму, и не столько из-за потери солдат, сколько из-за потери доверия к способностям и искусству военачальников. Меншиков только добавлял пессимизма, сообщая, что не видит больше надежды на возобновление наступательных действий и предвидит теперь уже скорое падение Севастополя. «Не унывай, любезный Меншиков», — подбодрял Николай давнего друга, но сам унывал всё больше и больше. Одновременно он признавался Михаилу Дмитриевичу Горчакову: «Такое направление его мыслей меня ужасает за последствия. Неужели должны мы лишиться Севастополя... и с падением Севастополя дожить до всех тех последствий, которые легко предвидеть можно... Страшно и думать».

Но думать приходилось — и было страшно. Гатчину засыпал ранний снег. Тяжело заболела императрица, стали опасаться за её жизнь. Фрейлина Тютчева записывала в дневник: «Вид государя пронизывает сердце. За последнее время он с каждым днём делается всё более и более удручён, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сгорбилась, как бы под бременем забот, тяготеющих над ним. Это дуб, сражённный вихрем, дуб, который никогда не умел гнуться и сумеет только погибнуть среди бури. Со времени болезни императрицы, при мысли о возможной её смерти, несчастный император совершенно утратил бодрость духа. Он не спит и не ест. Он проводит ночи в комнате императрицы, и так как больную волнует мысль, что он тут и не отдыхает, он остаётся за ширмами, окружающими кровать, и ходит в одних носках, чтобы его шаги не были слышны...»<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. С. 113.

Царские именины 6 декабря прошли без особых церемоний, без торжественного выхода, без поздравлений. По вечерам при дворе читали мемуары об Александре I, об эпохе тильзитского унижения. В окружении царя все были уверены: Россию ждет подобная печальная развязка. В знаменательный день 14 декабря Николай выступил с манифестом, в котором ещё звучало решительное: «С железом в руках, с крестом в сердце станем перед рядами врагов», но тем не менее были слышны и намёки на возможность мирных переговоров, «если они будут согласны с достоинствами державы нашей и пользами любезных наших подданных». 29 ноября последовало высочайшее повеление считать каждый месяц пребывания в Севастополе за год службы.

И почти каждый вечер из государева кабинета к военному министру Долгорукову отправлялись целые тетради мелко исписанных самим Николаем листов — с самыми подробными указаниями о формировании, перемещении, распределении, снабжении войск. Дмитрий Алексеевич Милютин видел в таком сверхцентрализованном управлении не только высокую работоспособность и чувство ответственности императора, но и принципиальный недостаток: «Государь... часто входил в такие подробности, которые только связывали руки и затрудняли их, тем более что при тогдашних средствах сообщения повеления Государя доходили поздно до отдалённых мест, когда по изменившимся обстоятельствам полученные высочайшие указания оказывались уже совершенно несвоевременными»<sup>1</sup>.

На Рождество двор переехал в Петербург. В Золотом зале Зимнего дворца уже ждала традиционная ёлка.

<sup>1</sup> Милютин Д. А. Воспоминания. 1843—1856. М., 2000. С. 300.

Наступающий 1855 год нёс не только пессимистические прогнозы о Севастополе и о неизбежной войне с Австрией (Николай начал говорить о том, что готов защищаться «за Днестром, за Москвой, за Волгой»)<sup>1</sup>. Напряжённое ожидание чего-то неожиданного отразил в стихотворении «На новый, 1855-й год» Фёдор Тютчев:

Черты его ужасно строги,  
Кровь на руках и на челе...  
Но не одной войны тревоги  
Несёт он людям на земле!  
Не просто будет он воитель,  
Но исполнитель божьих кар, —  
Он совершит, как поздний мститель,  
Давно обдуманый удар...

#### *Глава девятнадцатая*

#### **«НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...»**

«Давно обдуманый удар», предсказанный Тютчевым, 1855 год нанёс Российской империи.

Преданный летописец царствования Модест Корф написал в одной из книг: «Император Николай опочил от трудов своих смертью праведника». Самый старательный биограф Николая I, Николай Карлович Шильдер, написал рядом с этой фразой на полях своего экземпляра книги: «Отравился». «Окончательного решения этого вопроса мы не имеем и до сей поры», — признавался любитель исторических загадок Натан Эйдельман в 1984 году<sup>2</sup>.

Любители тайн истории предпочитают «конс-

<sup>1</sup> *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 272.

<sup>2</sup> *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. М., 1984. С. 18.

пирологическую» версию, которую не жаловавший императора Николая народник Николай Васильевич Шелгунов передал так: «Рассказывают, что, позвав своего лейб-медика Мандта, Николай велел ему прописать порошок. Мандт исполнил, Николай принял. Но когда порошок начал действовать, Николай спросил противоядие. Мандт молча поклонился и развёл отрицательно руками...»

Слухи, начавшие распространяться сразу же после смерти императора, были записаны в дневник студентом Николаем Добролюбовым, через некоторое время «подтверждены» вольным лондонским «Колоколом» Герцена, а потом постепенно начали обрастать показаниями «очевидцев». Всё это позволило некоторым романтическим историкам счесть версию если не достоверной, то вероятной. Появились даже исследования, уверяющие в истинности истории об отравлении-самоубийстве.

Тем не менее при всей обыденности «официальной версии» (осложнение на лёгких после гриппа, перенесённого «на ногах»), именно она остаётся наиболее доказанной как документами, так и новейшими анализами историков медицины<sup>1</sup>. Сlišком многие показания независимых свидетелей, в том числе не сговаривавшихся между собой авторов дневниковых записей, перевешивают немногочисленные и к тому же задним числом составленные «воспоминания» даже не свидетелей, а посредников, передающих свидетельства.

Впрочем, легенда об отравлении не отвергает того, что поначалу Николай заболел гриппом. «Официальная» версия долго — почти две недели — идёт

---

<sup>1</sup> Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX — начале XX века. М., 2008. С. 45—50.

бок о бок с «конспирологической». Всё начинается в конце января, на шумной свадьбе старшей дочери графа Клейнмихеля, Елизаветы. Николай — посажёный отец. Хоть и не пир среди чумы, но время эпидемии гриппа в России, в трудный военный год. Болеют военный министр Долгоруков, министр госимуществ Киселёв, автор известного «дневника цензора» Александр Васильевич Никитенко и знаменитая светская дама Александра Осиповна Смирнова-Россет... (А в Крыму страдает от «тифоида» хирург Пирогов, мается от разных напастей пока ещё командующий Меншиков)... Мороз, а император одет только в конногвардейский мундир с «лосиными панталонами и шёлковыми чулками». Немудрено простудиться или подхватить инфекцию: уже в ночь после свадьбы император почувствовал себя неуютно, но свалил всё на сбившиеся простыни и плохой сон... В понедельник 31 января император по традиции обедал с Павлом Дмитриевичем Киселёвым, оба кашляли и сморкались, и поэтому близких за стол не приглашали.

Уже на следующий день грипп усилился настолько, что Николай затворился у себя в кабинете и перестал выходить на прогулки. К субботе 5 февраля он чувствовал себя «совершенно нездоровым». Однако едва болезнь начала отпускать, Николай «изволил иметь выезд в Манеж, осматривать войско», навещал сестру Елену, проводывал болеющего военного министра... и так выезжал два дня подряд. Тщетно доктора пытались встать на пути императора.

— Ваше величество, в вашей армии нет ни одного медика, который позволил бы солдату выпиться из госпиталя в таком положении, в каком вы находитесь и при таком морозе в минус 23. Мой долг требует, чтобы вы не выходили из комнаты, —

пытался уговаривать больного лейб-медик Филипп Яковлевич Карель.

— Ты исполнил свой долг, позволь же и мне исполнить мой! — отвечал император.

Таков же был ответ и лейб-медику Мандту, который как доктор — требовал, как слуга — умолял государя не покидать дома. Но царь не мог не погротаться с гвардейскими солдатами, уходящими на театр военных действий: «Как! Эти люди идут на смерть за меня, а я не пойду хоть увидеть их, сказать им хоть слово ободрения! Мой долг поехать туда, и я поеду, что бы со мной ни случилось!»<sup>1</sup>

В результате к 11 февраля у Николая начались такая лихорадка и слабость, что он не выходил даже к непременно церковным службам, ни к обедне, ни к литургии. А 12 февраля пришло известие о поражении русских войск при штурме Евпатории, на успех которого Николай так надеялся. Приближённые помнили, как император вздыхал: «Бедные мои солдаты», сетовал: «Сколько жизней пожертвовано даром», ночью «плакал, как ребёнок» и клал земные поклоны.

Именно с 12 февраля император «с докладом господ министров принимать не соизволил, но отсылал дела к его Высочеству государю цесаревичу». Знаковое письмо 15 февраля 1855 года об отставке неудачливого командующего в Крыму князя Меншикова написано уже будущим Александром II: «Государь, чувствуя себя не совершенно здоровым, приказал мне, любезный князь, отвечать Вам его именем... Государь высочайше увольняет Вас от командования Крымскою армиею»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Доктор Мандт о последних неделях императора Николая Павловича // Русский архив. 1905. Кн. II. С. 480.

<sup>2</sup> *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. М., 2003. С. 334—335.

Двенадцатое февраля с трагическим известием о поражении под Евпаторией и разводит две версии.

«Конспирологи» приводят рассказ доктора Мандта (переданный, правда, через третьи руки):

«После получения депеши о поражении под Евпаторией вызвал меня к себе Николай I и заявил:

— Был ты мне всегда преданным, и потому хочу с тобою говорить доверительно — ход войны раскрыл ошибочность всей моей внешней политики, но я не имею ни сил, ни желания измениться и пойти иной дорогой, это противоречило бы моим убеждениям. Пусть мой сын после моей смерти совершит этот поворот. Ему это сделать будет легче, столкнувшись с неприятелем.

— Ваше величество, — отвечал я ему, — Всевышний дал Вам крепкое здоровье, и у Вас есть силы и время, чтобы поправить дела.

— Нет, исправить дела к лучшему я не в состоянии и должен сойти со сцены, с тем и вызвал тебя, чтоб попросить помочь мне. Дай мне яд, который бы позволил расстаться с жизнью без лишних страданий, достаточно быстро, но не внезапно (чтобы не вызвать кривотолков).

— Ваше величество, выполнить Ваше повеление мне запрещают и профессия, и совесть.

— Если не исполнишь этого, я найду возможным исполнить намеченное, ты знаешь меня, вопреки всему, любой ценой, но в твоих силах избавить меня от лишних мук. Поэтому повелеваю и прошу тебя во имя твоей преданности выполнить мою последнюю волю.

— Если воля Вашего величества неизменна, я исполню ее, но позвольте всё же поставить в известность о том государя-наследника, ибо меня как Вашего личного врача неминуемо обвинят в отравлении.

— Быть посему, но вначале дай мне яд»<sup>1</sup>.

Рассказу доктора Мандта противостоит... рассказ доктора Мандта, однако на этот раз не переданный через «посредников», а опубликованный вначале за границей, в 1883 году извлечённый из личных бумаг Александра II и почти сразу попавший на страницы журнала «Русский архив». По этому рассказу кризис наступил на пять дней позже известия о поражении в Евпатории, 17 февраля.

«Было около 10 минут четвертого, когда я остался наедине с больным Государем, в его маленькой уютной спальне, дурно освещённой и прохладной. Со всех сторон слышалось завывание холодного северного ветра. Я недоумевал и затруднялся, как объяснить самым мягким и пощадным образом мою цель больному... В первую минуту я почувствовал что-то похожее на головокружение; мне показалось, что все предметы стали вертеться перед моими глазами.

...Он устремил на меня свои большие, блестящие и неподвижные глаза и произнёс:

— Скажите же мне, разве я должен умереть?

Три раза готов был вырваться из моих уст самый простой ответ... и три раза моё горло как будто было сдавлено какой-то перевязкой: слова замирали, не издавая никакого понятного звука. Глаза больного императора были упорно устремлены на меня. Наконец, я сделал последнее усилие и отвечал:

— Да, Ваше Величество!

— Что же вы нашли вашим инструментом?

— Начало паралича <в лёгких>...

— Как достало у вас духу высказать мне это так решительно?

---

<sup>1</sup> Смирнов А. Загадочная смерть Николая I // Дорогами тысячелетий. М., 1991. С. 152—153.

— Я исполняю данное мной обещание. Года полтора тому назад Вы мне однажды сказали: “Я требую, чтобы Вы сказали мне правду, если б настала та минута!” К сожалению, Ваше Величество, такая минута настала. Во-вторых, я исполняю горестный долг по отношению к Монарху. Вы ещё можете располагать несколькими часами жизни, Вы находитесь в полном сознании и знаете, что нет никакой надежды. Эти часы Ваше Величество, конечно, употребите иначе, чем употребили бы их не зная, что Вас ожидает...»

Доктор залился слезами; император протянул ему руку в знак благодарности и промолвил: «Благодарю вас».

Через некоторое время Николай велел позвать членов императорской семьи и вообще взял руководство печальным обрядом прощания в собственные руки. Он подробным образом расписал, какую икону положить возле гроба и в какой зале Зимнего дворца устроить прощание, где поставить усыпальницу в Петропавловском соборе и на чём сэкономить ввиду войны (на пышном катафалке, на излишествах церемоний и т. д.). Николай сам определил, каким способом бальзамировать его останки, — при помощи электрического тока. К сожалению, именно выбранный им новый и мало проверенный способ бальзамирования внёс свою долю в распространение слухов об отравлении императора. Неудачно забальзамированное тело покойного стало быстро разлагаться — что можно было принять за признак отравления. Народ пускали прощаться к закрытому гробу — и это способствовало распространению слухов, позже выросших в легенду.

Последние часы жизни императора не были та-

кими спокойными и безболезненными, как сообщали народу официальные источники. «Это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать», — признавался Николай окружившим его близким. «Удушье. Сильные мучения...» — только и нашёл сил записать в дневнике в те часы ещё наследник Александр Николаевич<sup>1</sup>.

И тем не менее судьба дала императору возможность, редкую для русского монарха: умереть дома, в своей постели, проститься перед смертью с самыми близкими людьми: от детей и супруги до личных слуг и гренадёров дворцовой охраны. Каждого слабеющая рука государя осеняла крестным знаменем.

В вестибюле бродила бледная, как мрамор, Нелидова. В глазах — растерянность и отчаяние. Чуткая императрица сказала Николаю со всем тактом: «Некоторые из наших старых друзей хотели бы проститься с тобой: Юлия Баранова, Екатерина Тизенгаузен и Варенька Нелидова». Император всё понял и ответил: «Нет, дорогая, я больше не должен её видеть, ты ей скажи, что я прошу её меня простить, что я за неё молился и прошу её молиться за меня»<sup>2</sup>.

— Могу ли не любить тебя? — говорил Николай императрице. — Когда мы впервые увиделись, сердце моё сказало мне: вот твой ангел-хранитель на всю жизнь. И пророчество сердца сбылось.

У Александры Фёдоровны вырвалось:

— Оставь меня подле себя; я хотела бы уйти с тобой вместе. Как радостно было бы вместе умереть!

Николай указал на детей:

---

<sup>1</sup> Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993. С. 157.

<sup>2</sup> Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. С. 124—125.

— Не грехи, ты должна сохранить себя для детей, отныне ты будешь для них центром...

В разговоре с наследником прозвучали горестные ноты:

— Мне хотелось, приняв на себя всё трудное, всё тяжёлое, оставить тебе Царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение сулило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас любил более всего на свете.

Известный эмигрант Пётр Владимирович Долгоруков, знаток российских великосветских тайн, утверждал, будто на смертном одре император взял с наследника слово, что тот исполнит два незаконченных дела: освободит восточных христиан от турецкого ига и освободит крестьян от ига помещиков<sup>1</sup>. Однако более осведомлённая дочь Николая, Ольга, вспоминала, что подобные слова были произнесены в начале Крымской войны («Я не доживу до осуществления своей мечты; твоим делом будет её закончить»<sup>2</sup>).

Внуку, Николаю Александровичу, император преподал свой последний урок: «Учись, как должно умирать!»<sup>3</sup>

Незадолго до смерти Николай прочёл свою любимую молитву — молитву праведного Симеона Богоприимца «Ныне отпускаеши» — словно сам себя отпустил с тридцатилетнего караульного поста:

*Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей<sup>4</sup>.*

<sup>1</sup> Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 347.

<sup>2</sup> Цит. по: Николай I и его время. Кн. 2. М., 2000. С. 187.

<sup>3</sup> Русская старина. 1886. № 6. С. 612.

<sup>4</sup> Император Николай Первый. М., 2002. С. 723—724.

В десять часов утра Николай Павлович потерял способность говорить, но императрица и наследник, жена и сын, стоявшие у одра на коленях и державшие императора за руки, ещё чувствовали силу его рукопожатия. На какое-то время к императору вернулась речь — и он обратился к наследнику: «Держи всё — держи всё» — сжимая руку, показывая, что держать нужно крепко... В полдень рукопожатие стало слабеть и слабеть...

Император Николай Павлович умер в 12 часов 20 минут 18 февраля 1855 года, в ясный день, когда сверкали под солнцем снег и иней на деревьях Адмиралтейского бульвара. Едва в дворцовой церкви закончилась молитва о здравии императора, из комнаты Николая в большой вестибюль со сводами — место ожидания, заполненное придворными, — вышел генерал-адъютант Огарёв и возвестил: «Всё кончено».

Повисла тишина, прерываемая глухими рыданиями — многозначительная пауза между двумя царствованиями. Затем двери императорских покоев распахнулись. Придворных пригласили проститься с государем.

Белое лицо на зелёной подушке показалось фрейлине Тютчевой высеченным из мрамора, «красоты сверхъестественной»: «...сохранился ещё остаток жизни в очертаниях рта, глаз и лба, в том неземном выражении покоя и завершённости, которое, казалось, говорило: “Я знаю, я вижу, я обладаю”, в том выражении, которое бывает только у покойников и которое даёт нам понять, что они уже далеки от нас и что им открылась полнота истины»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. С. 127.

\* \* \*

*Из завещания императора Николая I:*

«Благодарю всех меня любивших, всех мне служивших. Прошаю всех, меня ненавидевших.

Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человек со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправиться в том, что за собой худого знал. В ином успевал, в другом нет; прошу искренне меня простить.

Я умираю с благодарным сердцем за всё благо, которым Богу было угодно на сём преходящем мире меня наградить; с пламенной любовью к нашей славной России, которой служил, по крайнему моему разумению, верой и правдой; жалею, что не мог произвести того добра, которого столь искренне желал. Сын мой меня заменит. Буду молить Бога, да благословит его на тяжкое поприще, на которое вступает, и сподобит его утвердить Россию на твёрдом основании страха Божия, дав ей довершить внутреннее ея устройство, и отдаляя всякую опасность извне»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888—1910. Кн. 13. С. 405—406.

## ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ I

- 1796, 25 июня — рождение великого князя Николая Павловича.  
7 ноября — зачисление на воинскую службу в лейб-гвардии Конный полк.
- 1798, 28 января — рождение брата Михаила Павловича.
- 1802 — начало систематического образования.
- 1809 — начало индивидуального обучения по университетской программе.
- 1814, февраль — июнь — первая поездка в Европу.  
22 февраля — знакомство с прусской принцессой Шарлоттой.
- 1815, 29 августа — участие в грандиозном смотре союзных армий — победительниц Наполеона в Вертю (Франция).
- 1816, 9 мая — 26 августа — образовательное путешествие по России.
- 1816, 13 сентября — 1817, 27 апреля — образовательная поездка в Европу.
- 1817, 1 июля — бракосочетание с принцессой Шарлоттой (при крещении в православии наречённой Александрой Фёдоровной).  
3 июля — назначение генерал-инспектором Инженерного корпуса.
- 1818, 17 апреля — рождение первенца Александра (будущего императора Александра II).  
27 июля — назначение командиром гвардейской бригады (Измайловский и Егерский полки).
- 1819, 13 июля — Александр I сообщает Николаю, что престол со временем перейдёт к нему в связи с нежеланием Константина царствовать.
- 1823, 16 августа — тайный манифест Александра I, объявляющий Николая наследником престола.
- 1824, 27 ноября — Николай получает известие о смерти Александра I в Таганроге 19 ноября и немедленно присягает Константину.  
12 декабря — Николай подписывает Манифест о восшествии на престол.
- 1825, 14 декабря — присяга императору Николаю и выступление декабристов в Петербурге.

- 1826, январь — июль — преобразование Собственной Его Императорского Величества канцелярии в высший орган государственного управления.  
30 апреля — отставка А. А. Аракчеева.  
13 июля — исполнение приговора над осуждёнными декабристами.  
16 июля — начало русско-персидской войны.  
22 августа — коронация в Москве.  
6 декабря — образование Комитета 6 декабря для подготовки «лучшего устройства и управления» в государстве.
- 1827, 8 октября — разгром англо-русско-французской эскадрой турецкого флота в Наваринской бухте.
- 1828, 10 февраля — Туркманчайский мирный договор с Персией. К России переходят Эриванское и Нахичеванское ханства.  
14 апреля — манифест о начале войны с Турцией.  
Май — октябрь — пребывание императора на театре военных действий с Турцией.  
24 октября — смерть матери, императрицы Марии Фёдоровны.
- 1829, 12 мая — коронация Николая в Варшаве как польского конституционного монарха.  
14 июля — освящение дворца Коттедж в Петергофе (по указу от 1 августа официальное наименование дворца — Александрия, в честь императрицы).  
2 сентября — Адрианопольский мирный договор с Турцией. К России отходят дельта Дуная и Черноморское побережье Кавказа от реки Кубань до Грузии.
- 1830, август — начало холерной эпидемии в Центральной России.  
29 сентября — Николай приезжает в холерную Москву.
- 1830, 17 ноября — 1831, 6 октября — восстание в Польше.
- 1831, 15 июня — смерть от холеры Константина Павловича.  
23 июня — Николай успокаивает холерный бунт на Сенной площади в Петербурге.
- 1832, 14 февраля — манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского», отменивший ранее действовавшую польскую конституцию.
- 1833, 19 января — Николай награждает М. М. Сперанского за успешное завершение работы над Сводом законов Российской империи.

- 21 марта* — циркуляр министра просвещения С. С. Уварова о том, чтобы «народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединённом духе Православия, Самодержавия и народности».
- 26 июня* — Ункяр-Искелесийский договор с Турцией — наиболее благоприятный для Российской империи за всю её историю (действовал до 1841 года).
- 23 ноября* — первое исполнение гимна «Боже, царя храни» (под названием «Молитва русского народа»).
- 1834, 22 апреля* — великий князь Александр Николаевич принимает присягу как наследник престола.
- 9 мая* — Николай говорит П. Д. Киселёву о необходимости освобождения со временем крепостных крестьян.
- 1835, 1 января* — введение в действие Свода законов Российской империи.
- Март* — начало работы первого из «Секретных комитетов» по крестьянскому вопросу.
- 26 июня* — принятие Университетского устава.
- 1837, 30 октября* — открытие Царскосельской железной дороги.
- Июль — декабрь* — большая поездка императора на юг: Петербург—Киев—Одесса—Севастополь—Анапа—Тифлис—Ставрополь—Воронеж—Москва—Петербург.
- 27 декабря* — образование Министерства государственных имуществ, начало реформы государственных крестьян.
- 1839, 1 июля* — начало финансовой реформы Е. Ф. Канкринна.
- 1842, 1 февраля* — Указ о строительстве железной дороги Петербург—Москва.
- 1843, 8 сентября* — рождение первого внука Николая Александровича, будущего наследника престола.
- 1844, 14 мая — 9 июня* — поездка в Англию, переговоры о возможной судьбе Турции, «больного человека Европы».
- 29 июля* — смерть любимой дочери Александры (р. 1825).
- 1845, 1 декабря* — встреча в Ватикане с папой Григорием XVI.
- 1848, 14 марта* — Манифест о революции в Европе.

- 2 апреля* — учреждение «бутурлинского» цензурного комитета.
- 1849, 26 апреля* — Манифест о помощи Австрии в подавлении Венгерского восстания.
- 28 августа* — смерть Михаила Павловича в Варшаве.
- 22 декабря* — исполнение приговора над петрашевцами.
- 1850, 1 августа* — основание в устье Амура Николаевского поста (ныне Николаевск-на-Амуре) капитаном Г. И. Невельским.
- 1851, 19—22 августа* — поездка царской семьи на 25-летие коронации по вновь построенной железной дороге Петербург—Москва.
- 1853, 23 июня* — вступление русских войск в Дунайские княжества.
- 20 сентября* — основание Муравьевского поста на юге Сахалина.
- 4 октября* — Турция объявляет России войну.
- 1854, 4 февраля* — решение о строительстве Заилийского укрепления (позже — крепость Верный, город Алмата).
- 15 и 16 марта* — Англия и Франция объявляют России войну.
- 18 мая — 14 июня* — первая экспедиция русской флотилии по Амуру.
- 2 сентября* — начало высадки союзников в Крыму.
- 1855, 18 февраля* — кончина императора Николая I в Зимнем дворце.
- 5 марта* — погребение императора Николая I в соборе Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

## КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

*Альтшуллер М.* Меж двух царей: Пушкин в 1824—1836 гг. СПб., 2003.

*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983.

*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888—1910.

*Высочков Л. В.* Николай I (серия «ЖЗЛ»). М., 2003.

*Зайончковский А. М.* Восточная война. 1853—1856: В 2 т. СПб., 2002.

Император Николай Первый (Русский мир в лицах). М., 2002.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года). М., 1995.

*Корф М. А.* Записки. М., 2003.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926.

Николай I и его время. Кн. 1, 2. М., 2000.

Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн.1. СПб., 2008.

Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000.

*Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 3, 4. М., 2003.

Россия под надзором: Отчёты III отделения. 1827—1869. М., 2006.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества (ИРИО). Т. 98. Материалы к биографии императора Николая I и к истории его царствования. СПб., 1896.

*Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888.

*Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887.

*Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889.

*Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000.

*Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004.

*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2 кн. М., 1996.

*Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: В 7 т. СПб., 1888—1904.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Детство . . . . .	5
<i>Глава вторая.</i> «Романов-третий» . . . . .	20
<i>Глава третья.</i> Опоздавший на Отечественную войну	33
<i>Глава четвёртая.</i> Наследник. . . . .	54
<i>Глава пятая.</i> Междуцарствие . . . . .	71
<i>Глава шестая.</i> «Друзья по четырнадцатому» . . . . .	90
<i>Глава седьмая.</i> 1826 год. . . . .	105
<i>Глава восьмая.</i> С. Е. И. В. К. . . . .	122
<i>Глава девятая.</i> «Войной, надеждами, трудами...» . . .	139
<i>Глава десятая.</i> Эпидемии и мятежи. . . . .	162
<i>Глава одиннадцатая.</i> «Лягте, горы! Встаньте, бездны!»	187
<i>Глава двенадцатая.</i> Воспитание наследника . . . . .	207
<i>Глава тринадцатая.</i> Что скрывали «Секретные комитеты»?	218
<i>Глава четырнадцатая.</i> Дворец и Коттедж. . . . .	232
<i>Глава пятнадцатая.</i> «До стен недвижимого Китая» . .	249
<i>Глава шестнадцатая.</i> «Жандарм Европы» . . . . .	269
<i>Глава семнадцатая.</i> «Времена шатки — береги шапки»	285
<i>Глава восемнадцатая.</i> Крымская война. . . . .	303
<i>Глава девятнадцатая.</i> «Ныне отпускаеши...» . . . . .	321
Основные даты жизни и деятельности Николая I . .	332
Краткая библиография . . . . .	336

**Олейников Д. И.**

**О-53** Николай I / Дмитрий Олейников. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 339[13] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 36).

**ISBN 978-5-235-03537-9**

Легенды о Николае I (1796—1855) начинаются с тайны его рождения и множатся вплоть до смерти. Один из самых мужественных и красивых русских императоров надолго вошёл в ряд «антигероев» отечественной истории. Старым и новым ниспровергателям удобно было сваливать на самодержца грехи казнокрадов, бюрократов, бездарностей. Ради этого, правда, приходилось замалчивать водружение русского флага над устьем Амура, освобождение Греции и значительной части Армении от османского гнёта, подготовку университетских профессоров за границей на государственный счёт, создание единого свода законов и стабильной финансовой системы и даже появление столь привычных ныне Сберегательного банка и рождественской ёлки... И сколько бы ни противопоставляли царствования Николая I и Александра II, отца и сына, преемственность их очевидна. Об этом и многом другом рассказывает историк Дмитрий Олейников, чья предыдущая книга «Бенкендорф» в серии «ЖЗЛ» вызвала немало заинтересованных читательских откликов и споров в научной среде.

**УДК 94(47)(092)“18”**  
**ББК 63. 3(2)521.2-8**

**Олейников Дмитрий Иванович**  
**НИКОЛАЙ I**

Редактор **Л. С. Калужная**  
Художественный редактор **А. В. Никитин**  
Технический редактор **В. В. Пилкова**  
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 27.03.2012. Подписано в печать 18.06.2012.  
Формат 70x100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.  
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 14,3 + 1,3 вкл. Тираж 5000 экз.  
Заказ № 1208740.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:  
127055, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>.  
E-mail: [dse1@gvardiya.ru](mailto:dse1@gvardiya.ru)

**arvato**  
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством  
предоставленного электронного оригинал-макета  
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»  
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

**ISBN 978-5-235-03537-9**

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

# ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Борисов  
«ЗВОРЫКИН»

Л. Сексик  
«ЭЙНШТЕЙН»

С.-О. Пикон  
«САРА БЕРНАР»

В. Эрлихман  
«РОБИН ГУД»

Б. Григорьев  
«КОРОЛЕВА КРИСТИНА»



Телефоны для оптовых покупателей:  
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64  
<http://gvardiya.ru>. E-mail: [dset@gvardiya.ru](mailto:dset@gvardiya.ru)

*Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии*

## **ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:**

# **ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

*Л. Петрушенко*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ**

*Е. Акельев*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
ВОРОВСКОГО МИРА МОСКВЫ  
ВО ВРЕМЕНА ВАНЬКИ КАИНА**

*О. Ковалик*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
БАЛЕРИН РУССКОГО  
ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА**

*Б. Ковалев*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД  
НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**

*Н. Будур*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
ИНКВИЗИЦИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Телефоны для оптовых покупателей:  
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64  
<http://gvardiya.ru> [dset@gvardiya.ru](mailto:dset@gvardiya.ru)

*Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии*

## **ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:**

# **ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

*Ж.-П. Креспель*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
ИМПРЕССИОНИСТОВ**

*Е. Глаголева*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
МАСОНОВ В ЭПОХУ  
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

*А. Зверев*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО  
ПАРИЖА**

*Ю. Батурин*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
РОССИЙСКИХ КОСМОНАВТОВ**

*П. Декс*  
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
СЮРРЕАЛИСТОВ  
В 1917—1932 ГОДАХ**

Телефоны для оптовых покупателей:  
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64  
<http://gvardiya.ru> [dse1@gvardiya.ru](mailto:dse1@gvardiya.ru)

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

# ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Матонин  
«БРОЗ ТИТО»

А. Васькин  
«МОСКОВСКИЕ ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ  
XIX ВЕКА»

И. Курукин  
«АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА»

В. Есипов  
«ШАЛАМОВ»

Г. Чернявский  
«ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ»

С. Даншен  
«ЭЛВИС ПРЕСЛИ»

Л. Анисарова  
«НОВИКОВ-ПРИБОЙ»



Телефоны для оптовых покупателей:  
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64  
<http://gvardiya.ru>. E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

# ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Ивченко  
«КУТУЗОВ»

А. Сергеева-Клятис  
«БАТЮШКОВ»

Ф. Бедарида  
«ЧЕРЧИЛЛЬ»

Д. Олейников  
«НИКОЛАЙ I»

А. Ливергант  
«СОМЕРСЕТ МОЭМ»

А. Архангельский  
«АЛЕКСАНДР I»

В. Филимонов  
«АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ»



Телефоны для оптовых покупателей:  
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64  
<http://gvardiya.ru>. E-mail: [dset@gvardiya.ru](mailto:dset@gvardiya.ru)

# СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

## Б. Л. Духон, Г. Н. Морозов БРАТЯ СТАРОСТИНЫ

Братья Старостины — уникальное явление в истории спорта. Легендой они стали еще при жизни, причем все четверо сразу — Николай, Александр, Андрей и Петр. Их главное детище — спортивное общество и футбольная команда «Спартак», созданная их усилиями и их же усилиями превратившаяся в поистине «народную», ставшая предметом поклонения для миллионов болельщиков. Едва ли найдется в мировом футболе подобный пример: старший из братьев, Николай Петрович, начал свои занятия спортом еще до революции, а в 1935 году стал «крестным отцом» нынешнего «Спартака», которым продолжал руководить до самой своей смерти в 1996 году. Без малого столетие, отданное футболу! Причем специалисты — как наши, так и зарубежные — признают: в принципах руководства командой он намного опередил свое время. Третий из братьев, Андрей Петрович, работал начальником сборной СССР, и с его именем связано самое большое наше достижение в футболе — выигрыш первенства Европы в 1960 году.

Но братья сумели проявить себя не только на футбольном поле. Судьбу их отнюдь не назовешь легкой. Им — опять же всем четверым — пришлось пройти и через тюрьмы и сталинские лагеря, 12 лет оказались по существу вычеркнуты из жизни. В их биографиях, как в капле воды, отразилась биография страны, со всеми ее трагическими поворотами.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения  
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

# СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**А. Ю. Сергеева-Клятиц**  
**БАТЮШКОВ**

Один из наиболее совершенных стихотворцев XIX столетия, Константин Николаевич Батюшков (1787—1855), занимает особое место в истории русской словесности как непосредственный и ближайший предшественник Пушкина. В житейском смысле судьба оказалась чрезвычайно жестока к нему: он не сделал карьеры, хотя был храбрым офицером; не сумел устроить личную жизнь, хотя страстно мечтал о женитьбе, да и его творческая биография оборвалась, что называется, на взлете. В книге, предлагаемой вниманию читателей, биография Батюшкова представлена в наиболее полном на сегодняшний день виде; учтены все новейшие наблюдения и находки исследователей, изучающих жизнь и творчество поэта. Помимо прочего, автор ставила своей целью исправление застарелых ошибок и многочисленных мифов, возникавших и возникающих вокруг фигуры этого гениального и глубоко несчастного человека.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения  
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

# СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**В. В. Есипов**  
**ШАЛАМОВ**

Главное в биографической книге — историческая точность. К этому и стремился автор, понимая, что трагизм жизненной и литературной судьбы выдающегося русского писателя Варлама Тихоновича Шаламова может быть по-настоящему осознан лишь в контексте времени. Весь путь Шаламова был «сплетен», как он писал, «с историей нашей». Это и дореволюционная российская культура, и революция, и 1920-е годы, в которые писатель сложился как личность, и сталинская эпоха, повергшая его в преисподнюю Колымы, и все последующие годы, когда судьба тоже не была благосклонна к нему. Как же удалось Шаламову выдержать тяжелые испытания и выразить себя со столь мощной и величественной художественной силой, потрясшей миллионы людей во всем мире? Книга может дать лишь часть ответов на эти вопросы — обо всем остальном должен подумать читатель, опираясь на многие новые или малоизвестные факты биографии писателя.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения  
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

# СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**В. И. Шубинский**

## **ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ**

Поэзия Владислава Ходасевича (1886—1939) — одна из бесспорных вершин XX века. Как всякий большой поэт, автор ее сложен и противоречив. Трагическая устремленность к инобытию, полное гордыни стремление «выпорхнуть туда, за синеву» — и горькая привязанность к бедным вещам и чувствам земной юдоли, аттическая ясность мысли, выверенность лирического чувства, отчетливость зрения. Валерий Шубинский, поэт, критик, историк литературы, автор биографий Ломоносова, Гумилёва, Хармса, представляет на суд читателей первую попытку полного жизнеописания Владислава Ходасевича. Как всякая первая попытка, книга неизбежно вызовет не только интерес, но и споры.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения  
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

# СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. Д. Тумаркин

## МИКЛУХО-МАКЛАЙ

В самой фамилии Николая Миклухо-Маклая слышится эхо дальних странствий, звучит голос судьбы, отправившей потомка украинских казаков и немецких врачей на далекую Новую Гвинею, жители которой до сих пор вспоминают о русском «человеке с Луны». Первым из ученых посетив труднодоступные районы Океании и Юго-Восточной Азии, Миклухо-Маклай самоотверженно, порой с опасностью для жизни, изучал их природу и население. Его исследования имеют не только научную ценность — в эпоху колониальных захватов он неустанно призывал видеть в «дикарях» людей, беречь их самобытную культуру. «Белому папуасу» посвящено немало книг, вышедших в России и за рубежом, но многие моменты его биографии до сих пор остаются непроясненными. Новое жизнеописание Миклухо-Маклая, созданное известным этнографом Даниилом Тумаркиным, — итог многолетних изысканий, подробно освещающий недолгую, но яркую жизнь выдающегося ученого-гуманиста.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения  
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

# СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**Л. Л. Ивченко**  
**КУТУЗОВ**

Эта книга — о великом русском полководце и дипломате Михаиле Илларионовиче Кутузове (1745—1813). Последний из плеяды «славных екатерининских орлов», герой Очакова, Измаила, Мачина, он выжил после серьезнейших ранений, чтобы в конце земного пути совершить главный свой подвиг: возглавив русскую армию, разгромить и изгнать иноплеменное воинство, вторгшееся в Россию под предводительством Наполеона в 1812 году. Привлекая богатый документальный материал, автор биографии развенчивает многочисленные мифы о своем герое, созданные его недоброжелателями и поднятые на щит некоторыми современными исследователями, показывает Кутузова как человека и семьянина, повествует о непростых отношениях полководца с императором Александром I.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения  
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

---

# ИНФОРМАЦИЯ

---

# ДЛЯ ОПТОВЫХ

---

# ПОКУПАТЕЛЕЙ

---

*Склад*  
*издательства «Молодая гвардия»*  
*находится в центре Москвы*  
*по адресу:*  
*Сущевская ул., д. 21*  
*ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*



**В отделе реализации действует  
гибкая система скидок**



**Доставка книг по территории  
Москвы и Московской области  
БЕСПЛАТНО**

**ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ**

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

**ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА**

8(495) 787-65-39    8(495) 787-63-64



ISBN 978-5-235-03537-9



9 785235 035379 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ